А. Оглоблин

Очерки истории укр. фабрики

28196

Проф. А. П. ОГЛОБЛИН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ УКРАИНСКОЙ ФАБРИКИ

ПРЕДКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ФАБРИКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УКРАИНЫ

38194

[338 (47.7)]

Проф. А. П. ОГЛОБЛИН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ УКРАИНСКОЙ ФАБРИКИ

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

ПРЕДКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ФАБРИКА

КНИГОЗБІРНЯ
„СТУДІОН"
у Львові

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1925

Львівська державна
наукова бібліотека
№ 4459

:: :: ТРЕСТ :: ::
«КИЕВ-ПЕЧАТЬ»,
7-я ТИПО-ЛИТ.
улица Горовица 20.

Киевский Гублит № 12226 (7702). Зак. № 638—3000.

38196

Предисловие.

История украинской фабрики в первой половине XIX столетия ставит перед исследователем основные вопросы экономической истории Украины XIX века, приближает его к основным проблемам украинской историографии. Если до сих пор украинская историческая наука могла вести свою работу в рамках той схемы, какая создана была еще старой украинской историографией во второй половине XVIII столетия, то последующее историческое развитие Украины (с конца XVIII века), обычно вмещавшееся в формах науки русской истории, обязывает нашу историографию выработать схему украинского исторического процесса XIX—XX в.в. на новых, научных основаниях. Исследователь истории украинской промышленности первой половины XIX века, в процессе своей работы, отчетливо сознает всю трудность специальных студий, без установленных историографических рамок и вех. Материал, подлежащий его изучению, в большинстве случаев крайне неясная масса официальной статистики и отрывочные статистическо-экономические описания отдельных местностей,—весь рассчитан в общеимперском масштабе, безусловно подчинен его интересам. Научная литература, достояние русской и польской исторической науки, еще в большей степени—во власти обычных схем русской и польской истории. Однако, в понимании старой украинской экономики историк не может быть связан современными ему формами и отношениями. Он должен в исследуемой области изучить эволюцию прежних экономических форм, изменения в направлении, видах и темпе хозяйственного развития Украины предшествующей эпохи, найти те экономические силы, развитие которых

определило хозяйственное бытие последующего периода. Историк украинской фабрики исследует не фабричную промышленность восьми губерний и двух градоначальств б. Российской Империи [1]); политические рамки обязательны для него постольку, поскольку они согласованы с хозяйственными районами, в их историческом развитии. Вот почему подойти к изучению украинской дореформенной фабрики с масштабом общеимперского хозяйства—было бы методологической ошибкой. Можно исходить только из принципа хозяйственной автономии Украины.

Настоящий выпуск Очерков посвящен изучению предкапиталистической фабрики, главным образом, во второй трети столетия, когда эта промышленная форма выступает перед нами в целостном и законченном виде. Борьба дворянского (крепостного) и купеческого (капиталистического) предпринимательства в фабричной промышленности—основная тема предлагаемой работы. Внимание исследования сконцентрировано на развитии суконной и свеклосахарной промышленности. Предлагаемая работа непосредственно примыкает к предыдущему выпуску Очерков, посвященному крепостной фабрике. Некоторое изменение плана издания (самостоятельность отдельных выпусков) заставило автора сделать ссылки на соответствующие места указанной книги. Однако, повторения и некоторые изменения оказались необходимыми.

Материал, использованный автором, в большинстве своем указан во введении к книге „Крепостная фабрика". Это, главным образом, официальный юридический и статистический материал, опубликованный в правительственных и частных изданиях, преимущественно современных изучаемой эпохе, различные статистическо-экономические описания и сборники, составленные в середине XIX века, и отчасти журнальная литература второй трети столетия. К сожалению, ряд изданий, отсутствующих в киевских книжных коллекциях, остался автору недоступным. То же при-

---

[1]) Вопрос о включении в состав территории Украины XIX в. некоторых других губерний и областей б. Российской Империи требует специального рассмотрения.

ходится сказать и относительно архивного материала. Специальные вопросы, касающиеся организации дореформенной фабрики, представилось целесообразным выделить в особый выпуск.

Автор сожалеет, что ему не удалось сделать постраничных ссылок на предыдущие выпуски Очерков.

Киев. 7. XII. 1924.

Настоящий выпуск, по независящим от автора обстоятельствам, выходит ранее указанной выше книги „Крепостная фабрика".

13. IV. 1925.

Семинару
экономической истории Украины,
руководимому мною,
посвящаю эту книгу.

38196

Львів. Бібліотека
Ак. Наук УРСР

ПРЕДКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ФАБРИКА

Глава I.

I.

Первая половина XIX столетия и 50-е годы его в истории украинской фабрики могут быть определены, как эпоха борьбы вотчинной фабрики, основанной на крепостном труде и находившейся в руках поместного дворянства,—и фабрики, основанной на вольнонаемном труде и находившейся в руках преимущественно купечества и мещанства и лишь в немногих случаях в руках крестьянства и беспоместного дворянства. Не приходится останавливаться на принципиальном экономическом противоречии обеих промышленных групп: крепостные и капиталистические отношения создавали сущность их. Но историческое развитие Украины в первой половине XIX века значительно осложнило эту схему. Обе группы промышленных предприятий в общем действовали и развивались в одних и тех же хозяйственных рамках[1]), подчиняясь общим законам экономического развития страны. Теоретическая противоположность этих групп решительно сталкивала их между собою в одни моменты их общей истории; но та же противоположность в иные моменты нисколько не противодействовала их практическому контакту, их добрососедской уживчивости, сохраняя все свое принципиальное значение. Самое интересное это то, как в рамках крепостного хозяйства развивалась одна и другая форма промышленности, как постепенно вотчинная промышленность переходила от домашнего ремесла к крупному производству, создавала большие предприятия, жившие исключительно рынком, снабженные последними техническими усовершенствованиями и иногда пользовавшиеся вольнонаемным трудом; в то же время, как рядом с нею росла и крепла городская (условно)

[1]) Разрядка, как везде, наша.

промышленность, созданная развитием рынка, действовавшая вольнонаемным трудом; и как, наконец, взаимодействующее развитие одной и другой формы промышленности создавало новую переходную форму промышленности— предкапиталистическую фабрику, соответствовавшую распаду крепостного хозяйства, содействовавшую этому распаду и — в развитии промышленного капитализма— организовывавшую новое капиталистическое хозяйство и новую капиталистическую фабрику.

„Для России особенно выгодно то, что в ней образуются не фабричные города, а фабричные деревни, и, таким образом, землепашество и фабрики вступают в тесную связь между собою"—писал путешествовавший в середине 30-х г. по Украине Шмальц [1]). Конечно, дерптский профессор несколько ошибался: фабричные города на Украине все же были. Но его вывод верно отражает то оживление крепостной промышленности, которое характеризует эпоху аграрного кризиса первой половины XIX столетия. И дворянская и купеческая фабрики на Украине — старше XIX века; они явились здесь в XVIII веке, и исследователь едва ли мог бы утверждать с бесспорностью старшинство одной из них. Но если первая половина следующего столетия, период разложения крепостного хозяйства, определила судьбу дворянской фабрики, то купеческой фабрике она открыла далекие и интересные перспективы. Мы видим в первой четверти XIX века развитие и дворянской и купеческой фабрики; в конце этого периода, при безусловном преобладании первой, замечаем борьбу двух хозяйственных форм и двух социальных групп в промышленности. В этот период купеческая фабрика приспособляется к строю дворянской, втягивается в рамки помещичьего хозяйства; торговый капитал пытается путем аренды, в ее различных видах, подчинить своему влиянию вотчинную фабрику; он устраивает свои предприятия в селах, пользуется фактически крепостным трудом. Это хозяйственное преобладание вотчинной фабрики сохраняется и далее, в 30-х годах и первой половине 40-х, хотя она несколько изменяется в этот период. Характерно,

[1]) Журн. мин. вн. дел, 1837, ч. XXV, с. 501.

что помещичье предпринимательство переходит от суконного к свеклосахарному производству. Зато с 30-х годов, во второй трети столетия, начинается наростание капиталистической промышленности, в двух главных ее формах, фабрики и кустарной мастерской. В 30-х и первой половине 40-х годов мы замечаем параллельное развитие и дворянской и купеческой фабрики. Но с середины 40-х годов, когда помещичье хозяйство вышло из кризиса, а купеческая фабрика от дальних рынков обращается к захвату ближних,—мы видим, как быстро и уверенно капиталистические отношения проникают в сельское хозяйство и в „фабричные деревни", как торгово-промышленный капитал занимает видное место и в суконном и в свеклосахарном производствах, важнейших отраслях вотчинной промышленности. Влияние международной и внутренней экономики создавало грозные для дворянской фабрики кустарные мастерские сукон немецких колонистов в Волыни и Подолии и городищенский фабричный городок, уголок французской индустрии, перенесенный на Киевщину. В этот период окончательно закрепляется хозяйственная позиция купеческой фабрики, капиталистические отношения („коммерческий расчет" и вольнонаемный труд) проникают в вотчинную промышленность, формируется понятие предкапиталистической фабрики. Это экономически задерживает в 50-х годах ликвидацию вотчинной промышленности, но неизбежно в своем развитии разрушает крепостное хозяйство, а, стало быть, и крепостную промышленность.

Одним из основных вопросов экономического развития Украины в XIX веке, методологическое значение которого совершенно бесспорно, является вопрос о взаимоотношениях украинского и русского капитала. Необходимо оговорить, что в данном случае мы имеем не единый вопрос. Он составляется из двух частей, координированных тесной исторической связью и взаимодействием, но по существу своему вполне или отчасти автономных. Это—взаимоотношение украинского и русского (великорусского) капи-

тала и украинского и российского (имперского) капитала. Само собою разумеется, обе части интересующего нас вопроса не могут быть одинаковым об'ектом нашего изучения. Если первая часть обязательна для нас, то вторая может быть намечена в данной работе лишь в общих чертах. Переводя интересующий нас историко-экономический вопрос на язык экономических понятий, мы придем к проблеме внешнего и внутреннего рынка. Русские экономисты дореформенной эпохи утверждали, что „широкое промышленное развитие обусловливается исключительно работой на внешний рынок“ [1]). В частности, известный экономист 50-х годов Тенгоборский, развивая свою теорию о судьбах обрабатывающей промышленности в Восточной Европе, игнорировал значение внутреннего обмена и его роста под влиянием парового транспорта [2]). Эта, наивная—по выражению Струве—точка зрения, конечно, об'яснялась условиями той эпохи, отражала дореформенную экономику Восточной Европы [3]). Во второй половине XIX столетия, уже в условиях пореформенной экономики, экономисты-народники реставрировали эту, в основе своей, ненаучную теорию. Свое отрицание возможности капитализма в Восточной Европе они основывали, между прочим, на том, что для широкого развития „русского“ капитализма необходимы внешние рынки, которых ему, в силу исторических условий, никогда не удастся завоевать [4]). Это положение встретило ряд критических возражений. Указывалось на то, что „отсутствие внешнего рынка не составляет еще препятствия для развития капитализма, и что в такой обширной стране, как

---

[1]) См. Струве, Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России, вып. I, с. 258, пр. 1 (на стр. 258—59).

[2]) Tegoborski, Etudes sur les forces productives de la Russie, t. I, p. 102; t. II, p. 203.

[3]) Струве, op. cit., 258. Характерно, что некоторые экономисты 50-х годов (напр., Вернадский) стояли на противоположной точке зрения, отмечая, что „затруднения для мануфактурной деятельности в России находятся не столько в природе страны, сколько в ее теперешнем положении, которое может со временем измениться“ (примечание Вернадского на стр. 19 русского перевода книги Тенгоборского „О производ. силах России“, ч. II, отд. 2,—Спб. 1858).

[4]) См. Струве, 250—51.

Россия, и внутренний рынок достаточно еще велик, чтобы на почве его мог развиваться капитализм, раз только главная часть населения страны, живущего до сих пор земледельческим трудом, будет поставлена в условия, благоприятные как для хлебного производства, так и для развития своего благосостояния и своих потребностей“ [1]). Шире соответствующая аргументация была развита Струве. Отмечая прогрессивный рост внутреннего рынка, в связи с „производственным прогрессом земледельческого хозяйства“, Струве указывает, что в условиях пореформенной экономики, „именно благодаря своей территориальной громадности, которая равносильна обширному, а при условии прогрессивного вытеснения натурального хозяйства денежным, постоянно и быстро растущему внутреннему рынку, Россия может ceteris paribus быстрее всех других государств развить свою обрабатывающую промышленность“. При этом Струве ссылается и на западно-европейских экономистов (А. Вагнер, Шеффле), которые отмечали, что Россия, подобно Великобритании с ее колониями и Северо-Американским Соединенным Штатам, обнимая огромные пространства с самыми разнообразными естественными условиями, внутри одного политического целого, может быть и самодовлеющим экономическим целым. Наконец, Струве констатирует влияние российского капитализма на дальне и ближневосточные рынки [2]). В своей монографии о развитии капитализма в России В. Ильин [3]) совершенно правильно поставил проблему образования внутреннего рынка для крупной промышленности. Выяснив и экономическую и историческую несостоятельность народнической теории, связывавшей „вопрос о внешнем рынке для капитализма с вопросом о реализации продукта“, дав тонкий анализ „необходимости“ внешнего рынка для капитализма, он оста-

---

[1]) См. ibid., 254.

[2]) Ibid., 245—60. См. Струве, На разные темы (1893—1901 г.г.). Сборник статей, с. 32—34, 51. Ср. Туган-Барановский, Русская фабрика (изд. 2), с. 365—70; Туган-Барановский, Промышленные кризисы (изд. 2), с. 31—33.

[3]) В. Ильин (В. И. Ленин), Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности (Спб. 1899).

JP18

навливается на процессе расширения старых рынков. Исследуя тенденции русской текстильной промышленности „выйти за пределы старых рынков", Ильин подчеркивает, что этот процесс является не перенасыщением старого рынка, а результатом неизбежного безграничного роста производства. „Фабрикантам—говорит он—нужен рынок немедленно, и если отсталость других сторон народного хозяйства суживает рынок в старом районе, то они будут искать рынка в другом районе или в других странах или в колониях старой страны". Это естественно приводит нас к вопросу, „где же граница между внутренним и внешним рынком?" „Взять политическую границу государства было бы слишком механическим решением—пишет Ильин,—да и решение ли это? Если Средняя Азия—внутренний рынок, а Персия—внешний, то куда отнести Хиву и Бухару? Если Сибирь—внутренний рынок, а Китай—внешний, то куда отнести Манджурию? Подобные вопросы не имеют важного значения. Важно то, что капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства". Таким образом, „процесс образования рынка для капитализма представляет две стороны, именно: развитие капитализма вглубь, т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории,—и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории" [1]). Вопрос о различии внутреннего и внешнего рынка разрешен Ильиным методологически правильно. Более того, эта постановка вопроса намечает интересные перспективы историко-экономического исследования Восточной Европы.

Однако, русская историко-экономическая наука не смогла правильно разглядеть и учесть их в своей формуле экономического развития Восточной Европы. В высокой степени

---

[1]) Ильин, 25—29, 171—75; см. ibid., 186—87.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

важно то, что все выводы Струве (и Ильина) основаны на изучении только пореформенной экономики и, в сущности, выходят из слишком схематичной противоположности московского ситца и новороссийской пшеницы. Может быть, для экономиста, исследующего материал только одного экономического периода (в данном случае, второй половины XIX века), эта антитеза убедительна. Но для историка-экономиста она несомненно недостаточна [1]). Впрочем, перед нами в данном случае далекое, но неотвязное влияние обычной схемы „русской" истории, до сих пор тяготеющее над всей русской историографией. В канонизованной схеме —а иной нет—экономического развития Восточной Европы в XIX веке совершенно отсутствуют или же получают неправильное освещение такие важные вопросы, как взаимоотношение польского и российского капитала, развитие украинского капитала, наконец, вообще остается неисследованным процесс накопления восточно-европейского капитала. А ведь это вопросы, от которых историк не может заслониться шаблонной историографической схемой. Ясно одно. Недопустимо рассматривать исторически Восточную Европу, тем более б. Российскую Империю, как одно и единое хозяйственное целое. Нельзя исходить из данных (современных) политических границ и данной экономики. Они сложились историческим путем, и если существующая схема может совпасть с реальной жизнью данного периода, то она все же не об'яснит нам его существенных деталей и—что самое главное—не об'яснит нам исторической эволюции существующих форм и отношений, а, стало быть, она методологически недостаточна. Указанные выводы Ильина мы должны расширить и на первую половину XIX столетия, по крайней мере, на вторую четверть его. Они помогут нам правильнее уяснить взаимоотношение украинского и российского (великорусского и имперского)

[1]) Мнение Струве о „старинном национальном разделении труда между промышленной (северной и северо-центральной) и земледельческой (южной, юго-восточной и южно-центральной) Россией" (Крепостное хозяйство, 79; см. с. 79—81; разрядка наша)—едва ли обосновано исторически.

Львівська державна наукова бібліотека № 4459

КНИГОЗБІРНЯ „СТУДІОН" у Львові

капитала в данный период. Конечно, мы должны учитывать экономическую разницу первой и второй половины XIX столетия. Научное исследование эволюции восточноевропейского хозяйства в первой половине XIX столетия не должно исходить только из организации русской текстильной промышленности. Необходимо равномерно изучить основные элементы краевого хозяйственного развития. Тем более обязан сделать это историк украинской фабрично-заводской промышленности первой половины XIX века. Необходимо только изменить масштаб, точку зрения нашего исследования. Надо оценить различные факты и факторы хозяйственного развития Украины в первой половине XIX века, исходя не из Великороссии, не из русского хозяйства, а прежде всего из украинского хозяйства, его масштаба, его интересов, его развития. Конечно, мы впали бы в крайность другой схематизации, если бы рассматривали развитие украинского хозяйства изолированно от хозяйства русского и—добавим—польского. Больше того, в таком случае мы просто не поняли бы развития украинского хозяйства, а, стало быть, украинского исторического процесса XIX столетия. Ведь мы констатируем в первой половине его захват украинского рынка русским торгово-промышленным капиталом, процесс, начавшийся еще с первой половины XVIII века и закончившийся (для Левобережья и Юго-Восточной Украины) только к середине следующего столетия. Мы увидим далее, что русскому капиталу пришлось в первой (и во второй) половине XIX столетия вести борьбу с польским капиталом из-за украинского рынка. Игнорировать эти процессы нельзя. Но нельзя также забывать развития *украинской* экономической жизни. Нельзя же в самом деле серьезно думать, что Украина была исконным рынком для русского хозяйства. Для первой половины XIX столетия, т. е. для занимающего нас периода украинской истории, формула значительно сложнее. Прежде всего это хозяйственный контраст *украинского* севера и *украинского* юга—Волыни и Херсонщины, Черниговщины и Екатеринославщины. Более того, *иногда* мы обязаны отметить и учесть хозяйственную дифференциацию в пределах одной и той же губернии.

Таким образом, историк украинской промышленности первой половины XIX века прежде всего должен проследить процесс накопления украинского капитала, нарастание капиталистических отношений в рамках украинского хозяйства. Правильная постановка этого вопроса неизбежно поставит перед ним вопрос о влиянии на это развитие русского и польского капитализма: их борьба за украинский рынок и из-за украинского рынка. Тем самым ставится вопрос о доле украинского хозяйства в восточно-европейском капитализме, вопрос о том, как сложилась пресловутая антитеза русского ситца и украинской пшеницы. Ближайшая основная задача украинской историко-экономической науки—создать новую историческую схему хозяйственного развития Восточной Европы XIX века. Для этого необходимо собрать, систематизировать и изучить огромный новый материал и наново исследовать материал старый, уже известный. Пока этого нет, мы не можем разрешить поставленный выше основной вопрос экономического развития Украины в первой половине XIX века. Попробуем наметить только некоторые вехи, без которых нам непонятными останутся общие условия развития украинской фабрично-заводской промышленности в XIX веке, или, другими словами, развитие капитализма на Украине.

II.

Развитие украинской промышленности в первой половине XIX столетия происходило в сложных условиях международной экономической борьбы из-за украинского (правобережного) рынка. Интересы прусской индустрии, преимущественно текстильного производства, давно связанные с восточно-европейскими (в частности, с украинским) и азиатскими рынками, занявшие здесь в конце XVIII и начале XIX столетия весьма устойчивую позицию, сталкиваются с попытками русской индустрии подчинить своему промышленному влиянию Правобережную Украину. Имперское правительство пытается закрепить положение „отечественной“ промышленности на украинском и—китайском рынках системой таможенных мероприятий. Тариф 1810 года

почти прекратил доступ прусских фабрикатов в пределы Империи и ликвидировал транзитную торговлю прусскими сукнами в Китае (через Кяхту). Для прусской (и вообще немецкой) промышленности, особенно развившейся тогда в условиях континентальной системы, это явилось большим ударом [1]). Зато это дало возможность русской индустрии проникнуть на правобережный рынок и—до некоторой степени—помогло развитию украинской суконной промышленности. Но в эту экономическую борьбу России и Пруссии вклиниваются интересы польского хозяйства, которые ставят вопрос об украинском рынке в плоскость международной политики [2]). В 1815 году на Венском конгрессе, по договору Пруссии и России 3/V (21/IV) 1815, „высокие договаривающиеся стороны... согласились предоставить впредь и навсегда свободное и неограниченное между всеми их польскими областями (теми, кои принадлежали Польше в 1772 году) обращение всех произведений земли и изделий промышленности сих областей“ [3]). Применение этой статьи несомненно выталкивало русский капитализм из западных областей Империи (Литва, Белоруссия, Правобережная Украина) и ставило прусскую индустрию в особенно благоприятное положение. Российское правительство, конечно, понимало и экономическую и политическую опасность реализации договора 1815 года. Истинный смысл всей акции был с очевидною ясностью вскрыт дополнительными переговорами и петербургской конвенцией России с Австрией

[1]) К. Г. Воблый, Очерки по истории польской фабричной промышленности, т. I, с. 194—95, 210; St. Smolka, Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowem, t. I, str. 210—13; t. II, str. 334—38, 343—47, 349, 358—60, 366—68, 373—75.

[2]) См. Витчевский, Торговая, таможенная и промышленная политика России, с. 43—4. О русской и прусской текстильной промышленности на правобережном рынке в XVIII в.—см. Записки юго-западного отдела русского географического общества, т. I, с. 189—90 (Антонович, О промышленности Юго-Западного края в XVIII столетии). Характерно, что в первой четверти XIX в. правобережные суконные фабрики в большом количестве изготовляют сукна „на манер“ прусских, саксонских и т. п. (см. Журнал мануфактур и торговли, 1831, № 10, с. 39, 43—4, 47; № 11, с. 71, 75, 80—1, 84—5, 90).

[3]) I П. С. З., т. XXXIII, № 25824; Лодыженский, История русского таможенного тарифа, 178—79; Воблый, op. cit., 208—9.

17—(5) VIII 1818 и Пруссией 19—(7) XII 1818. Здесь было, между прочим, развито положение договора 3/V 1815 г. о таможенных границах Польши. Наиболее острым, болезненно задевавшим российское правительство, был вопрос о выполнении обязательств договора 1815 года в части, касавшейся Правобережной Украины (и других восточных областей бывшей Речи Посполитой). Прусское правительство ловко воспользовалось этим, добившись понижения пошлин на произведения прусской шерстяной, льняной и кожевенной промышленности [1]). Еще ранее—указом 10/V 1817 года—был разрешен транзит прусских сукон в Кяхту с оплатой пошлины в размере 15 сер. коп. с аршина (пошлина на иностранное сукно, предназначенное для потребления внутри Империи, доходила до 1 р. 10 к. сер. с аршина). В 1817—21 г.г. вывезено было в Кяхту прусских сукон на 21,8 мил. рублей. В результате „сукна прусские... вытеснили совершенно русские сукна из числа меновых предметов" [2]). Но прусские транзитные сукна не все доходили до Кяхты. Значительная часть их расходилась внутри Империи, и это создавало серьезную угрозу для русской и, конечно, украинской промышленности [3]). Конвенциональный тариф совпал с общим таможенным тарифом 20/XI 1819 года, изменившим прежние, протекционистские принципы российской таможенной политики [4]). Тариф 1819 года поставил Пруссию в исключительное по-

[1]) I П. С. З., т. XXXV, №№ 27453, 27586; Лодыженский, 179—85; Smolka, II, 329—68; Воблый, 210—11. Указанная выше статья договора 1815 года не была осуществлена (см. Smolka, I, 211; II, 343—44, 349—50, 358—59, 366—68). Интересны замечания М. Н. Покровского по поводу заинтересованности прусского капитализма в договоре 1815 года (Внешняя политика, с. 58—59, 105—11, 115—16).

[2]) Воблый, 354—55. См. Витчевский, 43—51; I П. С. З., т. XXXIV, № 26848.

[3]) Миклашевский, владелец понуровской суконной фабрики (Черниговщина), жаловался в 1818 году на то, что „с того времени, как назначен транзитный торг на китайской границе прусскими сукнами, которые продаются и внутри России, то цены упали, и его фабрика должна разрушиться" (Середонин, Исторический обзор деятельности Комитета Министров, т. I, 527; см. Оглоблин, Крепостная фабрика).

[4]) I П. С. З., т. XXXVI, №№ 27987, 27988. О тарифе 1819 г.—Лодыженский, 187—90; Витчевский, 45—7.

ложение на восточно-европейском рынке. Александр I писал впоследствии (в 1822 году) прусскому королю Фридриху-Вильгельму, что „Россия и Польша сделались обширным складом всех заграничных мануфактурных изделий; они видят не только, как падает, благодаря этому чрезмерному ввозу, их промышленность, но и как все заграничные порты, один за другим, закрываются для продуктов их почвы“ [1]). На почве борьбы русского и прусского капитализма развивалась таможенная политика Империи в отношении Царства Польского.

3—(15) X 1819 года издан был указ о слиянии Империи и Царства в таможенном отношении в одно целое. Государственные таможни Империи и Польши были перенесены на западную границу Царства. На границах Царства и Империи были оставлены только контрольные таможни „для наблюдения за местом происхождения товаров и для облегчения разных таможенных формальностей“. Таким образом, была установлена свобода торговли между Империей и Царством [2]). Последствия тарифа 1819 года для польской и российской промышленности достаточно известны. С одной стороны, в польской прессе высказывались надежды на то, что „Польша может скоро стать для России тем, чем является Англия для Европы“ [3]). С другой стороны, по словам гр. Канкрина, „тариф 1819 года убил русскую промышленность“, и это мнение в общем обычно разделяется исследователями истории русской промышленности и промышленной политики Империи [4]). Указ 3—(15) X 1819 года, установивший полную свободу торговли между Империей и Царством, „предоставлял значительные преимущества Царству Польскому, сравнительно с другими иностранными государствами“. Историк польской фабрично-заводской промышленности считает, что „этим именно указом и был положен первый камень для промышленного развития Царства Польского“ [5]). Возвращение российского

[1]) Витчевский, 48.

[2]) I П. С. З., т. XXXVI, № 27938; Воблый, 209—12; Smolka, II, 368—70.

[3]) Воблый, 213. См. Smolka, I, 189—90, 200, 207.

[4]) Лодыженский, 189—90; Витчевский, 45—48; Воблый, 213—14.

[5]) Воблый, 314. См. ibid., 355—56. О влиянии тарифа 1819 г. на польскую промышленность—см. Воблый, 188—267.

правительства к покровительственной системе, выраженное в охранительном тарифе 12/III 1822 года, не нарушило интересов польской промышленности. Указ 1/VIII 1822 года о торговых сношениях Царства и Империи, устанавливавший свободную и беспошлинную торговлю сырыми произведениями, вырабатываемыми в обеих странах, и крайне умеренную пошлину (в размере 1% с цены изделий, выработанных из местного сырья, и 3%—из иностранного) на фабричные изделия (кроме бумажных), действительно „явился могучей опорой благоприятного развития Царства в области народного хозяйства“ [1]). Была восстановлена таможенная автономия Царства [2]). Шерстяная (суконная) промышленность Польши, важнейшая отрасль фабрично-заводского производства, оказалась в исключительно благоприятном положении. По подсчетам, пошлины, поступившие по тарифу с Царства за ввезенные в Империю в период с 1823 г. по 1830 г. сукна, были в 50 раз меньше пошлин, которые могли поступить за то же количество иностранного сукна (1490836 р. 12¾ коп.—74541788 р. 38 к. [3]). Неудивительно, что вывоз шерстяных изделий, главным образом, сукон, из Царства в Империю возрастал довольно быстро. В 1829 году сукна составляли 97,6% всего ввоза фабрикатов. Ввезено было сукон:

Годы	Ценность ввоза (в тыс. асс. р.)
1823	1865,0
1826	5932,5
1829	8418,9 [4])

Характерно, что одновременно падал ввоз в Польшу русских хлопчатобумажных изделий: за пять лет (1826—30)

---

[1]) I П. С. З., т. XXXVIII, №№ 28964, 28965, 28966, 28967, 29149; Воблый, 317—18; см. ibid., 315—17. Лодыженский, 216—17. Обзор различных мнений, высказанных по поводу принципов тарифа 1/VIII 1822—у Воблого (ibid., 319—320).

[2]) I П. С. З., т. XXXVIII, № 29149; Лодыженский, 192; Воблый, 320—21; Smolka, I, 215—217; II, 370—72.

[3]) Воблый, 318—19. Министр финансов Канкрин указывал, что эта пошлина (на сукна) во многих случаях фактически составляла едва ли десятую долю процента (Лодыженский, 217, пр. 20).

[4]) Лодыженский, 218; см. Воблый, 352.

он уменьшился почти в три раза. „Суконная торговля с Империей—пишет проф. Воблый—носила интенсивный характер. Не раз приходилось встречать в архивных документах такие замечания, что русские купцы ожидают сукно по неделям, что едва только оно снимается со станка, как сейчас же закупается, что фабриканты едва успевают выполнять заказы и т. д.“. Существенное значение для польской промышленности имела кяхтинская торговля сукном. В 1822 году льготы, предоставленные Пруссии в кяхтинской торговле, были отменены. Зато выгодами этой торговли воспользовалась быстро развивавшаяся польская суконная промышленность. Было вывезено польских сукон в Кяхту:

Годы.	Количество сукна (в тыс. арш.)	Променная цена (в тыс. асс. р.)
1824	15,8	33,1
1825	70,3	156,2
1826	156,6	332,8
1827	334,0	821,8
1828	475,3	1024,4
1829	515,3	958,9 [1])

Для русского капитализма развитие польской промышленности и захват ею новых рынков сбыта создавали угрожающее положение. Борьба с польским капитализмом занимает внимание промышленных кругов и правительства Империи. Русские промышленники, при энергичной поддержке министерства финансов, не раз (в 1826, 1827, 1829 годах) возбуждали вопрос об опасности со стороны польской промышленности и трудности конкуренции с нею [2]). Достаточно серьезным поводом для подобных ходатайств было широкое проникновение—законными и незаконными путями—в Польшу иностранных изделий, которые затем, под видом польских, свободно шли в Импе-

[1]) Воблый, 353—55. См. Лодыженский, с. 219; Сборник статистических сведений о России, кн. II, отд. 2, с. 25.

[2]) Воблый, 337—49, 404; Лодыженский, 220—21. „Суконные фабриканты—писал министр финансов в 1831 году—не переставали жаловаться на совершенный подрыв от ввоза польских сукон в количестве, ежегодно возростающем“ (Воблый, 337—38).

рию [1]). Однако, в основе ходатайств русских фабрикантов было ясное сознание невозможности конкуренции русской и польской промышленности, главным образом, суконной. Польский капитализм отнял у российского далекий китайский рынок, явно побеждал своего русского конкурента на украинском рынке и начинал проникать на внутренние русские рынки. Однако, имперское правительство сохраняло существующее таможенное положение до начала 30-х годов. Восстание 1830—31 г., бывшее результатом борьбы польского и русского капитализма за экономическое господство в Восточной Европе, в частности за украинский и азиатские рынки, внесло большие перемены в отношения Царства и Империи. Русские фабриканты не упустили столь удобного случая разделаться с опасной конкуренцией польской промышленности. 13/III 1831 года группа русских суконных фабрикантов обратилась к Николаю I с прошением „об обложении польских сукон тою же пошлиною, какая взимается с иностранных сукон". Это прошение представляет огромный интерес для идеологии русского капитализма первой половины XIX столетия. Московские суконные фабриканты „в течение четырех лет (после петиции 1827 года) еще более убедились в бедствиях, грозящих им от несоразмерного состязания промышленности новой, возникающей, еще недозревшей, с промышленностью стран, устарелых в навыках мануфактурных и более нас обильных свободными капиталами, от состязания, происходящего не на рынках чужих и отдаленных, но в самых недрах государства и в тесном кругу собственных, так сказать, домашних оборотов". „Мы дозволяем себе думать—писали суконные фабриканты,—что со временем отечественная промышленность, охраняемая правительством, должна достигнуть такой степени прочности и совершенства, что ей возможно будет смело вступить в борьбу искусства с соседственными государствами, особенно, когда прекращение тифлисского транзита, столь для нашей торговли пагубного, вновь откроет ей пути к азиатским странам, ныне ино-

[1]) Воблый, 328—37.

странными изделиями наводненным". Авторы ходатайства указывали на то, что российская суконная промышленность с 1821 года развилась настолько, что „не только продовольствие сукнами армии и флота совершенно обеспечено, но что русские суконные фабрики снабжают с излишеством жителей Империи и могли бы без затруднения удовлетворить исключительно суконную нашу чрез Кияхту с китайцами меновую торговлю, естьли б не встречали повсюду и на всех рынках, в подрыв нашей мануфактурной промышленности, опасное соперничество чрезмерного количества сукон всех родов, изготовляемого на границе Империи руками фабрикантов, туда переселившихся, взамен прямого транзитного торга с Кияхтою, коего они лишились" [1]). Эта петиция была своевременной. Запрещение ввоза в Империю польских товаров, установленное на время военных действий, создавало для домогательств русской индустрии сильную и устойчивую позицию. Было создано в Петербурге особое совещание по данному вопросу [2]). Уже указ 12/XI 1831 года „о правилах торговли между Россиею и Царством Польским", входивший (в тарифной своей части) в силу с 1832 года, не оставлял никаких сомнений в том, что в нем „приемлемы были в соображение и пользы промышленности российской". Все преимущества, какими пользовалась российская торговля с Польшей, сохранялись в полной мере; при этом ряд формальных ограничений, стеснявших до того российскую торговлю, отменялся. На обработанные изделия, „частию или совсем из иностранных материалов приготовляемые", назначалась повышенная пошлина. Изделия, „выработанные вполне из собственных произведений каждой земли", облагались „умеренною пошлиною, частию прежнею (для российских изделий), частью же с некоторым изменением" (преимущественно для польских изделий). „Умеренная пошлина" на сукна и шерстяные изделия, главный предмет польского ввоза в Империю, устанавливалась в 15% (т. е.

[1]) Ibid., 349. Петиция московских суконных фабрикантов—у Воблого, с. 404—405 (приложение 2-е). См. Лодыженский, 222 (там же опубликован отрывок из этой петиции).

[2]) Лодыженский, 221—23.

увеличивалась в 15 раз). Кроме того, усиливались формальные ограничения польской торговли, и несколько затруднялось возобновление ввоза польских товаров в Империю [1]). Подробный тариф был утвержден 13/XI 1834 года [2]). Промышленность Империи избавилась от опасного конкурента [3]). Новое положение вещей скоро отразилось на кяхтинской торговле сукнами. Если до 1830—31 г. на кяхтинском рынке польские сукна решительно брали верх над российскими, то теперь торговля польскими сукнами в Китае, несмотря на некоторые облегчения (разрешено было продлить ее на три года: тут соединялись интересы польской промышленной буржуазии, политическое влияние которой хотело использовать после 1831 года российское правительство [4]), и российского купечества, в руках которого и находилась кяхтинская торговля), неуклонно падала.

Пятилетия	Сукна российские	Сукна польские
	(в тыс. сер. руб).	
1826—30 . . .	246,7	248,1
1831—35 . . .	422,6	194,9
1836—40 . . .	933,9	26,1
1841—45 . . .	2975,4	3,3
1846—50 . . .	2839,0	0 [5])

„Результатом этого постоянного требования (плотных сукон в северном Китае) и недостатка в польских сукнах было устройство в Москве и ее губернии, до 1833 года, на скорую руку многих суконных фабрик людьми, даже совершенно чуждыми этого производства. Но вместе с тем

---

[1]) II П. С. З., т. VI², № 4941. См. Журн. ман. и торг., 1831, № 10, 89—104. Общий обзор новой таможенной политики—у Лодыженского, 223—25, и Витчевского, с. 71.

[2]) II П. С. З., т. IX², № 7542.

[3]) О влиянии новой таможенной политики на польскую промышленность—Роза Люксембург, Промышленное развитие Польши (русск. изд. 1899 г.), с. 12.

[4]) Витчевский, 71. Разрешено было отправить в Кяхту: в 1832 году—300 тыс. аршин, а в следующие два года по 200 тыс. аршин (Лодыженский, 224).

[5]) Tęgoborski, Etudes, t. II, p. 380.

возникали и распространялись в России самостоятельные заведения для фабрикации сукон, и на это употреблены были огромные капиталы". Расширяются старые и возникают новые помещичьи суконные фабрики, выделывавшие специальные сорта сукна. Появляются в большом количестве суконные фабрики, основанные на капиталистических началах. „Фабрикация сукон собственно для Кяхты разливала трудолюбие и зажиточность во многие промышленные классы Империи" [1]).

В истории украинской промышленности таможенная политика имперского правительства в отношении Царства Польского играла роль крупного экономического и политического фактора. Экономическая сущность этой политики определялась борьбой польского и русского капитала также из-за украинского рынка. Одна из основных тенденций капиталистического развития России—захват украинского рынка—встречала серьезные препятствия со стороны русской суконной промышленности. Слабое развитие последней, особенно в виду роста украинской суконной промышленности в первой четверти XIX столетия, требовало для овладения украинским рынком усиленной охраны со стороны государства и полного устранения иностранной конкуренции. Развитие польской суконной промышленности в 20-х годах столетия и быстрый рост ввоза польских сукон в пределы Империи прежде всего касались украинского рынка [2]). Украинская суконная промышленность, капиталистические течения среди которой мы замечаем в начале столетия [3]), замыкается в рамках вотчинной фабрики, ограничивая свою деятельность казенными поставками, нуждами вотчинного хозяйства и небольшим местным рынком [4]). Характеризуя быстрый и сильный рост суконной промышленности Волыни, в условиях аграрного кризиса,

---

[1]) Сб. стат. свед., II, отд. 2, с. 33—4.

[2]) Едва ли можно целиком согласиться с мнением Р. Люксембург (op. cit., 12, 38) о значении „русского" рынка для польской промышленности. Все же некоторые замечания Люксембург обязывают нас более внимательно приглядеться к истории этой промышленности в 30—40 годах.

[3]) См. ниже, глава II, разд. 1 и 3.

[4]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

Журнал мануфактур и торговли отмечал, что „к сожалению, большой привоз польских сукон не мало останавливал быстрое развитие сей промышленности; но сие временное помешательство, вероятно, устранится новейшим тарифом“ (1831, XI). Владельцы отдельных фабрик жаловались на эту конкуренцию польских сукон. Так, содержатели гороховской суконной фабрики (Волынь, Владимирский уезд)—иностранцы Гааге и Шмидт указывали, что „в фабричном производстве последовало ослабление по той причине, что с фабрик, состоящих в Царстве Польском, привозится большое количество сукон, от чего торг сим товаром отечественного произведения сократился“. В 1828 году продано было с этой фабрики 4460 аршин, и сверх того оставалось еще 4524 арш. Между тем выделано было на фабрике в 1828 году только 3120 аршин [1]). Многие фабрики сокращали свое производство. В условиях тяжелой конкуренции польской суконной промышленности могли существовать только фабрики, основанные на крепостном труде, или предприятия, связанные и обеспеченные казенными заказами. На украинском (особенно правобережном) рынке безраздельно господствовало польское сукно. Чиновник министерства финансов, отправленный в конце 1827 года для обозрения „мануфактурной промышленности в западных губерниях России“, отмечал, что „сбыт русских товаров там весьма ограничен и не приносит фабрикантам нашим тех выгод, каких можно бы ожидать при правильном ходе торговли“ [2]). Ослабляя украинскую суконную промышленность, ввоз польских сукон косвенно все же помог украинскому суконному рынку надолго сохранить свою независимость от русской промышленности. Весьма характерно то, что даже в середине столетия русские сукна не занимали господствующего места на украинском рынке. „Они—пишет Аксаков—не имеют большого хода в Украйне (Лево-

[1]) Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 69—71, 91—92. См. ibid., 1828, № 4, с. 96; 1831, № 10, с. 33, 39—40. Характерно, что в начале 20-х годов в Подолии было больше суконных фабрик, чем в 1828 году (Ср. Marczyński, Statystyka gubernii Podolskiey, I—III).

[2]) Журн. ман. и торг., 1828, № 4, с. 101. Русская суконная промышленность весьма интересуется правобережным рынком (см. ibid., 95—101).

бережье), ни вообще в южной и западной России, одевающейся польскими сукнами“ [1]). Ограничение ввоза в Империю польских сукон дало возможность развиться украинской суконной промышленности, которая на первых порах почти не встретила соперничества со стороны русской. Все внимание последней направилось с начала 30-х годов на далекий китайский рынок; даже суконная промышленность северной Черниговщины долгие годы занята обслуживанием именно кяхтинской торговли [2]). Зато в 30-х годах развивается украинская суконная промышленность — и вотчинная (Киевщина, Полтавщина) и, особенно, фабрика с вольнонаемным трудом (Черниговщина, Волынь, Подолия) — и постепенно занимает видное место на украинском рынке. Мало того, она как бы заменяет частично русскую суконную промышленность, перебросившую свой сбыт на восток. Многие украинские фабрики, и левобережные и даже правобережные, продают свои изделия в Россию [3]). Перед нами любопытный факт экономического прорыва украинского промышленного капитализма в той политической и экономической блокаде, какой русский капитализм подверг украинское хозяйство. Однако, к середине столетия „нарушенное равновесие“ постепенно стало выправляться. Тот же Аксаков замечает, что на левобережном рынке „лет с 8 или 9 (т. е. с середины 40-х годов) стали требоваться довольно сильно московские дешевые сукна, до 2 руб. сер. за аршин“ [4]). Для русской суконной промышленности кяхтинская торговля к тому времени стала утрачивать прежний интерес [5]). Но в середине XIX столетия русской суконной промышленности пришлось иметь дело на украинском рынке не только с украинской и польской промышленностью, но также с промышленностью Литвы и Лиф-

---

[1]) Аксаков, Исследование о торговле на украинских ярмарках, 179. См. Журн. ман. и торг., 1840, ч. I, с. 473—74; Журн. мин. гос. имущ., 1856, ч. IX, отд. 2, с. 24; Домонтович, Черниговская губерния, 407.

[2]) См: ниже, гл. II, разд. 4.

[3]) См: Оглоблин, Крепостная фабрика.

[4]) Аксаков, op. cit., 179.

[5]) См. ниже, гл. II, разд. 4.

ляндии (изделия белостокских и рижских суконных фабрик [1]).

Изменения в отношениях польского и украинского хозяйства после восстания 1830—31 года прежде всего отразились на правобережных ярмарках. Эти ярмарки, значительно отличавшиеся по своей хозяйственной организации от левобережных, отражавшие на себе иные экономические влияния, иное соотношение экономических сил, имели особенное значение в хозяйстве Правобережной Украины. Уже в самом своем происхождении они особенно выделяют значение местного сельского хозяйства. Этот основной сельскохозяйственный интерес они сохраняют и в первой половине XIX века. Несомненно влияние на эти ярмарки внешней торговли Правобережной Украины и иностранной промышленности. После разделов Польши Правобережная Украина входит в общие рамки российской таможенной политики. Ограничения импорта иностранных фабрикатов— с одной стороны, развитие транзитной торговли—с другой, вызывают здесь (Волынь, Подолия) в начале столетия рост местной фабрично-заводской промышленности. В то же время развитие черноморской торговли и быстрый под'ем Одессы передвигают центры внешней торговли и хозяйственного развития Правобережья на юг, к Черному морю. Бесспорно, что в то время русский капитализм весьма интересуется правобережным рынком. Уже в первой четверти столетия изделия русской хлопчатобумажной индустрии в большом количестве появляются на правобережных ярмарках. Однако, в дальнейшем развитие польской текстильной промышленности, особенно благодаря таможенной политике Империи в 20-х годах, приводит ее на украинский рынок, и польские изделия (в частности сукна) удачно вытесняют отсюда сначала иностранные (прусские), потом русские изделия. В 30-х и первой половине 40-х годов мы замечаем упадок крупных правобережных ярмарок, связанных с поль-

[1]) Аксаков, 177, 179—80. Суконная промышленность Литвы и Лифляндии стала быстро развиваться после 1830 года, конечно, в связи с таможенными изменениями (см. Tegoborski, Etudes, II, 378, 383—86; Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России, I, 157—58, 175—76).

ской торговлей [1]). Наиболее сильно сказалось это на бердичевских ярмарках. В 20-х годах обороты этих ярмарок значительно расширяются. Сюда доставлялись бумажные, шерстяные и шелковые материи, галантерея, писчая бумага, золото, серебро, вино, чай, кофе и т. п.; кроме того, сюда пригонялся на продажу скот. Здесь с'езжались купцы русские (главным образом, из Москвы), украинские (Киев, Волынь, Подолия), белорусские, литовские, из Галичины, Пруссии, Молдавии, Валахии и Турции. Хозяйственное влияние бердичевских ярмарок распространялось на все Правобережье [2]).

Годы.	Привоз (в тыс. сер. р.).
1827	3200,0
1832	5833,9
1836	2598,9
1843	232,9
1846	600,0
1859	566,4
1861	750,0 [3]).

Таким образом, начало 30-х годов было переломом в развитии бердичевских ярмарок. До этого времени обороты их непрерывно увеличиваются. После 1832 года, в связи с изменениями в торговле с Польшей, обороты их сокра-

---

[1]) Интересные замечания о положении внутренней торговли Правобережной Украины в 30-х годах—Slowaczynski, Statistique du Royaume de Pologne. Statistique générale de la Pologne Russe (Paris—Leipzig, 1839), p. 57—63.

[2]) Зябловский, Статистическое описание Российской Империи, ч. V (изд. 1815 года), с. 175. В 1814 году привоз на бердичевские ярмарки составил св. 2 миллионов рублей (ibid.). См. Похилевич, Сказания, 249—50.

[3]) Андроссов, Хозяйственная статистика России (Москва, 1827), 243—44; Schnitzler, La Russie, la Pologne et la Finlande (éd. 1835), p. 508; Slowaczynski, op. cit., 59—60; Киевский календарь на 1845 г., с. 40; Статистическое описание Киевской губернии, III, 561; Сборник статистических сведений о Киевской губ. за 1859 г., с. 102; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г., ч. I (Спб. 1863), Киевская губ., с. 14.

щаются, и значение их падает [1]). Особенно заметно сокращение ярмарочных оборотов в первой половине 40-х годов. С середины этого десятилетия они увеличиваются [2]), но в течение 50-х годов возрастают медленно и незначительно. Весьма интересно, что в то же время общие обороты бердичевской торговли достигают крупных размеров: во второй половине 40-х годов бердичевские купцы покупали товаров ежегодно на сумму 13—15 миллионов рублей. В 1848 году общие обороты бердичевской торговли составили около 24 миллионов рублей [3]). То же приблизительно находим и в 1861/62 году [4]). Перед нами несомненный упадок ярмарочной торговли, связанный с ослаблением торговли с Польшей в 30-х годах и развитием внутреннего рынка. С другой стороны, в 50-х годах, отчасти в

---

[1]) Упадок бердичевских ярмарок становится ясным при сопоставлении данных начала 30-х годов. Привезено было:

Годы.	(В тыс. р.).
1832	4970,$_8$
1833	2982,$_0$
1834	2858,$_7$
1835	1970,$_6$

(Журн. мин. вн. дел, 1837, ч. XXV, отчет, таблица № 21).

[2]) Переломное значение середины 40-х годов мы замечаем и в деятельности других правобережных ярмарок. Так, с этого времени значительно увеличиваются обороты киевской контрактовой и балтской троицкой ярмарок. На киевских контрактах привозилось ежегодно иногородними купцами:

Пятилетия.	(В тыс. сер. р.).
1835—39	500,$_5$
1840 -44	687,$_8$
1845 -49	1035,$_9$

(Стат. опис. Киев. губ., III, 531).

Обороты балтской ярмарки:

Годы.	Привоз (в тыс. сер. р.).
1843	153,$_2$
1846	512,$_0$
1852	732,$_3$

(Киевский календарь на 1845 год, 40. Тверитинов, Подольская губерния, 129; Статистический сборник за 1852 г. (коллекция Бибикова в Библиотеке Киевского Университета, № 849), таблица № 30.

[3]) Стат. опис. Киев. губ., III, 561—62. См. Журн. мин. вн. дел, 1845, ч. XII, с. 224.

[4]) Эконом. сост. гор. пос., I, Киевская губ., 14.

связи с более широким проникновением сюда польского капитала, несколько повышаются ярмарочные обороты. Падение ярмарочной торговли в 30-х годах мы находим и в Подолии. В 1834 году привезено было на ярмарки в Балте и Фельштине товаров на 2074,3 тысяч рублей [1]). В 1843 году на балтскую ярмарку привезено было всего на 153,2 тыс. рублей. Общая ценность привоза на пять крупнейших ярмарок Подолии (3—в Ярмолинцах и 1—в Черноострове, Проскуровского уезда, и троицкая ярмарка в Балте) в 1843 году составила только около 14000 тыс. рублей [2]). Несмотря на изменения таможенной политики в начале 30-х годов и упадок ярмарочной торговли, влиятельное положение польской промышленности на украинском (правобережном) рынке мы констатируем и во второй четверти столетия, в частности в 40-х годах. В основе его лежали все же жизненные интересы польской промышленности и северно-украинского сельского хозяйства, связанного с балтийскими (прусскими) портами через Польшу и Литву. Перелом середины 40-х годов в развитии правобережных ярмарок приобретает особенное значение, в связи с увеличением польского ввоза в Империю [3]). Правда, польское купечество только отчасти выступает непосредственно в торговле польскими фабрикатами. Зато украинские и даже русские (московские) купцы доставляют на правобережные ярмарки (особенно на киевскую контрактовую) изделия польской промышленности, главным образом сукна и другие шерстяные ткани. Видное место также занимают польские металлические изделия и галантерейные товары [4]).

[1]) Slowaczynski, 60.

[2]) Киевский календарь на 1845 г., 40.

[3]) См. Янжул, Исторический очерк развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском, 41, 43.

[4]) Стат. опис. Киев. губ., III, 533—69; Киев. кал. 1845 г., 41. См. Тверитинов, 128—29. Интересны данные о происхождении некоторых фабрикатов, торговля которыми проходила через Бердичев (в середине 40-х годов).

	Польск. и лит. %	Украинск. %	Русск. %	Иностр. %
Сукна	40	60	—	—
Шерст. ткани	—	—	87,5	12,5
Шелк. „	—	—	55	45
Хлопчатобум. и полотнян. ткани . . .	—	—	34	66

„С 1834 г. по 1850 г.—пишет Янжул—польская промышленность, так сказать, собиралась с силами, улучшала свое производство, исследовала свои горные богатства, развивала земледелие и, между прочим, овцеводство, столь важное для ее шерстяной промышленности, проводила новые пути сообщения, строила шоссе и рыла каналы, облегчала... и совершенствовала коммерческий кредит, затрачивала крупные средства на создание новых промышленных учреждений и поддержание старых“ [1]). Кризис начала 30-х годов польская промышленность смогла выдержать [2]). В области шерстяной промышленности многие фабрики сосредоточили свое производство на выделке средних и высших сортов сукна, трико, камвольных тканей и т. п. Многие суконщики переделали свои станки на бумажные. Вообще качество польских текстильных изделий заметно улучшается. Нельзя забывать также, что доступ на рынки Империи для польской промышленности не был закрыт, и пошлина на польские изделия была в несколько раз меньше, чем на иностранные [3]). Все это помогло польской индустрии сохранить экономическую жизнеспособность. Ряд рынков не вышел из сферы влияния польского капитализма. Во всяком случае, он сохранил свои связи с украинским рынком. В этом отношении интересны данные, касающиеся ежегодного ввоза польских сукон в Империю.

Пятилетия.	Всего сукна (В тыс. сер. рублей).	Для Кяхты.
1826—30	2105,0	248,1
1831—35	483,6	194,9
1836—40	343,9	26,1
1841—45	311,4	3,3
1846—50	310,6	0 [4]).

(Стат. опис. Киев. губ., III, 562—64).

Эти вычисления, конечно, очень грубы. Главное, не всегда совпадают места происхождения и покупки товаров.

[1]) Янжул, op. cit., 43.

[2]) О положении польской промышленности в 30—40-х годах—Люксембург, 12—13.

[3]) Янжул, 38—40.

[4]) Tęgoborski, II, 375, 380. За тот же срок ввоз в Империю иностранных сукон уменьшился на 43,20/0. Однако, с начала 30-х годов (1831—50)

Таким образом, ввоз польских сукон в Империю уменьшился на 85,2%. Весьма интересно сопоставить последние четыре ряда обоих столбцов. Если отбросим вывоз польского сукна в Кяхту после 1830 года, то цыфра около 300 тыс. руб. приобретает интересную устойчивость. Вероятно, она определяет позицию польского сукна и на украинском рынке. Вывоз из Царства в Империю, значительно уменьшившийся после 1834 года, все же даже по статье обработанных изделий сохранял свою устойчивость в течение 40-х годов, обнаруживая после 1841 г. сильную тенденцию к повышению. Ввозилось ежегодно:

Пятилетия.	Общая сумма.	Изделия.	Сукно.
	(В тысячах рублей).		
1836—40 . .	2332	1368	1019
1841—45 . .	1023,8	625,4	310,6
1846—50 . .	1387	845	316

Несомненно, переломное значение имело начало 40-х годов. Общий вывоз из Царства в Империю, до конца 30-х годов державшийся почти на одном уровне (2887 тыс. р. в 1834 г. и 2629 тыс. р. в 1839 г.), заметно падает в 1840—41 годах (1840 г.—857 т. р.; 1841 – 819 т. р.), но после 1841 года начинает повышаться, причем в 1847 году доходит до 1556 тыс. руб. Если взять даже сравнительно неблагоприятный для польского экспорта 1850-й год, то за 10 лет (с 1841 г.) польский вывоз в Империю повысился на 55,6%. Бесспорно, здесь большую роль играл отпуск в Империю железа [1]) и, особенно, хлопчатобумажных изделий. Последнее имело весьма важное значение для Правобережной Украины, более удаленной от русской хлопчатобумажной промышленности. Эти цыфровые данные станут для нас особо вескими, если мы

этот ввоз уменьшился на 42,1%, тогда как за тот же срок ввоз польских сукон уменьшился на 35,8%. О положении польских сукон на российском рынке—Обозрение главнейших отраслей мануфактурной промышленности в России, 131—34.

[1]) Ввоз польского железа имел большое значение для Правобережной Украины (см. Журн. ман. и торг., 1839, ч. III, с. 236).

сопоставим их с изменениями в российском импорте в Царство. Вывозилось ежегодно из Империи в Царство:

Пятилетия.	Общая сумма ввоза.	Изделия.	Хлопчатобумажные ткани.
	(В тысячах рублей).		
1836—40 . .	6980	1072	196,4
1841—45 . .	2013,4	159,2	15,4
1846—50 . .	2475,2	129,6	12,4

Вывоз в Царство, составлявший в 1839 году 6994 тыс. р., в 1840 году упал до 1911 тыс. р. И здесь, таким образом, на рубеже 30-х и 40-х годов мы замечаем довольно резкий перелом, после которого вывоз из Империи продолжал падать, несколько увеличившись только в конце десятилетия. Это падение заметно в отношении самой важной для русской промышленности статьи отпуска—хлопчатобумажных изделий. С 1834 по 1850 год он уменьшился в $93^1/_2$ раза. Составляя в 1834 году свыше $^2/_5$ (41, 3%) общего вывоза изделий, он в 1850 году занимал только 6,8% в общем вывозе фабрикатов. Это свидетельствует о росте польского хлопчатобумажного производства. Общая сумма российского отпуска с 1834 по 1850 год уменьшилась в $4^1/_2$ раза, в то время как польский отпуск уменьшился только в $2^1/_3$ раза[1]). Эти цифры достаточно характеризуют развитие польского промышленного капитализма в 40-х годах.

К середине XIX столетия вопрос о таможенных отношениях Империи и Царства вступает в новую фазу. Указом 13 (25) X 1850 года был установлен общий для Империи и Царства тариф, причем таможенная линия между ними была снята[2]). Это обстоятельство, в связи с изменением общеимперского тарифа, имело огромное значение в истории польского и украинского хозяйства. Тариф 1850

---

[1]) Все исчисления сделаны на основании таблиц, составленных по „Видам внешней торговли“ и сообщенных Янжулом (с. 41—2). См. Журн. ман. и торг., 1839, ч. III, с. 235.

[2]) II П. С. З., т. XXV², № 24533; Лодыженский, 252; Витчевский, 71. Соболев, Таможенная политика России во второй половине XIX века, 21.

года был совершенно необходимой мерой экономического и политического значения[1]). Таможенное слияние с Империей, при системе дифференциальных пошлин, открывало польской промышленности широкий доступ на внутриимперские рынки, прежде всего на украинский рынок (Правобережье). Польша „совершенствует и расширяет свое мануфактурное (текстильное) производство, захватывая новые рынки в обширном государстве, еще быстрее остальной Империи". За десять лет (1850—60) шерстяное производство Польши увеличилось на 169,8% хлопчатобумажное на 302,7% [2]). Это (последнее) увеличение несомненно шло в известной степени за счет украинского рынка. С начала 60-х годов этот процесс, в связи с расширением железнодорожной сети в 60—70-х годах, идет с большей и большей быстротой, создавая для польской текстильной промышленности весьма влиятельное положение на украинском рынке [3]). Но это было уже после реформы 1861 года и находилось в несомненной связи с нею. И это была уже борьба не только польского и русского капитала за украинский рынок—позиция русского капитала была достаточно прочна,—но также борьба польского и русского капитала с украинским капиталом из-за украинского рынка [4]).

---

[1]) См. Лодыженский, 245; Витчевский, 71.

[2]) Янжул, 44—45. У Янжула неточно для шерстяного производства: „более, чем на 1000%" (!). Влияние новой таможенной политики сказалось довольно быстро. Ввезено было в Империю из Польши:

Годы.	(В тыс. сер. руб.).
1851	4852,2
1852	6115,1
1853	9174,1

(Tegoborski, IV, 15).

Это отразилось вначале также на украинской свеклосахарной промышленности. Рафинад, привезенный из Польши, стал вытеснять украинский из Правобережья на восток (Журнал сельского хозяйства, изд. московским обществом сельского хозяйства, 1856, № 1. отд. 2, с. 65).

[3]) Янжул, 45—52; см. ibid., 43—44, 74—75, 76—77.

[4]) См. Янжул, 75, 77—80. В 1886 году половина (52%) продукции всей польской фабричной промышленности сбывалась в Империю (Янжул, 76). См. Люксембург, 14—17, 35—39.

III.

Захват русским капиталом украинского рынка—один из этапов, притом важнейших, в движении его на юг. Промышленное развитие России заставляло русский капитализм интересоваться новыми, еще не захваченными западно-европейским капиталом рынками. Уже в младенческие годы, при Петре I, он делает первые и небезуспешные попытки овладеть украинским рынком, вытеснив отсюда западно-европейскую промышленность и надолго ослабив развитие украинской промышленности системой промышленных ограничений и казенных предприятий. Одновременно с тем Украина приобретает огромное стратегическое значение для русского капитализма в его движении к Черному морю, к южным и восточным рынкам сбыта. Эта последовательность задач русского капитализма на Украине должна быть принята во внимание при рассмотрении взаимоотношений украинского и русского капитала в первой половине XIX столетия. Надо помнить также, что со второй половины XVIII в. фронт хозяйственного развития Украины обращается к Черному морю, к средиземноморскому рынку. Колонизация Южной Украины, рано ставшей предметом особливых вожделений русского капитала, представляла жизненный интерес для украинского хозяйства. И если на внутреннем рынке украинская буржуазия вела серьезную борьбу с русской, то в завоевании черноморского рынка более слабый украинский капитал шел в мощном русле русского капитализма. Эта двойственность в положении украинского капитала, тесно связанная с двумя задачами русского капитализма на юге, имела огромное значение для всего хозяйственного развития Украины, определив общую слабость оппозиции украинского капитала, ограниченность сферы влияния украинской торговли, недостаточность развития украинской промышленности. Отмеченная двойная и—в иные моменты—двойственная задача русского капитализма на Украине вполне об'ясняет нам некоторое противоречие интересов двух групп русского торгово-промышленного капитала. Русские фабриканты были прежде всего заинтересованы в овладении украин-

ским рынком. Русское купечество играло роль посредника между русским производителем и украинским потребителем (см. ниже). Впоследствии, по мере продвижения русского капитализма на юг и закрепления его на черноморском рынке, когда русские фабриканты непосредственно участвуют в украинской торговле, уничтожая купеческое посредничество не только в оптовой, но отчасти и в розничной торговле [1]), русское купечество развивает сильную промышленную деятельность на Украине. Если в первый период мы не замечаем еще экономического противоречия интересов этих двух капиталистических групп, то впоследствии, когда несколько сглаживается острота различных интересов русского и украинского купечества на украинском рынке, вся тяжесть вопроса заключалась в том, сохранит ли русская промышленность свое господствующее положение на украинском рынке и обеспечит ли за собой пути через Украину к южным и восточным рынкам, или же развитие украинского промышленного капитализма остановит победоносное шествие русского капитализма на юг. Решение вопроса было, конечно, исторически ясно. Русское купечество, занятое в украинской промышленности, облюбовывает себе специальные отрасли производства, и мы наблюдаем размежевание интересов двух групп русского капитализма в украинском хозяйстве.

Большой интерес в данном случае представляют левобережные ярмарки. Некоторые из них достигают крупных размеров. Шмальц в 1836 году писал: „я был поражен торговым оборотом некоторых ярмонок; в Ромнах, маленьком городке Полтавской губернии, сумма ежегодного оборота превосходит может быть ту, которая в иные годы обращается на лейпцигской ярмонке“ [2]). Торговля отдельных ярмарок развивается быстро. Так, обороты роменской (ильинской) ярмарки, составлявшие в 1824 году 1987,4 тыс., увеличиваются в 1839 году до 7045,7 тыс., а в

---

[1]) Аксаков, 14, 20—4, 127 и др. Под потребителем Аксаков разумеет розничного торговца (ibid., 20).

[2]) Журн. мин. вн. дел, 1837, ч. XXV, с. 478—79. О роменских ярмарках—Арандаренко, Записки о Полтавской губернии, III, 341—50.

1844 году доходят до 12204,6 тысяч[1]). Общий оборот всех харьковских ярмарок составлял в 1837 году 19 миллионов рублей сер. В 1854 году сумма привоза была 24394,6 тыс. р.; продано было на 14063,3 тыс. р.[2]). По официальным данным, за 1854 год на все крупные левобережные ярмарки (11, с Коренной) привезено было товаров на 59290,1 тыс. р.; продано на 32402,4 тыс. р. Эти данные, конечно, значительно уменьшены. По исчислениям Аксакова, в 1854 году на этих ярмарках привезено было товаров на 127750 тыс. р., а продано на 80750 тыс. р.[3]). Тариф 1822 года был крупной победой русской промышленности. „Никакая правительственная мера в России— писал в середине столетия автор „Исследования о торговле на украинских ярмарках"—не произвела такого переворота в быту промышленном, как этот знаменитый тариф. Московская, Владимирская, Костромская губернии образовали целый мануфактурный округ; целое народонаселение получило иное, фабричное направление; сотни тысяч рук пришли в движение, сотни фабрик выбрасывали ежедневно массы произведений, требовавших сбыта. Украина и Новороссийский край представлялись готовым обширным рынком; на него устремились взоры промышленников"[4]). В истории украинского хозяйства тариф 1822 года и новая таможенная политика в отношении Польши после 1830 года—это дата окончательного завоевания левобережного рынка русским капиталом. „Тариф 1822 года—писал Аксаков—изменил прежнюю торговую систему в Малороссии: она сделалась главным рынком для сбыта русских мануфактурных произведений и самым ничтожным—для сбыта заграничных товаров. Горячая лихорадочная деятельность фабрик, выпускавшая товары свыше явной потребности, заставила фабрикантов и

[1]) Труды полт. уч. арх. ком., III, 51. Характерно, что до 1824 года обороты ильинской ярмарки падали. В 1818 году привезено товаров на 3714, 2 тыс. сер. р.; в 1824 году—на 1987,4 тыс. сер. р. (ibid.).

[2]) Аксаков, 53.

[3]) Ibid., 46—47.

[4]) Ibid., 13.

кущов заботиться об усилении потребления, не ожидать появления покупателей, сидя дома, а отыскивать их в местах новых, создавать потребителей,—и торговля, постоянно напирая к югу, перешла в Харьков. Она перешла потом и в Полтаву, перешла даже в Елисаветград“ [1]). Тонкий наблюдатель украинской торговли середины XIX столетия—Аксаков дает нам яркие картины этого проникновения русского торгового и промышленного капитала в украинское хозяйство и общество. „Не довольствуясь личным своим натиском на украинские рынки, великорусские фабриканты ведут за собою целое войско великорусских деятельных агентов, разнощиков, коробочников, ходебщиков Ковровского и Вязниковского уездов Владимирской губернии“. Мелкие торговцы, „собираясь к урочному времени ярмарки, мигом растаскивают товары и разбегаются с ними во все стороны, разнося и развозя их по деревням, хуторам и селам, по ленивым панам, по козакам-домоседам, по крестьянам-щеголям, по крестьянкам-щеголихам, жінкам и дівчатам, от границ Австрии и до Кавказа, от Дона и до Дуная, рассовывают товар всюду, по мелочи, соблазняют покупателей удобством кредита“ [2]). Упало значение городов и ярмарок, где прежде влиятельное место занимали иностранные товары. С другой стороны, быстро усилились ярмарки, „которые и прежде были важны для сбыта русских товаров, те пункты, которые были ближе к новому рынку и отдаленнее от соперничества иностранных товаров и контрабанды“. Передвижение крупных ярмарок на юг, начавшееся еще до 1822 года и определявшее основное направление русского капитала, идет быстрее и увереннее. Уничтожение в 1846—7 годах ярмарок Сборной в Сумах и Всеедной в Нежине, одновременное возникновение Маслянской ярмарки в Ромнах, перевод в 1852 году ильинской ярмарки из Ромен в Полтаву—были лишь несколько запоздавшим результатом давно установившегося и закрепившегося порядка вещей. Усиливаются харьковские ярмарки. Ильинская ярмарка в Полтаве в первые годы

---

[1]) Ibid., 127; см. ibid., 20.

[2]) Ibid., 22; см. ibid., 127.

развивается довольно успешно [1]). Весьма интересно развитие елисаветградских ярмарок, в частности георгиевской. Прежде они были „мелочными розничными ярмарками". Но еще в первой четверти столетия „московские фабриканты, отыскивая новые рынки для сбыта товаров", стали посещать георгиевскую ярмарку, которая с середины 30-х годов становится оптовой. Обороты ее из года в год увеличиваются [2]). Наиболее влиятельное место занимают здесь изделия русской хлопчатобумажной промышленности. Привоз иностранных текстильных изделий был ничтожен. Зато здесь несомненно сталкивались интересы русской и польской суконной промышленности: большая часть шерстяных изделий привозилась сюда из Польши и Литвы. Всего мануфактурных изделий было привезено сюда:

Годы.	(В тыс. руб.).
1850	300
1851	1195
1852	1200

В 50-х годах ярмарка продолжала расширяться (особенно по торговле мануфактурными товарами [3]). Возникновение в 1835 году крестовоздвиженской ярмарки (развившейся в середине столетия) в Одессе, где в конце 50-х годов „обращаются почти исключительно одни мануфактурные товары русских губерний", было продолжением той же тенденции [4]). Русский капитализм проникает дальше, в Бессарабию и — что весьма важно — на северо-запад от черноморского побережья, в южную Подолию. Хлопчатобумаж-

---

[1]) Ibid., 13—14, 50—96, 115—25.

[2]) Ibid., 153. См. Шмидт, Херсонская губерния, II, 791—92. В 1840 году они исчислялись (по привозу) в 427½ тысяч р. (см. ibid., II, 513; мы перевели ассигнационные рубли на металлические по курсу 1839 года); в 1854 году—2 миллиона р. по привозу и 1½ мил. по продаже (Аксаков, 158).

[3]) Аксаков, 153—58; Шмидт, II, 513—21, 791. Аксаков исчисляет продажу текстильных изделий в 750 тыс. р. (бумажных— 500 т.; шерстяных—150 т.; шелковых—75 т.; льняных—25 т.;—ibid., 158).

[4]) Шмидт, II, 522—24. Обороты ее в 1857 г.: привоз—1618 тысяч; продажа—655,3 тыс. (ibid., 524). О ней в начале ее существования—Журн. мин. вн. дел, 1836, ч. XXII, с. 370—73.

ные фабриканты, с оптовой продажей товаров, появляются на ярмарках в Балте и Ярмолинцах [1]). Из других направлений к Черному и Азовскому морям следует отметить продвижение русского капитализма на юг (Крым) и юго-восток (Таганрог, Ростов [2]). С другой стороны, захват левобережного украинского рынка создает для русского капитализма сильную позицию в борьбе с польским за правобережно-украинский и белорусский (а отчасти и литовский) рынки [3]). Немецкий путешественник Коль, посетивший харьковскую крещенскую ярмарку в 1840 году и составивший ее описание, отмечает преобладание русского купечества в украинской торговле. „Главная роль во всех отношениях, как в смысле производителей, так и посредников, принадлежит великоруссам. Значительно более половины товаров выходит из их больших фабрик, и гораздо более половины оптовых торговцев ярмарки принадлежат их племени... Они берутся за все товары без исключения, и нельзя назвать ни одного предмета, сбытом которого они бы занимались по преимуществу". Украинцы, „их братья, наоборот, могут приниматься в расчет менее всех других. Они сами не поставляют даже немногих собственных своих фабрикатов, своих ковров, войлоков, прекрасных овчин и проч. Они даже все более и более выпускают из рук и передают великоруссам небольшую промежуточную торговлю между оптовыми торговцами ярмарки и отдельными небольшими рынками [4]). В середине 50-х годов процесс за-

---

[1]) Аксаков, 115. См. Тверитинов, 128.

[2]) Аксаков, 115. См. Павлович, Екатеринославская губерния, 214, 217.

[3]) В этом отношении весьма характерно развитие кролевецкой ярмарки. Ежегодный привоз товаров с 1845 по 1854 год составил 4237,6 т. р.; с 1857 по 1861 г.—5861, 1 т. р. (см. Аксаков, 139—47; Домонтович, 405—15). Кролевецкая ярмарка „важна... для внутренней торговли Черниговской, западных и белорусских губерний, как сборный срединный пункт между московскими фабриками и западными потребителями, и наоборот" (Аксаков, 140).

[4]) Труды полт. уч. арх. ком., III, 58. Богатый материал для характеристики преобладания русского купечества на украинских ярмарках—Аксаков, passim; Труды полт. уч. арх. ком., III, 54—60. „Хоть он (Кременчуг) и находится в Малороссии, но здешнее купечество, главным образом, евреи, армяне, греки и, особенно, великороссы. У малороссов мало предприимчивости, свойственной великорусской крови. Почти все они за-

хвата украинского рынка русским капиталом был почти закончен. Одних текстильных изделий русская промышленность продавала тут на 20 мил. рублей (около одной трети общего производства всей текстильной промышленности Империи), что составляло в 1854 году 86,9% общего сбыта текстильных товаров и около одной четверти (24,8%) всего оборота украинских ярмарок. Зато участие иностранного капитала в торговле мануфактурными (текстильными) товарами на украинских ярмарках середины столетия определялось только в один миллион рублей, что составляло 4,3% общего сбыта мануфактурных изделий [1]). Успехи покровительственной системы были бесспорны: иностранная промышленность—главным образом, текстильная—была изгнана из украинского рынка.

Устойчивое положение русского капитализма на украинском рынке, конечно, в значительной степени обязано тому, что русский торговый капитал постепенно внедряется глубже в украинское хозяйство, оседает на Украине, врастая в местные хозяйственные рамки и отношения и, в свою очередь, видоизменяя их. Русские купеческие колонии и центры на Украине—старое явление, первичные формы которого мы находим здесь еще во второй половине XVII века. В следующем столетии, особенно во второй половине его, в связи с открытием черноморских торговых путей и расширением внутреннего рынка, русское купечество своеобразно „украинизуется", резко сохраняя свою национально-культурную обособленность, но сильно охватывая своим экономическим влиянием местную торговлю и промышленность, своим культурным влиянием—местное общество. Рус-

---

няты скотоводством и земледелием" (Kohl, Reisen in Südrussland—Dresden u. Leipzig, 1841,—I Band, S. 7). См. Blasius, Reise im Europäischen Russland, II, 282; Журн. мин. вн. дел, 1837, ч. XXV, с. 252—55; Павлович, 260; Шмидт, I, 532, 534; Домонтович, 156. Это отмечало еще в 1802 году Описание Слободско-Украинской губернии (Харьковский Сборник, 1889, вып. 3, отдел 2, с. 85).

[1]) Вычисления произведены на основании данных Аксакова. Огромное значение для украинского хозяйства имело то обстоятельство, что металлы и изделия металлургической промышленности составляли весьма крупную (и при том почти исключительно связанную с русским хозяйством) статью русского ввоза на Украину (об этом—см. Аксаков, 223—52; Труды полтав. уч. арх. ком., III, 59; Тверитинов, 125).

ские купцы сосредоточивают свои дела преимущественно в Южной Украине. Многие, при деятельной поддержке имперского правительства, прочно обосновываются и оседают в прибрежных торговых центрах. Если старые колонии русского купечества в украинских городах закрепляются путем долгой и упорной борьбы с местным, украинским купечеством, то на юге Украины русский купец приходил на пустое место или встречал соперников только в лице иностранного и греческого (и армянского) купечества. Чаще всего русские торговцы записываются в местные купеческие общества, и в купеческих списках приморских портовых городов мы находим в большом количестве русские имена. И не случайным явлением были разные промышленные предприятия русских (калужских, тульских, брянских, орловских, московских и т. д.) купцов на Украине. В развитии промышленного капитализма на Украине доля участия русского купечества несомненна. Но прежде всего преобладание русского купечества на Украине, особенно на юге и путях к нему, прокладывало путь русскому капитализму на Украину и через Украину, подрывая позицию украинского купечества, расстраивая местную хозяйственную жизнь, уничтожая местные хозяйственные центры и подчиняя их русским. В этом отношении большой интерес представляют данные, характеризующие участие отдельных национальных групп в украинской капиталистической промышленности (до реформы). Нелегко установить национальность владельцев фабрично-заводских предприятий. В нашем распоряжении имеются лишь общие данные, и если мы можем довольно легко выделить иностранцев, евреев, армян и т. д., то главная трудность—отделение украинцев и русских— остается почти непреодолимой. Весьма грубые национальные определения, сделанные на основании материалов 1832 года, представлены в следующих таблицах: [1])

---

[1]) Таблицы составлены по данным Списка фабрикантам и заводчикам 1832 года. По возможности мы сопоставляли эти данные с другими современными сведениями (наприм., материалы, опубликованные Журн. ман. и торг., за 1828 г. и т. п.). В спорных случаях, как общее правило, мы относили таких лиц к числу украинцев, хотя при этом учитывали индивидуальные особенности данной местности. Относительно разделения по сословным группам—см. раздел 2 главы II.

Губернии.	Украинцы. %	Русск. %	Евреи. %	Иностранцы. %	Прочие [1]). %
Волынская . . .	1,7	1,7	93,3	3,3	—
Екатеринославская (с Таганрог. град.)	33,4	52,9	—	—	13,7
Киевская . . .	65,7	28,6	—	5,7	—
Подольская . .	4,0	28,0	32,0	24,0	12,0
Полтавская . .	28,0	68,0	—	4,0	—
Слободско-Украин.	65,1	34,9	—	—	—
Херсонская (с Одесским град.)	22,8	56,5	4,3	3 3,	13,1
Черниговская . .	23,7	76,3	—	—	—

Таким образом, для всей Украины имеем следующее соотношение:

Русских	44,6%
Украинцев . . .	28,7%
Евреев	17,4%
Иностранцев . .	3,6%
Прочих	5,7%
	100%

Особенно интересна для нас группа купечества. Здесь было:

Русских	52,6%
Украинцев . . .	22,2%
Евреев	20,9%
Иностранцев . .	1,9%
Прочих	2,4%
	100%

[1]) В группу „прочих“ вошли армяне, молдаване, греки и т. п.

По губерниям эти данные распределяются так:

Губернии.	Украинцы. %	Русск. %	Евреи. %	Иностранцы. %	Прочие. %
Волынская . . .	—	1,9	96,2	1,9	—
Екатеринославская (с Таганрог. град.) .	17,2	79,3	—	—	3,5
Киевская	22,2	77,8	—	—	—
Подольская . . .	—	77,8	11,1	11,1	—
Полтавская . . .	31,6	63,2	—	5,2	—
Слободско-Украинск.	58,6	41,4	—	—	—
Херсонская (с Одесским град.) .	27,1	60,0	2,9	2,9	7,1
Черниговская . . .	19,4	80,6	—	—	—

По гильдиям:	I %	II %	III %
Украинцев	—	15,4	24,9
Русских	4,4	76,9	56,2
Евреев	95,6	—	14,3
Иностранцев	—	7,7	1,8
Прочих	—	—	2,8
	100%	100%	100%

Группа мещанства:

Русских	35,5%
Украинцев	31,4%
Евреев	12,4%
Иностранцев	7,5%
Прочих	13,2%
	100%

Губернии.	Украинцы. %	Русск. %	Евреи. %	Иностранцы. %	Прочие. %
Волынская . . .	12,5	—	75,0	12,5	—
Екатеринославская (с Таганрог. град).	28,6	28,6	—	—	42,8
Киевская . . .	87,5	4,2	—	8,3	—
Подольская . .	6,2	—	43,8	31,2	18,8
Полтавская . .	16,7	83,3	—	—	—
Слободско-Украин.	66,7	33,3	—	—	—
Херсонская . . (с Одесским град.)	—	54,6	9,1	4,5	31,8
Черниговская . .	18,2	81,8	—	—	—

Остальные сословные группы (кроме дворянства) в промышленности были слишком незначительны. По национальному составу здесь имеем:

	Крестьяне. %	(Войск. обыват., однодворч. общ.). %
Украинцев	81,8	100
Русских . . .	18,2	—
	100%	100%

При всей неустойчивости и спорности данных, имеющихся в нашем распоряжении, соотношение национальных групп в недворянской промышленности представляет значительный интерес. Первое место принадлежит русским (около половины), причем положение этой национальной группы особенно заметно среди купеческих предприятий (свыше половины) и менее заметно среди мещанских предприятий (немногим более трети). Второе место занимают

украинцы (ок. $^3/_{10}$); положение украинского предпринимательства более заметно среди мещанских предприятий (ок. $^1/_3$) и менее заметно среди купеческих предприятий (немногим более $^1/_5$). Третье место принадлежит евреям (ок. $^1/_6$), положение которых более устойчиво в группе купеческих предприятий ($^1/_5$), где они почти не уступают украинцам, и менее устойчиво среди мещанских предприятий (немногим более $^1/_8$). Остальные национальные группы выделяются лишь в некоторых местностях: иностранцы—в Подолии (почти $^1/_4$), „прочие“ (армяне, греки, молдаване и т. п.)—в Екатеринославщине, т. е., точнее, Таганрогском градоначальстве, Херсонщине и Подолии. По отдельным губерниям: русское купечество и мещанство преобладает в Черниговщине, Полтавщине, Херсонщине и Екатеринославщине; украинское купечество и, особенно, мещанство—в Киевщине и Харьковщине; евреям принадлежит первое место на Волыни (здесь они занимают исключительное положение; второе место—иностранцы) и в Подолии (второе и третье место занимают русские и иностранцы). Если взять наиболее влиятельную социальную группу—купечество, то здесь положение русского торгово-промышленного капитала оказывается особенно выгодным. Русское купечество занимает первое место по 2-й (св. $^3/_4$) и 3-й (более $^1/_2$) гильдиям и второе место по 1-й гильдии и решительно преобладает в Черниговщине ($^4/_5$), Екатеринославщине, Подолии, Киевщине, Полтавщине и Херсонщине. Украинское купечество занимает во 2-й и 3-й гильдиях только второе (и притом относительно незначительное) место, выделяясь лишь в Харьковщине (интересный экономический факт), где оно идет впереди русского купечества. Еврейское купечество занимает лишь третье место в 3-й гильдии, но зато ему принадлежит почти исключительное место в 1-й гильдии, в частности в купеческой промышленности Волыни. Иностранное купечество занимает третье место во 2-й гильдии и выделяется только среди купечества Подолии. Купечество армянское и отчасти греческое занимает влиятельное положение в Херсонщине и Екатеринославщине (Таганрогское градоначальство). Найденные соотношения дают нам интересную картину. Когда вгля-

дываемся в территориальное распределение промышленного купечества (особенно), замечаем, как некоторые схемы экономического развития Украины оживают, наполняются новым содержанием, обрастают деталями, короче говоря, становятся для нас понятными. Особенно интересно размещение русского торгового капитала. Путь русского торгового капитала, через Украину, к Черному и Азовскому морям пролегал в первой половине XIX века в трех основных направлениях: одно, через Харьков, к Азовскому побережью—на Таганрог, Ростов; другое, через Харьков, Екатеринослав,—в Крым; третье, наиболее интересное для нас, несомненно имевшее несколько вариантов (более старых—через Черниговщину и Полтавщину, и более новых—через Киевщину), через Харьков—на Кременчуг, Елисаветград, Одессу, к украинским берегам Черного моря, с ответвлениями в южную Подолию и Бессарабию [1]). Русское купечество оседало на этих путях в более крупных центрах, захватывая в свои руки торговлю, создавая промышленные предприятия, связанные с местной и заграничной торговлей. Первогильдейское и второгильдейское купечество предпочитало устраивать предприятия, связанные с заграничной торговлей. Масса третьегильдейского купечества захватывала украинский рынок изнутри, и в борьбе украинского и русского торгового капитала это была одна из наиболее опасных групп, наиболее устойчивая, наиболее проникавшая в местное хозяйство и общество. На Правобережьи русскому торговому капиталу пришлось столкнуться с еврейским купечеством, занявшим исключительное место в торговле и промышленности Волыни и—вместе с ино-

---

[1]) „Из сухопутных сообщений—писал А. П. Заблоцкий в „Хозяйственных замечаниях о некоторых губерниях южного края России"—главнейшим должно считать путь, идущий из Москвы, через Курск, на Харьков и разделяющийся здесь на три ветви; из них одна идет на Кременчуг, Елисаветград и Вознесенск в Одессу; другая, чрез Екатеринослав и Александровск, в Крым; а третья, чрез Бахмут, в Таганрог и Ростов" (Журн. мин. гос. имущ., 1841, ч. I, отд. 4, с. 15—16). См. Материалы для статистики Российской Империи (Спб. 1839), отд. 3, с. 90; ibid., отд. 2, с. 188; Новороссийский календарь на 1855 год, 144—45.

странным, в частности немецким—в торговле и промышленности Подолии. Опиравшееся на заграничную торговлю, и особенно торговлю с Польшей, еврейское купечество на Правобережьи было весьма влиятельной экономической группой, которая могла остановить здесь дальнейшее распространение русского купечества. Следы этого столкновения мы находим в южной Подолии, на границе с Херсонщиной, именно в торговле и промышленности Балты [1]). На Киевщине, где также еврейское купечество имело сильное влияние на торговлю и промышленность [2]), оно делило свое противодействие натиску русского купечества (мы оставляем в стороне дворянскую промышленность)—со старым украинским мещанством, занимавшим здесь столь видное место в городской промышленности. На юге Украины (в частности—южная Херсонщина и Таганрогское градоначальство) мы видим заметное участие в местной промышленности армянского купечества и отчасти греческого, молдаванского (Подолия) и западно-европейского (французского). Зато в харьковской промышленности преобладает украинское купечество. Конечно, для правильного понимания позиции русского купечества в украинской промышленности следовало бы учесть влияние дворянской промышленности в Харьковщине, южной Черниговщине и северной Полтавщине—на Левобережьи, в Киевщине, Волыни и Подолии (особенно северной)—на Правобережьи. Пути проникновения русского капитала в украинскую промышленность, конечно, до известной степени, изменялись под влиянием украинской дворянской фабрики. Охватывая и захватывая своим торговым и промышленным влиянием украинский рынок, втягивая еще слабый украинский капитализм в общее империалистическое движение, сбрасывая последние особенности украинского права и администрации, нивеллируя общеимперским российским шаблоном культурную автономию Украины, русский капитал в своем стремительном походе на юг докатился до Севастополя.

---

[1]) См. Тверитинов, 127—28. В 1861 году в Балте числилось мещан „великороссийского общества“ 506 душ об. п. (Эконом. сост. гор. пос., II, Подольская губерния, с. 8). См. Список фабрикантам 1832 г., II, 590—91.

[2]) Стат. опис. Киев. губ., I, 226—30.

IV.

50-е годы представляют особый интерес в истории украинского хозяйства. Последнее крепостное десятилетие—особенно 5 лет перед реформой—требует весьма внимательного к себе отношения; между тем до сих пор оно остается неизученным в экономической истории Украины. В специальной работе, посвященной украинской предкапиталистической фабрике, мы не можем остановиться на данном вопросе, но мы также не можем его обойти. Нам придется наметить основные вопросы, поставить необходимые вехи, в некоторых случаях схематизируя построение, в других детализируя его. Полное отсутствие в научной литературе каких-либо обзоров, посвященных этому периоду украинской истории, заставляет нас обратить большее, нежели следовало бы, внимание на некоторые детали. Остановимся на двух только моментах—восточной войне 1854—56 г.г. и хозяйственном под'еме и кризисе второй половины десятилетия. Вопрос о значении восточной войны в истории украинского и русского хозяйства почти не изучен. Между тем установившаяся в научной литературе традиция связывает крымскую войну с крестьянской реформой 1861 года. Однако, обычно меньше всего считались с экономическими последствиями этой войны. Речь шла всегда о моральном влиянии крымской катастрофы, об отражении ее в общественной мысли и настроениях эпохи. Конечно, не следует игнорировать и эту сторону. Но историк обязан прежде всего изучить материальное значение каждого факта. Тем более обязательно это в данном случае для украинского историка. Крымская война своими причинами, ходом и результатами слишком тесно связана была с украинским хозяйством перед реформой. Крымская война—кульминационный пункт в движении русского капитала на юг, к новым рынкам, персидским и турецким прежде всего,—была, в сущности, решительной борьбой российского и англо-французского капитала за обладание левантским рынком. Для нас она интересна вдвойне. С одной стороны, это один из этапов победоносного шествия русского капитала на юг, через

Украину и прежде всего на Украину, завершение старого хозяйственного процесса и одновременно начало новых, заманчивых экономических перспектив. С другой стороны, это все же одно из первых, еще не самостоятельных выступлений молодого украинского капитализма, сделанное в рамках российского: нельзя забывать, что украинское хозяйство было заинтересовано в экспорте хлеба и других продуктов сельского хозяйства, а также некоторых произведений фабрично-заводской промышленности.

Крымская война вызвала сильнейшее напряжение хозяйственной жизни Украины. 19/XI 1853 года Бессарабская область и губернии Херсонская и Таврическая были об'явлены состоящими на военном положении [1]). Организация военной обороны, ложившаяся главной тяжестью на Украину, снимала с местного хозяйства лучших работников, разоряя помещичье и разрушая крестьянское хозяйства. В том же направлении действовали усиливавшийся налоговой пресс и ряд натуральных повинностей (подводная, постойная, поставка скота и т. д.). Милитаризация всей хозяйственной и общественной жизни, особенно в Южной Украине, захваченной театром военных действий или близкой к нему, создавала ненормальное положение. Замечается определенный отлив населения на север [2]). Общие итоги были печальны. „Еще год войны—писал Грановский Кавелину в сентябре 1855 года,—и вся Южная Россия разорена“ [3]). Прежде всего война непосредственно нарушила течение южно-украинского хозяйства. Военное положение в Херсонской и Таврической губерниях, в связи со строгостью полицейских мер, поставило местное сельское хозяйство, работавшее на вольнонаемном труде, в до-

---

[1]) II П. С. З. т. XXVIII[1], № 27707. См. Мат. для ист. крымск. войны и обороны Севастополя (под ред. Дубровина), вып. I, с. 236; Шмидт, II, 780, 782.

[2]) См. Журн. мин. гос. им., 1856, ч. LX, с. 172, 186, 202—204, 207—209, 212—13, 214—16; Дубровин, История крымской войны и обороны Севастополя, т. I, 98—9, 292—93, 300—301, 360—64, 430—31; т. II, 15—16, 18—21, 92, 277—78, 325—26, 352—76; т. III, с. 78, пр. 2, 102—103, 143—97, 240—41, 320—23; Покровский, Дипломатия и войны царской России в XIX веке, с. 173. Интересные сообщения о положении Южной Украины в период крымской войны—A. Petzholdt, Reise im westlichen und Südlichen europäischen Russland im Jahre 1855 (Leipzig, 1864), passim.

[3]) Покровский, op. cit., с. 173.

вольно тяжелое положение. В Херсонской губернии и вообще на юге Украины было множество осевших здесь вольных рабочих, когда-то зашедших сюда и окончательно обосновавшихся здесь. Большое количество этих рабочих и их сомнительное правовое положение обесценивали их труд, и „их можно было приобретать за дешевую цену, отчего хозяйства в прежнее время (писано в 1861 году) и процветали". Во время войны большую часть их выслали на места „законного" жительства [1]). Военные обстоятельства отвлекли много рабочего населения в армию, в различные учреждения и поручения, обслуживавшие армию. Цены на рабочие руки весьма возросли. Так, в Херсонском уезде задельная плата пешего рабочего увеличилась с 44 коп. в 1853 году (в 1854 г.—39¼ к.) до 59 коп. в 1855 году и 62½ к. в 1856 году; рабочего с парою волов с 1 руб. 54 коп. в 1853 году до 2 руб. 20 коп. в 1855 году и 2 р. 78¼ к. в 1856 году. То же мы, в большей или меньшей степени, находим и в некоторых других уездах Херсонщины [2]). Здесь (в Южной Украине) война тем больнее ударила по интересам помещичьего хозяйства, что 1853 и 1854 годы были урожайными годами. Закрытие черноморских и азовских портов лишило возможности экспортировать хлеб за-границу. „В портах задержано было много пшеницы и кукурузы, и должно было думать скорее о вывозе оттуда запасов, чтобы они не достались в руки неприятеля, чем о новых подвозах" [3]). Южно-украинское хозяйство не могло также в полной мере воспользоваться выгодами войны. На продовольствие войска шли только редкие на юге рожь и овес, которые закупались или в северной Украине, или в южной Великороссии. Само собой разумеется, передвижения войск в пределах Украины особенной тяжестью ложились на крестьянское хозяйство. Неудивительно, что в южных уездах скоро истощились запасы 1854 года, и селянам Одесского, Александровского и Бердянского уездов пришлось покупать хлеб

[1]) Журн. мин. гос. имущ., 1861, ч. LXXVIII, кн. II, отд. 2, с. 126—27

[2]) Материалы Бунге (см. раздел 9 главы 2), т. IV, приложение к положению об улучшении быта помещичьих крестьян в Херсонской губернии, с. 38.

[3]) Журн. мин. гос. имущ., 1856, ч. LX, с. 212.

для своего продовольствия в портах [1]). Положение помещичьего хозяйства было спасено неурожаем, который обнаружился в половине лета 1855 года. „1855 год—писал в своем отчете департаменту сельского хозяйства инспектор сельского хозяйства южных губерний—останется надолго памятным в Южной России не только по тягостям войны, но и по бедствиям, которым подвергалось сельское хозяйство, под влиянием неблагоприятных атмосферических явлений, как будто в оправдание народного поверья, что одна беда ведет за собою другую. В самом деле, к ужасам войны в приморских местностях и к тягостям военного положения, значительно сократившим посевы в степной полосе, присоединились другие бедствия (сильные засухи, вредители и т. п.)... Последствием вредных явлений был повсеместный неурожай на хлеба и только посредственный на сено, плоды и овощи". В некоторых местностях хлебные посевы были сокращены наполовину и более; местами хозяйство, из опасения военных действий, было вовсе оставлено [2]). Со второй половины 1855 года, в связи, конечно, с военным положением и неурожаем, цены на все сельскохозяйственные продукты повысились. Неурожай был всеобщим на юге Украины; в других местностях обнаружился плохой урожай. 1855 год был неурожайным и в Белоруссии, и в Литве, и в Польше, и в Галичине (вообще в Западной Европе). Более северные украинские губернии (северная половина Подольской и Киевской губерний) отправляют в большом количестве пшеницу и рожь сухопутьем и водою по Днепру и Припети. И здесь цены на хлеб сильно повысились. Даже в Одессе, где застряло большое количество пшеницы и кукурузы (от 300 до 400 тысяч четвертей), и где в начале года пшеница шла в одной цене с ячменем, а кукуруза продавалась—четверть по $1^1/_2$ руб., в декабре пшеница поднялась до 9 рублей, а кукуруза до 5 руб. сер. четверть [3]). Если помещичье хозяйство выбра-

[1]) Ibid., c. 213.

[2]) Ibid., c. 172, 186, 212.

[3]) Ibid., c. 212—13, 214—15. Зато в Харьковской губернии (Купянский уезд), несмотря на неурожай, цены на пшеницу не повысились, ввиду застоя заграничной торговли и хороших урожаев предшествующих лет (Журнал сельск. хоз., 1856, № 4, отд. 1, с. 21).

лось из военного кризиса, то факт общего расстройства сельского хозяйства на юге Украины—несомненный [1]). Неудивительно, что в 1856 году, с открытием черноморских портов для заграничной торговли, пострадавшая от плохого урожая 1855 года и истощившая старые запасы Западная Европа не нашла сразу в Одессе необходимого количества хлеба. Это необычайно взвинтило цены на хлеб. За четверть пшеницы (гирки) платили до 13 руб. сер. (45 р. 50 коп. асс.), за четверть ржи по 7 р. 50 коп., кукурузы—6 р. 15 коп. Старожилы вспоминали золотые времена 1817 года. Подвоз из ближайших местностей не насыщал рынка. Неурожай 1855 года здесь был слишком ощутителен. Подвоз из отдаленных украинских губерний был затруднен. Вопрос об улучшении транспорта, в частности о постройке железных дорог, вставал во всей своей остроте [2]).

Но крымская война была тяжела и для северно-украинского хозяйства. При всей трудности экспорта харьковских (северных) и полтавских продуктов через черноморские порты, все же это была единственная выгодная возможность для помещичьего хозяйства, выход из дореформенного бездорожья. Помещичье хозяйство, особенно средней руки, переживает неприятный период полного застоя в делах. В переписке украинских помещиков того времени встречаем любопытные практические детали, факты и оценки. А. Я. Стороженко [3]) писал из полтавского имения сыну в Петербург: „настоящий год, или, лучше, истекший, был чисто неурожайный; а после того падеж скота от чумной заразы; теперь же требование волов в армию. Трудно; но я готов отдать все до крайности, лишь бы этот гордиев узел восточный был рассечен оружием, а не посредниче-

---

[1]) Некоторые детали о положении сельского хозяйства Украины во время крымской войны—Petzholdts Reise, passim.

[2]) „Еще нужнее пути сообщения—писал А. Я. Стороженко сыну после заключения мира.—Как бы мы хлынули весною в Одессу с продуктами; но я 30 марта и от Неверовского (соседний помещик) едва дотащился до дому; а до Днепра никто не доедет" (Стороженки, Фамильный Архив, т. II, 371,—3/IV 1856).

[3]) О нем—Модзалевский, Родословник, IV, 785—87.

ством распутан, да чтобы піднесли під самий ніс по дулі всем западным державам, а особливо нейтральным“ [1]). Но хозяйственные будни скудно питали эти „империалистические“ иллюзии. „Стращающий Одессу Альбион—мытарь остановил южную торговлю так, что ни лен, ни крупа, вырабатываемая на новой моей машине, не покупаются; деньги же на гречиху выданы вперед для этой спекуляции. Мытари на торгах, вероятно, хотят взять отступного; но до переторжки еще далеко“ [2]). „Проклятое наплытие сумасбродов,—писал Стороженко в другом письме,—выправленных на гибель эгоистическими расчетами желающих властвовать, остановило у нас всякий сбыт продуктов; до того, хотя не было дорог, но по Днепру, горько судоходному, кое-что отправлялось на юг, а теперь ничего. Закупатели без денег, оборотов нет. Этот год истинно был неурожайный; все же сыскалось бы некоторое количество хлеба, а особенно льну для продажи, но никто и не спрашивает. Итак, кури горилку, ежели есть запасная солома, и можешь прокормить скотские остовы, питавшиеся иссохшею травою, плати тяготеющий над нами акциз и состязайся с евреями, забравшими винокурни за брагу у нуждающихся в деньгах помещиков“ [3]). Побывав в Киеве, Стороженко пишет сыну: „Киев укреплен, оборонительные казармы высятся в небо; истинную пользу их оправдают время и опыты; за Броварами, с нашей стороны, по дороге также укрепления... (в Киеве) нет жизни даже и в контракты, омелевшие торговлею“ [4]). Безденежье [5]) и дороговизна связывали по рукам и по ногам. „Ничто не продается, а требования усиливаются. Когда чорт вынесет от нас эти флоты?“ [6]) Даже „выгоды“ войны

[1]) Стороженки, т. II, 326—27 (28/I 1854).

[2]) Ibid., 330 (22/II 1854).

[3]) Ibid., 338 (25/XI 1854). Цитата несколько изменена. „Ваше последнее письмо—отвечал сын отцу на письмо от 25/XI—подкрепило меня еще в том убеждении, что война есть большое бедствие, потому что и самый выгодный мир вряд ли в состоянии вознаградить все понесенные через войну потери“ (ibid., 341,—19/XII 1854).

[4]) Ibid., 345 (14/II 1855).

[5]) Ibid., 327, 329, 330, 334, 335.

[6]) Ibid., 337 (4/XI 1854).

нелегко было использовать: „южная армия сближается к нам; но поставок в оную хлебных у нас не производят“ [1]). Помещичье хозяйство бросилось на устройство селитренных заводов, ввиду выгодных условий поставки селитры на Шостенский пороховой завод [2]). Все хозяйственное внимание Стороженко обращено на селитренный завод: „я только что не сплю под котлами—писал он 31/V 1855 г.,—надеюсь, что доходы будут; без труда и деятельности ни до чего не достигнешь“ [3]). Но это было впереди. А пока „военные известия хотя упрочивают нашу добрую славу, но не воспламенительны“ [4]). Главное, денег не было. „Когда эта крымская бойня прекратится?“ [5]) Такие же настроения мы находим и на Правобережьи, среди представителей местного землевладения [6]).

Наиболее тяжелые изменения мы замечаем во внешней торговле [7]). Уже в 1854 году торговые сношения черноморско-азовских портов, в связи с российско-турецкой войной, были затруднены. Об'явленная в начале 1855 года блокада черноморско-азовских портов, продолжавшаяся 14 месяцев, почти приостановила морскую торговлю Укра-

---

[1]) Ibid., 339 (25/XI 1854).

[2]) Ibid., 345 (14/II 1855). См. Черн. губ. вед., 1854 г., № 20.

[3]) Стороженки, II, 353 (31/V 1855). См. ibid., 351 (8/IV, 1855), 357 (5/VII 1855), 367 (12/III 1856). Однако, этого хватило не надолго. „Селитра опять, по видам артиллерийского ведомства, подпала под монопольные проделки; опять в Шостке стали требовать контрактов и делать затруднения в приеме ее. Видно, не нужно нам пороху. Надо будет бросить эту операцию“ (ibid., II, 372,—22/IV 1856).

[4]) Ibid., II, 351 (8/IV 1855). „Война, война, да и только одни бедствия“ (ibid., II, 354—16/VI 1855); „неужели эта война безысходна?“ (ibid., II, 353,—16/VI 1855).

[5]) Ibid., II, 356 (28/VI 1855). См. ibid., III, 501, 515; IV, 335 и т. д. Несколько в более благоприятном положении оказалась Черниговщина. Здесь военным ведомством были сделаны крупные закупки хлеба для западных крепостей Империи (см. Домонтович, 431). Помещичье хозяйство Харьковщины подработало в 1855—56 г.г. на поставке вина для армии (Журнал сельского хозяйства, 1856, № 4, отд. I, 23–4). См. ibid., с. 23, 25—6.

[6]) Pamiętniki Tadeusza Bobrowskiego (Lwów, 1900), t. II, str. 47—54.

[7]) Журнал мин. гос. имущ., 1856, ч. LXI, отд. 3, с. 41—44. О внешней торговле Российской Империи в 1853—56 г.г.—Тернер, Движение внешней торговли России с 1853 по 1856 год.

ины [1]). Центры заграничной торговли передвигаются на северо-запад Украины, к западной сухопутной границе Империи [2]). В 1854 году имперское правительство установило ряд таможенных облегчений для сухопутного импорта. Были понижены пошлины на сырые и полуобработанные материалы и, особенно, готовые изделия. В данном случае правительство руководствовалось преимущественно фискальными соображениями и политическими мотивами (ходатайство прусского правительства о сбавке пошлин на текстильные товары). Эти изменения были распространены и на Царство Польское [3]). В 1855 году, в связи с военными обстоятельствами, был запрещен вывоз хлеба, мяса и низших сортов сукна [4]). В результате мы видим почти полное прекращение морской торговли и сравнительное оживление сухопутной границы Украины. Сравним цыфровые данные по морской (черноморско-азовские порты) и сухопутной (таможни на западной границе Волыни, Подолии и Бессарабии) границе за пятилетие (1853—57 г.г. [5]).

---

[1]) Журн. мин. гос. имущ., 1856, ч. LXI, отд. 3, с. 41.

[2]) Тернер, op. cit., 8—12. См. Аксаков, 355.

[3]) Витчевский, 107; Лодыженский, 253—54; Соболев, 84—86. Едва ли возможно согласиться с Лодыженским (с. 254), что таможенные изменения 1854 г. не могли иметь особого значения для торговли и промышленности. Эти изменения уцелели до тарифа 1857 г. (Соболев, 85—86) и, несомненно, оказали существенное влияние на торговлю и промышленность Украины.

[4]) Витчевский, 107. Запрещение было снято 23/III 1856 года. См. Виды внешней торговли за 1854—56 г.г., предисловие.

[5]) Таблица составлена на основании данных, опубликованных в „Видах внешней торговли“ за соответствующие годы. Для первой группы (внешняя торговля по морской границе) взяты данные, касающиеся европейской внешней торговли по Черному и Азовскому морям (включая и неукраинские порты северного побережья); для второй группы (внешняя торговля по сухопутной границе) взяты данные, касающиеся европейской внешней торговли по таможням и заставам губерний Волынской (таможни Дружкопольская, Радзивиловская, Волочиская) и Подольской (таможни Гусятинская и Исаковецкая) и Бессарабской области (таможни. Новоселицкая, Скулянская, Рениская, Измаильская и заставы Липканская и Леовская).

Годы.	Морская граница. Экспорт.	Импорт.	Общая сумма.	Сухопутная граница. Экспорт.	Импорт.	Общая сумма.
	(В тысячах рублей).					
1853 . . .	49359	9931	59291	6127	3043	9170
1854 . . .	20503	5701	26205	6647	2373	9020
1855 . . .	2977	2560	5538	7401	4081	11482
1856 . . .	43746	11748	55494	6009	4345	10354
1857 . . .	49573	11546	61116	5446	4032	9479 [1])

При общем упадке заграничной торговли особенно важное значение имеет устойчивость сухопутной торговли и некоторое расширение ее операций. Тем не менее, общие итоги были неутешительны. Обороты заграничной торговли Украины (не считая, конечно, того, что привозилось через русские порты и таможни), составлявшие в 1853 году слишком 68 миллионов рублей, падают в 1854 году почти наполовину (35 миллионов), а в 1855 году—до 17 миллионов [2]). Тернер был прав, утверждая, что „последняя катастрофа (крымская война) сделалась причиною самых глубоких и тяжких переворотов в нашей внешней торговле“ [3]).

---

[1]) Тернер (с. 11), впрочем, указывает, что „поразительный упадок“ экспорта в 1855 году нельзя „единственно приписать прямому действию войны“.

[2]) Ibid., 8.

Особенно тяжело отразилась восточная война на одесской торговле. Блокада черноморских портов почти прекратила одесскую торговлю. Бомбардировка Одессы причинила крупные убытки порту [1]). Торговля была подорвана военными обстоятельствами 1854 года, в 1855 году упала до минимальных размеров и еще не восстановилась в 1856 году [2]).

Годы.	Отпуск.	Привоз.	Общая сумма.
	(В тысячах рублей).		
1851	13236	7710	20946
1852	24735	9827	34562
1853	35358	13270	48628
1854	13576	5237	18813
1855	329	2447	2776
1856	17801	11914	29715
1857	27630	14302	41932 [3]).

Во время восточной войны украинская промышленность развивается неравномерно [4]). В Южной Украине мы замечаем промышленную депрессию. Сокращается число предприятий; особенно в тяжелом положении оказываются производства, работавшие на заграничный рынок. Резко падает производство шерстомоен, салотопенных, ка-

---

[1]) Интересные данные о положении Одессы во время крымской войны—Новороссийский календарь на 1855 г., с. 414—34; Материалы для истории крымской войны и обороны Севастополя, вып. II, 35—143; Вестник русского географического общества, 1857, ч. XXI, отд. 2, с. 242, 253—55. Любопытные впечатления А. Я. Стороженко—Стороженки, II, 323, 325, 333—34, 353—54. См. ibid., IV, 282.

[2]) Шмидт, II, 567; Павлович, с. VII.

[3]) Шмидт, II, 566. В общий итог вошли товары, прошедшие через портовую и сухопутную таможни. Разница в цыфрах вызвана тем, что мы выразили числа в круглых тысячах рублей. Мы не останавливаемся тут на положении внутренней торговли в связи с крымской войной. Интересный материал—у Аксакова, 60, 226, 355 и др.

[4]) О влиянии крымской войны на промышленность Империи—Историко-статистический обзор промышленности России, т. I, гр. XI, с. 78—9; т. II, гр. V, с. 22, 67—8, 137 -38, 142, 145, 151; ibid., гр. VII, № 4, с. 7, 18—9.

натных [1]) и т. п. заводов. Общее положение южно-украинской промышленности представляется в следующем виде.

Губернии	Число фабрик и завод.		Размеры производств. (в тыс. руб.)		Число рабочих	
	1853	1854	1853	1854	1853	1854
Екатеринославская	68	60	409,2	235,6	1172	587
Одесское градонач.	64	58	2120,1	887,5	794	527
Херсонская	53	40	3114,5	116,5	3998	544
В общем. .	— 14,6%		— 78%		— 72,2%	

Особенно заметно это сокращение производства в Херсонщине, где, большей частью, и находились соответствующие предприятия. Более устойчивой оказалась промышленность Екатеринославщины (по Таганрогскому град., к сожалению, нет данных для 1854 года, и мы не брали его в расчет), конечно, благодаря большей отдаленности от театра военных действий и от черноморско-азовской торговли. Весьма важно, что эти изменения произошли в первый год войны, когда еще не могло резко ухудшиться положение черноморской торговли. В несколько более благоприятном положении оказались предприятия, в работе которых заинтересовано было тогда военное ведомство [2]). Иную картину наблюдаем в северной Украине.

---

[1]) В 1852 году шерстомойных заведений было: в Херсонской губ.—8, в Одесском град.—1. В 1854 году: в Херсонской губ.—2, в Одесском град.—0. В 1852 году салотопенных заводов (крупных) было: в Екатеринослав. губ.—25, в Херсонской губ.—7, в Одесском град.—2. В 1854 году: в Екатеринослав. губ.—4, Херсонской—4, Одесск.—2. В 1854 году в Херсонской губ. не было канатных заводов. В 1852 году здесь числился 1 канатный завод (цыфры заимствованы из официальных ведомостей о фабриках и заводах в 1852 и 1854 годах,—Журн. ман. и торг., 1853, ч. IV и 1855, ч. IV). См. Шмидт, II, 432, 445.

[2]) О влиянии крымской войны на некоторые казенные предприятия и предприятия, связанные с военным ведомством,—см. Фомин, Горная и горнозаводская промышленность юга России, т. I, с. 103—104, 402, 410—11; Оглоблин, Крепостная фабрика; Историко-статист. обзор, II, гр. V, с. 22, 137, 142, 145.

Губернии	Число фабрик и завод.		Размеры производств. (в тыс руб.)		Число рабочих	
	1853	1854	1853	1854	1853	1854
Волынская	330	297	1122,2	1026,6	3759	4367
Киевская	208	223	4649,8	5320,4	17981	19716
Подольская	222	210	449,0	547,4	3957	4025
Полтавская	184	204	872,1	1004,6	6540	7920
Харьковская	264	247	2258,8	2280,0	10964	10173
Черниговская	253	254	2510,6	2636,9	12033	12945
В общем . .	— 1,8%		+ 8,1%		+ 7,1%	

Данные, касающиеся отдельных губерний, в этом случае менее интересны. Следует только отметить сокращение производства на Волыни и увеличение его на Киевщине. Среднее повышение производства, даже при некотором сокращении числа предприятий, само по себе невелико. Но, в сравнении с положением промышленности Южной Украины, оно приобретает значительный интерес.[1]) Бесспорно, в целом крымская война весьма неблагоприятно отразилась на положении украинской фабрично-заводской промышленности. И без того несколько замедленный темп развития этой промышленности в 50-х г.г. становится теперь, после учета влияния военной середины 50-х г.г., более понятным. Но об'яснить все влиянием войны было бы ошибочным. Развитие промышленной жизни в 50-х г.г. было значительно сложнее.

Украинская послевоенная экономика представляет крупный интерес. Несомненно, общее оживление хозяйственной жизни Восточной Европы должно было захватить Украину. Восстановление черноморской торговли имело непосредственное значение для украинского хозяйства. Мы видим, с одной стороны — необычайное оживление хозяйственной жизни, в частности фабрично-заводской промышленности в сере-

---

[1]) Обе таблицы составлены на основании официальных ведомостей 1853 и 1854 г.г. о фабриках и заводах (Журн. ман. и торг., 1855, ч. IV, с. 353).

дине 50-х годов, с другой—бесспорно, наличие промышленного кризиса в конце 50-х годов. Здесь—совместное действие международной и внутренней экономики. Мировой кризис 1857 года, хотя и в слабой степени, также отразился на Украине [1]). Интересный анализ промышленного под'ема и кризиса 50-х годов дает известный в свое время автор статей по экономическим вопросам В. Безобразов. Его наблюдения тем более ценны для нас, что они были „преимущественно сосредоточены в области украинского ярмарочного торга, т. е. в губерниях Курской, Харьковской и Полтавской“ [2]). „Оживление промышленности и коммерческих дел, с окончанием восточной войны, было для всех... очевидно... Коренное оживление наших промышленных и коммерческих дел принадлежит к 1854—1857 г.г. Оно началось еще до заключения мира. Оно проявилось чрезвычайным усилением фабричной деятельности... необычайной бойкостью оборотов на всех внутренних ярмарках, быстрым увеличением сбыта как отечественных, так и иностранных мануфактурных товаров... и, в особенности, предметов роскоши как в высших, так и в низших классах. Апогей этого движения внутри России был в 1855 и 1856 годах, о которых решительно все участники нашей промышленной и коммерческой деятельности говорят, как о золотом времени. И простые рабочие, и фабричные, и фабриканты и купцы всюду говорили нам об это мвремени: „мы тогда озолотились“. Фабрики не успевали подготовлять товары, которые быстро расхватывались; строились новые фабрики и расширялись старые; удваивалось число рабочих часов, работали ночью; цены на все товары и заработки росли непомерно. Несмотря на непрерывное возвышение цен, беспрестанно являлись на все фабрики и ко всем гуртовым продавцам товара новые заказчики и новые покупатели; люди, только что взявшие товары, тотчас возвращались за новым товаром, расплачи-

[1]) См. Туган-Барановский, Кризисы, с. 109—22; Туган-Барановский, Фабрика, 325—27. Ср. Журн. ман. и торг., 1858, т. IV, отд. 6, с. 29.

[2]) В. Безобразов, О некоторых явлениях денежного обращения в России (Москва, 1863), I, 5; II, 5, прим.

вались до срока, и если не было наличного товара, что называется, наперебой заказывали в сроки. Деньги были в таком изобилии, что все дивились... откуда их было столько во всех руках; не только не было вымогательств кредита, но, напротив, были беспрестанные случаи расплаты за товары до сроков... Все денежные обороты совершались чрезвычайно легко и быстро; только что затраченные капиталы возвращались с огромными барышами. Не только всеми ощущалось изобилие в деньгах, но и в капиталах и в кредите; капиталы, казалось, росли не по дням, а по часам, и потому требовали расширения существующих предприятий и устройства новых. Так было преимущественно в 1855 и 1856 г.г... В это время промышленного возбуждения сангвиническое расположение умов было так сильно, что весьма серьезные люди говорили, что мы не только не истощены войною, а, напротив, обогащены“ [1]). Характерно, что „акционерное оживление началось позже внутреннего мануфактурного“. „В промышленность и спекуляцию—пишет Безобразов—бросились люди, которые до войны были совершенно им чужды; сверх чрезвычайных барышей, доставшихся людям из промышленного и коммерческого класса, большие суммы денег очутились с окончанием войны в руках всякого рода людей, никогда не занимавшихся ни торговлею, ни промышленностью. Сюда относятся наживы от разных операций административных и хозяйственных, связанных с военными действиями, с заготовками, подрядами и даже с обыкновенною канцелярскою деятельностью по этим частям. Из неудачных, в военном отношении, турецких походов, из опустошенного Крыма, из-под огнедышащих укреплений Севастополя воротились в Россию люди с огромными состояниями; внезапное промышленное оживление увлекло все эти состояния; многие бросились на новые пути, которые, как всем казалось, открывались перед Россией. О сбережении накопленного, о благонадежном помещении капиталов никто не думал; все только и хлопотали о том, чтобы нажиться и обогатиться“ [2]). К тому же в

[1]) Ibid., II, 20—22. См. Бунге, Политико-экономическое обозрение 1855—57 годов, с. 408.

[2]) Безобразов, II, 22—23.

1857 году были понижены банковые проценты по ссудам и вкладам (последние с 4% на 3%). „Вклады были искусственно погнаны из банков в народное обращение“ [1]). Весьма показательно расширение акционерной деятельности в 50-х годах. В 1850 и 51 г.г. новых акционерных обществ не было основано. Число их начинает увеличиваться только с 1853 г. В 1851—55 г.г. учреждено 18 акционерных обществ с капиталом в 16,4 мил. руб.; в следующее пятилетие (1856—60 г.г.) новых обществ открылось 108, с капиталом в 317 мил. руб. Интересно распределение новых предприятий по годам.

Вновь основано акционерных компаний:

Годы.	Число компаний.	Капитал компан. (в миллионах руб.).
1856	8	13,05
1857	14	142,9 [3])
1858	41	58,0 [4])
1859	28	74,55 (кред.) 15,27 (мет.)
1860	17	9,4
1861	8 [2])	3,8 [5])

Итак, 1857—1858 г.г. дают наибольшее увеличение акционерной деятельности. „Всеми было замечено—писал Журнал мануфактур и торговли,—и во всех журналах повторено несколько раз, что 1857 год отличался особым оживлением во всех отраслях промышленности, следова-

---

[1]) Ibid., II, 13, 19—20, 26.

[2]) Туган-Барановский, Фабрика, 336. Несколько иные цыфры для этих годов дает Безобразов (op. cit., II, 22, пр. 1): 1856 г.—6; 1858 г.—36; 1859 г.—25.

[3]) Значительно отличную цыфру указывает Безобразов (op. cit., II, 22, пр. 1): 300 миллионов. См. Туган-Барановский, Фабрика, 327.

[4]) В первые четыре месяца 1858 года было открыто 16 компаний с капиталом в 28850000 сер. руб. (Журн. ман. и торг., 1858, т. IV, отд. 6, с. 19).

[5]) Данные для определения акционерных капиталов за 1856—61 г.г. заимствованы у Л. Н. Яснопольского (Новый Энциклопедический Словарь Брокгауза, т. I, ст. 806). Отличные цыфры для 1856—59 г.г. дает Безобразов (op. cit., II, 22, пр. 1).

тельно, конечно, также и в мануфактурной. Действительно, нельзя было не заметить этого оживления, этой повсеместной деятельности. Особенно резко и наглядно бросалась она в глаза потому, что в последнее время образовалось и утверждено много акционерных обществ или компаний для промышленных целей“ [1]). „Давно ли—писал В. Татаринов в другой своей статье—акционерные общества были у нас чуть не редкостью; с трудом можно было насчитать их какой-нибудь десяток, а теперь, в последние три года, возникло их столько, что сразу и не упомнишь“. Необычайный рост акционерного предпринимательства, в связи с высоким биржевым курсом акций, заставлял более осторожных современников опасаться, „не заключает ли в себе это лихорадочное стремление к приобретению акций чего-либо опасного, извращающего пользу, которой можно ожидать от компаний, и, наоборот, даже способного привести к каким-либо печальным результатам“. Бесспорно, Татаринов был прав, когда считал, „что не все уже существующие и вновь возникающие общества вызваны действительною потребностью в них, и что далеко не все подписывающиеся на акции имеют в виду выгодное помещение в этих предприятиях действительных своих капиталов, а что в обоих случаях, особенно же в подписке на акции, действует часто одна спекуляция на эти акции, как на товар“ [2]). Мы не можем точно установить, как проходила эта акционерная горячка на Украине. Но ясно, что и здесь среди акционерных предприятий, возникавших в это время, было немало дутых. Одновременно замечается общее оживление экономической жизни. „Промышленность в настоящее вре-

[1]) Журн. ман. и торг., 1858, т. I, отд. 6, с. 1—4. „Можно положительно сказать, что промышленность действовала в течение всего года (1857) с одинаковою напряженностью“ (Журн. ман. и торг., 1858, т. II, отд. 6, с. 17). „Мануфактурная промышленность наша—писал Татаринов—сохранила и в нынешнем году (I—IV 1858) тот же характер, какой она имела в предыдущем, и 1858 год в этом отношении может быть назван наследником и преемником 1857. То же оживление, то же стремление к новым предприятиям, то же огромное количество акционерных обществ, которые мы видели в прошедшем году, заметны и в первые месяцы нынешнего года“ (Журн. ман. и торг., 1858, т. IV, отд. 6, с. 17).

[2]) Журн. ман. и торг., 1859, т. V, отд. 3, с. 21—35.

мя—писал Журнал мануфактур и торговли в 1858 году—мало похожа на прежнюю... она во многом существенно изменилась, и относительно предметов, на которые устремляется ее деятельность, и относительно способов и средств, которыми она достигает своей цели; одним словом, она получила новое направление". „Характеристические черты нового направления" автор статьи усматривал в „быстром образовании и увеличении числа акционерных обществ", „в духе предприимчивости и спекуляции" и, наконец, в „обращении деятельности, главным образом, на пароходство и улучшение путей сообщения". „В эти два года (1857 и 1858) появилось столько новых предприятий, сколько в прежнее время не возникало в десятки лет, и притом предприятия эти касаются почти всех отраслей промышленности и почти всех местностей нашего отечества" [1]). Увеличивается общее количество фабрично-заводских предприятий, особенно в области свеклосахарной промышленности, растут машиностроительные заводы [2]), в большом количестве ввозятся из-за границы машины, фабричные и земледельческие [3]). Рост капиталистических предприятий и механизация производства, в связи с широким распространением паровых двигателей и машин—вот основные черты промышленного развития Украины второй половины 50-х годов.

Совершенно определенные признаки надвигающегося кризиса обнаружились уже в 1858 году. „Уже с 1858 года—писал Безобразов—начинаются во внутреннем производстве и торговле задержки, заминки [4]), которые в 1859 году превращаются внутри России в решительный кризис. С начала этого года начинают раздаваться жалобы на слабость сбыта, на накопление непроданных товаров; с 1858 года начинаются плохие ярмарки, состояние которых с тех пор не улучшается, а с каждым годом ухудшается... акционерный кризис обнаружился несколько позже: начался в 1859 г. и разразился окончательно в 1860 году. Крушение акционерных компаний было бы излишне опи-

[1]) Ibid., с. 19—20, 35—36.

[2]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

[3]) Журн. ман. и торг., 1859, т. V, отд. 3, с. 36, 50—1.

[4]) Ср. Журн. ман. и торг., 1858, т. IV, отд. 6, с. 21, 29.

сывать: оно слишком всем известно; немногие из акционерных предприятий уцелели, почти исключительно те, которые существовали до войны. Место безграничного увлечения акционерным делом заступила или настоящая паника, или полнейшее равнодушие“ [1]). Банки перестали выдавать ссуды под залог недвижимых имуществ. „Недостаток денег сделался повсеместным... портфели всего промышляющего русского мира переполнены кредитными бумагами, акциями, векселями, а денег под них достать негде... Сделать заем на человеческих условиях во многих местах теперь почти невозможно“. На Украине особенно тяжело отразился денежный кризис. На Киевщине, например, почти все свободные капиталы вложены были в так называемые траты рафинадных заводчиков. Траты приносили 8 и 10% годовых и легко разменивались с небольшим лажем. „Все денежные люди старались пристроить свои деньги в траты“. Уже в 1860 году обнаружилось, что трат выпущено было более, нежели сахарные заводчики могли их обеспечить. В 1861 году траты потеряли свое значение на бирже. К тому же правительственные банки прекратили свои операции еще с 1858 года. Неудивительно, что в 1861 году „в Киеве занять иначе нельзя, как у ростовщиков под залог, по 15 и 20% в месяц!“ „Если тут половина правды—писал Вестник промышленности,—то и половина эта в состоянии привести в ужас“. Лишь немногие крупнейшие фирмы (Яхненко и Симиренко, Браницкие, Бобринские, Клейн) еще сохраняли кредит [2]). Происходит целый ряд финансовых катастроф, особенно крупных на Киевщине. Жертвами кризиса стали: известная торгово-промышленная фирма Яхненко и Симиренко, крупнейший на Правобережьи банкирский дом Гальперина и много крупных землевладельцев и свеклосахарных заводчиков [3]). Владельцы свеклосахар-

[1]) Безобразов, II, 23—24.

[2]) Вестник промышленности, 1861, т. XIV, № 11, с. 38—40. См. Pamiętniki Bobrowskiego, t. II, str. 424.

[3]) Интересные воспоминания об этом—у Бобровского, II, 423—24. Он исчисляет убытки, причиненные кризисом на Киевщине, в 10—15 мил. руб. (ibid., 424). Гальперин был также свеклосахарным заводчиком Киевщины (Похилевич, Сказания, 49; Обзор разл. отр., I, приложения, с. 10—11). Кризис свеклосахарной промышленности конца 50-х годов интересно изучить в связи с тогдашним состоянием хозяйства Правобережной Украины.

ных заводов, конечно, обратились за помощью к правительству [1]). 13/X 1861 года правительство, обеспокоенное положением заводчиков, решило, в виде временной меры, „для преподания им некоторых средств к поддержанию их оборотов", предоставить свеклосахарным заводчикам Киевской, Подольской, Волынской и других губерний „пользоваться в киевской конторе (государственного банка) кредитом, не иначе, однакож, как под учет векселей на принятых в государственном банке правилах" [2]). Само собой разумеется, денежный кризис не замедлил перейти в различные области хозяйственной жизни страны. Прежде вс его он вызвал застой торговли и отразился на промышленности [3]). „Затруднения, испытываемые нашею промышленностью и торговлею в последние годы, заключаются в совокупности явлений, диаметрально противоположных тем, которыми отличалась эпоха промышленного возбуждения. Недостаток сбыта, накопление непроданных товаров, трудность и медленность всех денежных оборотов, высокий дисконт, невозможность отыскания капиталов за самые высокие проценты и под лучшие обязательства, неоправдание кредита людьми, в прежнее время самыми благонадежными, всеобщее недоверие и, наконец, всеобщее безденежье, которое составляет главный и почти исключительный предмет жалоб во всех классах русского общества и на всех концах России. Посреди этих затруднений все фабрики уменьшили свое производство, многие вовсе закрылись, и везде произошли банкротства, в числе которых иные разрушили самые прочные и знатные коммерческие дома" [4]). Современники связывали промышленный кризис с грюндерством 1856—58 годов. „Желая в 1857 году, так сказать, догнать потребности русского общества, наша промышленность, поощряемая к этому отчасти правительством, вздумала сразу достичь того, чего веками едва ли достигли самые развитые промышленно народы Запада. Мы из огня попали в полымя. Бросившись без знаний и опыта

[1]) См. M. Rolle, In illo tempore (Brody—Lwów, 1914), str. 118.
[2]) Журн. мин. гос. имущ., 1861, ч. LXXVIII, отд. 1, с. 86—87.
[3]) Туган-Барановский, Фабрика, 325—27.
[4]) Безобразов, II, 24.

в акционерно-промышленную деятельность, мы не только не увеличили наших богатств, в которых сильно нуждалось наше общество, но, напротив того, погубив свои миллионы без возврата в разного рода промышленных предприятиях, или совершенно бесполезных, или приводимых убыточно в исполнение, мы сами отняли у себя то, что в своевременных и действительно нам нужных производствах принесло бы нам истинную пользу“ [1]). Современники, хорошо подмечавшие кризис, не всегда, однако, верно оценивали отдельные моменты и факторы его. Впрочем, едва ли слишком теоретичной была оценка современного автора, где в несколько завуалированной форме высказана, с одной стороны, бесспорная противоположность крепостного и капиталистического хозяйства, а с другой стороны—крепостного строя и капиталистического развития. „Мы страдаем теперь, потому что, вследствие более или менее известных причин, оно (общество) у нас поставило одну часть большинства своих членов в полнейшую невозможность сберегать, т. е. образовывать капиталы, другую же в невозможность производить, а следовательно и сберегать; меньшинству же предоставило, с одной стороны, право поглощать своими сбережениями те капиталы, которые бы, при иных условиях общественной экономии, могло сберечь большинство, а с другой, вместо того чтобы извлекать из них новую пользу и усиливать производство, научило его потреблять свои громадные невольные накопления самым непроизводительным образом“ [2]). Эти строки писались уже во время реформы.

---

[1]) Вестник промышленности, 1861, т. XIV, № 11, с. 98 (В. Ососов, Беглый очерк свойств современного русского кризиса и средств выхода из него).

[2]) Ibid., 79—80. Общая оценка—у Безобразова (II, 68—72). Большой интерес в этом отношении представляет статья известного украинского статистика 40—50-х годов Д. П. Журавского „Замечания на записку—А. И. Кошелева—о денежных средствах России в настоящих обстоятельствах“, датированная ноябрем 1855 года (коллекция Бунге в Библиотеке Киевского Университета, № 729). Эта статья характеризует настроения украинской буржуазии и либеральной интеллигенции в эпоху 50-х годов, в связи с крымской войной и предреформенным кризисом.

V.

Мы видели в первой половине XIX столетия общее направление капитала (русского и украинского) на юг и, особенно, на юго-запад Украины. Однако, середина столетия вносит в это направление нечто новое, без учета и об'яснения чего мы не поймем развития украинского капитализма. Остановимся на частном, но основном для истории промышленности и промышленного капитализма вопросе—о производительности труда. Сравним данные 1851 и 1860 года, определяющие долю одного рабочего в производстве.

Губернии.	1851 г. (В рублях).	1860 г.
Одесское градоначальство.	2592,4	2788,4
Херсонская	595,2	656,2
Таганрогское градонач. . .	426,5	491,9
Екатеринославская	330,9	604,0 (586,3)
Киевская	260,1	449,5
Волынская	199,6	634,3 (471,7)
Черниговская	195,5	251,3
Харьковская.	187,3	409,9
Подольская	164,6	488,0
Полтавская	110,5	119,6 [1])

Следует заметить, что первые четыре цыфры обоих рядов расположены почти одинаково. Перестановка мест Таганрог-

---

[1]) Эта и следующие таблицы составлены на основании данных Журн. ман. и торг., 1853, ч. IV, с. 325 (для 1851 г.) и Трудов комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного, ч. II, материалы, с. 330—31 (для 1860 г.) Последние данные требуют дополнительного исследования. Они имеются в суммарном виде (общая цыфра промышленности губернии), и потому нам нелегко точно установить, какие производства приняты в расчет. Сопоставляя эти данные 1860 года с другими современными данными (1859, 1860, 1863 г. г.), мы убеждаемся в том, что они охватывают те же производства, что и данные 1851 года (см. также

ского градоначальства и Екатеринославской губернии в 1860 году, вероятно, имеет чисто местное значение. Остальные шесть губерний расположены в 1860 году значительно иначе, чем в 1851. Так, Киевщина, занимавшая в 1851 году пятое место, уступает его в 1860 Таганрогскому градоначальству, сама занимая только седьмое место. Волынь меняет свое шестое место на третье. Черниговщина отдает свое седьмое место Киевщине и занимает девятое, предпоследнее место. Харьковщина сохраняет свое восьмое место. Зато Подолия меняет свое девятое место на шестое. Благословенная страна крепостной фабрики—Полтавщина остается попрежнему на последнем месте. При всей осторожности в пользовании этими статистическими данными, при всем нежелании разгадывать язык цыфр, перед нами открывается интересная и понятная картина. Два основных вывода мы можем сделать. Первое—это сравнительно замедленный рост промышленного капитализма на Украине в течение десятилетия 50-х годов. Второе—это ясное изживание крепост-

---

Труды, ч. II, материалы, с. 61—4), а потому сличение их возможно. Сомнение вызывают только цыфры 1860 года, относящиеся к Волыни и Екатеринославщине. Число фабрик и заводов слишком увеличено по сравнению с 1863 годом [Волынь—651 и 471, без свеклосах. (в 1860 г.—7) заводов; Екатеринославщина—506 и 211]. Рассмотрев статистические данные относительно промышленности обеих губерний в конце 50-х годов и в 1860 году, имеющиеся у Семенова (Словарь, I, 541; II, 175) и Павловича (с. 190—208), мы убедились в том, что, повидимому, цыфры 1860-го года охватывают также винокуренное (пивоваренное и медоваренное),производство Волыни и Екатеринославщины. Проверив дополнительно положение винокуренной промышленности этих губерний в 50-х годах (в частности, количество действовавших и не действовавших предприятий), мы решили исключить из данных 1860 года число винокуренных, пивоваренных и медоваренных заводов Волыни (139+39+3) и Екатеринославщины (109+2), причем для последней мы взяли цыфру не „Трудов", а Семенова, учитывая замечания Павловича о количестве не действовавших винокуренных заводов. Полагая на каждый винокуренный завод по 15 рабочих (сравнивая данные Домонтовича, с.[288—90, и Шмидта, II, 442, мы предпочли первые) и на пивоваренный или медоваренный завод по 7 рабочих и несколько округлив цыфру—и зная, по данным Семенова, производство этих заводов в 1860 году, мы соответствующим образом уменьшили цыфры 1860 года. Выводы в этом случае, конечно, приблизительны. Все же данные для Волыни несколько спорны. В скобках мы сохранили вычисления для названных двух губерний по общим данным „Трудов" для 1860 года.

ной фабрики (и, стало быть, крепостного хозяйства вообще), что, в свою очередь, свидетельствует о действительном росте капиталистических отношений. И неподвижность промышленного развития Полтавщины, и изменения в местах ряда губерний, особенно резкое в отношении губерний с крепостной и предкапиталистической фабрикой (Киевщина, Черниговщина), и—еще более—изменение с у щ е с т в а цыфровых данных устанавливают это. Прежде чем перейти к анализу данных вышеприведенной таблицы, выясним размеры фабрично-заводских предприятий в 1860 году.

Г у б е р н и и.	Средняя сумма производства одной фабрики (в рублях).	Среднее число рабочих на одной фабрике.
Волынская	3819,$_6$ (3717,$_4$)	6 (8)
Екатеринославская	7919,$_4$ (6301,$_8$)	13 (11)
Таганрогское градоначальство . .	8435,$_7$	17
Киевская	61200,$_2$	136
Подольская	7750,$_9$	16
Полтавская	4440,$_5$	37
Харьковская . . .	15054,$_5$	37
Херсонская	15364,$_6$	23
Одесское градоначальство	57879,$_0$	21
Черниговская . . .	12595,$_9$	50
Для всей Украины	15749,$_5$	35 [1]).

Указанная таблица намечает интересное соотношение промышленных центров (районов) Украины и устанавливает индивидуальные особенности каждого. Наиболее крупные предприятия сконцентрированы в двух районах, из которых каждый имеет свои особенности. На первом месте идет Киевщина. Следующее место занимает Одесское градоначальство (с Херсонщиной). Нетрудно понять положение этих районов. Первенство Киевщины обусловливается, ко-

[1]) Таблица составлена на основании данных, опубликованных в Трудах комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного (ч. II, материалы, приложение XVII). См. предыдущее примеч.

нечно, крупным развитием в ней свеклосахарной промышленности и значительными размерами суконных фабрик губернии. Особенный интерес представляет район Одесского градоначальства и Херсонщины. Промышленность Одесского градоначальства—это ничто иное, как промышленность Одессы, созданная на капиталистических основах, с несомненным участием западно-европейских (главным образом, французских) капиталистов [1]). Ее хозяйственное влияние распространилось и на соседнюю Херсонщину. Достаточно сравнить цыфровые данные основной таблицы. Молодая еще промышленность Херсонщины, где крепостная фабрика никогда не играла выдающейся роли, оставляет (в 1851 году) далеко за собою старые промышленные районы Украины, очаги крепостной фабрики—Черниговщину (устойчивость ее, конечно, следует отнести на счет суконной промышленности северных уездов) и, особенно, Полтавщину.

Возьмем первые четыре строки основной таблицы, относящиеся к южному поясу. За десять лет сумма производства, приходившаяся на долю одного рабочего, изменилась следующим образом:

Губернии.	% %
Одесское градоначальство . .	+ 7,6
Херсонская	+10,3
Таганрогское градоначальство	+15,3
Екатеринославская	+82,5
Среднее для южного пояса. .	+12,1

Особенное значение имеют данные относительно западной части Южной Украины. Здесь мы констатируем замедленный тем проста промышленного капитализма. Зато в северо-восточной полосе данного района мы наблюдаем ускорение процесса. Эту разницу, думается нам, можно об'яснить локально влиянием крымской войны и парижского трактата 1856 года на северное Черноморье, осо-

[1]) Вопрос об участии иностранного (в частности, французского) капитала в украинской дореформенной промышленности будет рассмотрен в одном из следующих выпусков Очерков.

бенно его западную часть. В данном случае весьма интересен процент этого увеличения на Екатеринославщине. Перед нами несомненный отлив капитала от черноморского побережья на север (северо-восток). Рассмотрим подобное соотношение для промежутка 1860—63 годов.

Губернии.	% %
Одесское градоначальство . .	+31,4
Херсонская	+ 8,7
Таганрогское градоначальство	+66,1
Екатеринославская	+42,7 [1]
Среднее для данной территории	+17,2%.

Таким образом, по сравнению с десятилетием 1851—60 годов, мы можем отметить некоторое ускорение роста промышленного капитализма на юге Украины. Точно определить это ускорение мы не можем, ввиду разницы во времени и индивидуальных особенностей каждого периода. Если вспомним, что крепостная фабрика была и на Екатеринославщине, то, кажется, можно признать высокий процент предыдущего периода для нее не случайностью, связанною только с политическими событиями середины 50-х годов. Здесь, вероятно, определенная тенденция хозяйственного развития. Зато сильное повышение дают Таганрогское и Одесское градоначальства. В первом случае, конечно, отражение более выгодного экономического положения, в каком оказался Таганрог и северное побережье Азовского моря после крымской войны и закрепления военной мощи Империи на Кавказе. Зато труднее об'яснить положение Херсонщины. Впрочем, данные, касающиеся ее, мы имеем для 1861 года. Следовательно, минуя даже специальные условия хозяйственной жизни этого года—к тому же крепостная фабрика была и на Херсонщине,—мы не должны были бы ожидать значительных изменений за годичный только срок (1860—1861). Соответствующий процент остается почти на одном

[1]) Таблица составлена на основании данных „основной таблицы“ и Сборника сведений и материалов по ведомству министерства финансов, 1865, т. II, № 7, с. 376—77, 389—90, 402, 407—408.

уровне (небольшое понижение, если только это не результат слишком короткого срока наблюдения, приходится отнести за счет крестьянской реформы).

Обратимся теперь к следующим рядам цыфр основной таблицы, характеризующим северный пояс. Здесь находим большую пестроту. В общем здесь несомненное и сильное увеличение.

Губернии.	% %
Киевская	+ 72,7
Волынская.	+217,0
Черниговская	+ 28,7
Харьковская	+118,7
Подольская	+197,6
Полтавская	+ 8,2
Средн. для сев. пояса	+ 89,5

Наиболее значительное увеличение—в губерниях Волынской, Подольской и Харьковской. Во всех трех случаях перед нами, несомненно, расширение сферы влияния капиталистической фабрики, особенно выделяющееся на Волыни и Подолии. Киевщина, бесспорно, обязана этим увеличением „коммерческому расчету“ в области свеклосахарной промышленности. Особенно поучительны данные относительно Черниговщины и Полтавщины. Здесь перед нами почти полный промышленный застой, что, при развитии промышленности в соседних губерниях, имело для данных местностей весьма серьезное значение. Конечно, более высокий процент для Черниговщины поясняется капиталистической промышленностью ее северных уездов. Тем более ярко оттенен факт вымирания крепостной фабрики. Средний процент повышения производительности промышленного труда для всей Украины +79,2%. Перед нами несомненный рост фабрично-заводской промышленности и промышленного капитализма на Украине в середине XIX века.

Рассмотренные статистические данные представляют огромный интерес для истории украинского капитализма. Изучение их, путем правильного сопоставления с кон-

кретным историческим материалом, даст нам возможность установить пути и центры капиталистического развития. Мы должны помнить в каждом районе его общие хозяйственные и политические условия и основные формы его промышленной жизни. Мало разделить украинскую территорию на два пояса—северный и южный. Надо в каждом из них выяснить местные особенности, установить местные центры. Южный пояс мы можем признать центром капиталистической промышленности на Украине, так же как северный—центром крепостной (и предкапиталистической). Но если в Одесском и (может быть) Таганрогском [1]) градоначальствах не было крепостной фабричной промышленности, то на Херсонщине и Екатеринославщине она, будучи исключительным явлением, все же существовала. Еще более мы не можем игнорировать в северном поясе успехов предкапиталистической фабрики. Нас прежде всего останавливает крупная разница в проценте повышения доли рабочего в производстве—между северным поясом и южным. Даже если мы вспомним о крымской войне, во время которой хозяйственная жизнь приморских местностей Украины почти замерла, все же данная разница останется непонятной: ведь изменения в хозяйственной жизни юга не могли остаться без влияния на северное хозяйство. Для южного пояса мы имеем + 12,1%; для северного + 89,5%. Высота среднего + 79,2%, конечно, идет за счет северного пояса. Таким образом, мы должны признать в северном поясе гораздо более быстрое, нежели в южном, развитие капиталистических отношений в период 50-х годов. Этот ускоренный темп эволюции северного хозяйства, думается нам, следует пояснить, с одной стороны, ростом предкапиталистической фабрики, что, в сущности, означало рост промышленного капитализма; с другой стороны—обратимся теперь к конкретным данным—значительной экономической отсталостью северной промышленности, особенно в сравнении с южной. В начале 50-х годов (1851) доля рабочего

[1]) В списках 1832 года числится только свечносальный завод близ Таганрога, принадлежавший надв. сов. Калержи (Список фабрикантам 1832 года, II, 753). Но было ли это предприятие вотчинным, нам не удалось установить.

в производстве в Одесском градоначальстве была в двадцать три с половиной раза более, нежели на Полтавщине. Даже в губерниях со значительным развитием предкапиталистической фабрики доля рабочего в производстве была значительно ниже, чем в Одесском градоначальстве: почти в десять раз меньше на Киевщине [1]) и более чем в тринадцать раз меньше на Черниговщине. Само собой разумеется, даже в условиях крепостного хозяйства и крепостной промышленности такое положение вещей не могло долго существовать. Крепостное право давало только некоторую передышку. Сравним теперь соответствующие данные 1851 и 1860 годов, беря коэффициент Одесского градоначальства.

Губернии	1851	1860
Полтавская	23,5	23,2
Подольская	15,7	5,7
Харьковская	13,9	6,8
Черниговская	13,3	11,1
Волынская	13	4,4 (5,9)
Киевская	9	6,2
Екатеринославская.	7,8	4,6 (4,8)
Таганрогское градонач. . .	6,1	5,7
Херсонская	4,4	4,3

Количественное среднее оказывается:

Годы.	Южн. пояс.	Сев. пояс.	Общ.
	(В рублях).		
1851 . .	857,1	199,9	249,9
1860 . .	961,4	378,5	448,4

Мы видим огромную разницу в положении северной и южной промышленности. От изменения этой разницы зависело будущее северно-украинской промышленности. За десять лет находим следующие изменения. Почти неизмен-

[1]) На одного рабочего в Одесском градоначальстве приходилось (в рублях)

1851 2592,4
1863 3663,0

В 1851 году на одного рабочего Киевщины приходилось 260,1 р.

ными остаются Полтавщина и Херсонщина, эти экономические полюсы, центры крепостной и капиталистической фабрики. Однако, эта неизменность не одинакова. Промышленность Полтавщины за 50-е годы не изменилась в данном отношении, т. е. судьба ее была определена, и вместе с ней судьба крепостной фабрики. Зато на юге, рассматривая отношение данных Херсонщины и Одесского градоначальства, надо иметь в виду и Екатеринославщину с Таганрогским градоначальством. Здесь мы все же замечаем—пусть несколько замедленный—рост промышленного капитализма. Мало сравнительно изменилось положение Киевщины и, особенно, Черниговщины, губерний с развитой предкапиталистической фабрикой. Зато существенные изменения мы находим в промышленности Харьковщины, Подолии и Волыни, которая идет на первом месте. Основной вопрос заключается в том, обязаны ли мы повышением производительности труда, которое мы наблюдаем в северном поясе в течение 50-х годов,—развитию крепостных или капиталистических отношений. Ответ, конечно, ясен.

Рост промышленного капитализма на Украине во второй четверти XIX столетия передвигает промышленные центры на юг, намечая будущие промышленные районы Правобережья и Левобережья, обрекая старые промышленные центры на умирание. Этот процесс находился в связи с движением торгового капитала на юг, к Черному морю. 50-е годы—это эпоха выравнивания капиталистического фронта, закрепления промышленным капиталом его позиций в украинском хозяйстве. Ускоренный темп капиталистического развития в северном хозяйстве и замедленный в южном—две стороны одного хозяйственного процесса 50-х годов. При замеченном выше отливе промышленного капитала от черноморского побережья, он более или менее равномерно распределяется по остальной территории страны. Промышленные достижения северного пояса за последнее крепостное десятилетие были значительны; но это повышение производительности труда шло за счет, главным образом, развития фабрики с вольнонаемным трудом. И не случайны, конечно, успехи волынской, подольской и харьковской промышленности. Зато весьма

красноречивы цыфровые данные, касающиеся Полтавщины и, особенно, Черниговщины. Развитие капиталистических отношений в украинской промышленности, сделавшее в середине столетия большие успехи, выдвигало вопрос о ликвидации крепостного строя; крепостная фабрика, иногда не без успеха стеснявшая развитие соседней капиталистической, в общеукраинском хозяйственном масштабе оказывалась безоружной и нежизнеспособной. Крепостная и предкапиталистическая фабрика сделали свое дело и должны были уйти.

VI.

Изучение статистического материала фабрично-заводской промышленности Украины конца XVIII—первой половины XIX столетия (до 1861 года) представляет собой огромной важности задачу. Однако, и современное состояние наших сведений об этой промышленности и—что еще более печально—методы дореформенной статистики не дают почти никакой возможности разрешить указанную задачу. Само собой разумеется, для нас не имеют исключительного значения абсолютные цыфры, касающиеся промышленности. Нас интересует то или иное соотношение этих цыфр, динамическое или даже статическое сопоставление цыфрового материала, характеризующего фабрично-заводскую промышленность Украины, в условиях определенного времени и места. Однако, данные дореформенной статистики потребовали бы от нас огромного труда, затратив который, мы все же убедимся в том, что они не только не полны, но—что существеннее—построены на разных основаниях исчисления, различных подходах к учету материала. Вопрос о дореформенной промышленной статистике не раз затрагивался в историко-экономической науке. В последнее время он поднят был в отношении данных XVIII века. Отмечены были примеры крайней путаницы, противоречивости и неясности опубликованного материала XVIII века [1]). Фабрично-заводская статистика XIX века, и не только первой половины его, по своим методам мало чем

[1]) Труд в России. Исторические сборники. I (Ленинград, 1924), с. 5—7 (Ив. Полосин, Промышленная статистика и политика 18 века).

отличается от статистики XVIII столетия. На основании сенатского указа 30/VI 1804 года, губернаторы обязаны были подавать в министерство внутренних дел ведомости о фабриках и заводах губернии. Кроме того, подобные ведомости (по отдельным предприятиям) должны были представлять предприниматели. Этот материал, сам по себе значительный и богатый, чтобы стать научно ценным, требует весьма тщательных изысканий.

В своей статье „К вопросу о нашей ф.-з. статистике" и в соответствующей главе своей книги „Развитие капитализма в России"—В. Ильин достаточно выяснил крупные дефекты фабрично-заводской статистики XIX века. Основными недостатками ее были: отсутствие „точного определения понятия фабрика и завод", отсутствие централизации собирания соответствующих сведений и проверки их, распределение промышленных заведений между различными ведомствами. Неудивительно, что губернаторские отчеты всегда преувеличивали число фабрик и заводов. С другой стороны, предприниматели (особенно владельцы вотчинных фабрик) давали весьма неточные показания, иногда резонно уменьшая число рабочих и сумму производства. Если добавить к этому, что все эти материалы крайне рассеяны и нелегко доступны, то понятным становится тяжелое положение исследователя истории промышленности [1]). Эти общие соображения охватывают и украинскую фабрично-заводскую статистику. Тут условия работы оказываются еще более тяжелыми. Рассмотрение украинской промышленности в общеимперском масштабе весьма отразилось на положении соответствующих статистических материалов. Мы приведем несколько примеров, иллюстрирующих положение украинской промышленной статистики первой половины XIX века. Возьмем наиболее обстоятельные данные (имеющиеся в нашем распоряжении), общие для всей почти Украины (кроме Черниговщины и Таганрогского градоначальства), — данные 1828 года. Это—официальный материал, взятый из ведомостей, доставленных по отдельным губерниям в 1828 году местной администрацией

[1]) В. Ильин. Развитие капитализма в России, с. 360—70.

или, главным образом, корреспондентами Мануфактурного совета [1]). Мы не можем проверить точность этих сведений даже в более важных частях. Но они неполны. Так, по Волыни мы имеем сведения только о 177 фабриках и заводах, тогда как их, по тем же данным, было значительно больше. Из общего числа—264 предприятия—мы знаем только две трети (67%). Между тем бездействовавшие в том году фабрики и заводы составляли всего лишь 10,2% общего числа. Итак, мы ничего не знаем почти о четверти (22,8%) предприятий Волыни [2]). И это не единичный случай. Далее, мы не можем изучить эту группу бездействовавших предприятий. Было ли это бездействие временным и случайным, или же—это окончательное уничтожение предприятия,—мы не в состоянии индивидуализировать вопрос. Неточность этих сведений, являющаяся результатом или ошибочности сообщений, или же их неполноты и неясности, также серьезно затрудняет научное использование соответствующего материала. Важнейшие вопросы экономической организации предприятия часто остаются без ответа. Наличность (в нашем распоряжении) данных 1832 года, еще более неполных и суммарных, позволяет только корректировать некоторые детали [3]). Так как процент этой неполноты и неясности необычайно пестр в разных местностях, то приходится ограничиваться только самым общим сопоставлением тех или иных данных. Еще более сложно, иногда безвыходно, положение исследователя при динамическом изучении материалов промышленной статистики. Хорошо еще, если мы имеем детализированный материал. Но когда приходится сопоставлять суммарные (что случается чаще) данные разных годов, мы лишены почти всякой возможности представить общую картину развития промышленности. В одних случаях, мы имеем сведения, включающие ряд производств, выходящих за рамки фабричной промышленности. В дру-

---

[1]) Журн. ман. и торг., 1829, № 7 (см. с. 61—6); 1831, №№ 2, 3, 4, 10, 11.

[2]) Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 69—116.

[3]) Список фабрикантам и заводчикам Российской Империи 1832 года, ч. I—II (Спб., 1833).

гих, наши материалы слишком ограничивают эти рамки. Голые цыфры—например, количества предприятий—требуют самой тщательной детализации [1]). Списки производств не оставались неизменными. Список 1813 года дает сведения по 19 производствам [2]); список 1832 года—о 30 производствах [3]). Ведомость 1846 года перечисляет 57 производств [4]). Это увеличение шло за счет выделения (и обособления) некоторых производств и возникновения новых. В 1852 году особый комитет при Мануфактурном совете установил „список заведениям, которые должны быть причисляемы к фабрикам и заводам“ (55 производств), „список заведениям, которые должны быть причисляемы к ремесленным, но, при известных условиях, могут переходить в фабричные“ (65 производств) и „список заведениям, которые должны быть причисляемы к ремесленным“ (58 производств) [5]). Ведомость департамента мануфактур 1854 года перечисляет предприятия 107 производств (без винокуренных, пиво- и медоваренных заводов) [6]). Ведомости начала 60-х годов (1863) перечисляют 122 производства,

---

[1]) В нашем распоряжении имеются данные 1852 года в двух различных редакциях, официального происхождения. Одна—министерства внутренних дел, взятая, конечно, из губернаторских отчетов,—дает для Киевской губернии (берем пример) 584 предприятия (Сборник официальных статистических сведений по губерниям Российской Империи, кроме кавказских и сибирских, за 1852 год—рукопись библиотеки Бибикова, № 849, таблица 32); другая—департамента мануфактур и внутренней торговли—дает для той же губернии 205 (Журн. ман. и торг., 1853, ч. IV, с. 325). В первое число к тому же не были включены кирпичные и винокуренные заводы; во второе не вошли винокуренные, но зато вошли кирпичные заводы, которых числилось в 1852 году по данным первой ведомости—115, а второй—7 (с гончарными, черепичными и известковыми; без них—1). Столь заметная разница об'ясняется, вероятно, тем, что в первую ведомость вошла масса мелких предприятий. Сумма производства разнится в обеих ведомостях незначительно: в первой ведомости—4359678 р., а включая продукцию кирпичных заводов—4474191 р.; во второй—4249505 р.

[2]) Северная Почта, 1815, прибавление к № 67. См. Варадинов, История министерства внутренних дел, ч. II, кн. 1, с. 372—84.

[3]) Список фабрикантам 1832 г., I, общая таблица.

[4]) Журн. ман. и торг., 1847, ч. II, с. 459.

[5]) Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного, ч. II, материалы, с. 61—6.

[6]) Журн. ман. и торг., 1855, ч. IV, с. 353.

не включая, однако, сюда заводов винокуренных, пиво и медоваренных и свеклосахарных, а также горных заводов и табачных фабрик (и, как правило, казенных предприятий) [1]). Сложен вопрос о том, следить ли развитие только тех производств, которые входят в группу раннюю, или отмечать расширение сферы влияния фабрично-заводской промышленности. Очевидно, и те, и другие выводы важной Но при том состоянии, в каком находятся доступные нам статистические данные—их суммарность,—и недоступности для нас архивных источников, нельзя осуществить эту работу на всем протяжении изучаемого периода. Общую картину приходится заменять частными и частичными иллюстрациями.

Статистические данные начала XIX века, имеющиеся в нашем распоряжении, носят отрывочный характер. Общий материал, охватывающий всю Украину (по губерниям), опубликован кн. И. Голицыным в его „Статистических таблицах Всероссийской Империи", изданных в 1807 году. Однако, понятие фабрично-заводского предприятия тут трактуется слишком широко и неясно. Сюда включены не только винокуренные заводы, но и „коровьи (заводы) и овчарни", конские заводы и т. п. Конечно, первые надо поставить отдельно, а последние вовсе исключить. Сделав это, видим следующее.

Губернии.	Число фабрик и заводов.
Волынская	240
Екатеринославская . . .	16
Киевская	50
Подольская	39
Полтавская	59
Слободско-Украинская . .	33
Херсонская	18
Черниговская	47
Для всей Украины . .	502 [2]).

[1]) Сборн. мин. фин., 1865, т. II, с. 364—69.

[2]) Статистические таблицы Всероссийской Империи, или физическое, политическое, статистическое начертание России с XIX столетия (Москва, 1807), таблицы, №№ 3—5. Винокуренные заводы в расчет не приняты

Указанные цыфры весьма неполны. Случайные данные, современные вышеуказанным, позволяют нам установить это [1]). Совершенно ясно, что данные Голицына не характеризуют положения украинской фабрично-заводской промышленности в начале XIX века. В нашем распоряжении есть еще ряд статистических материалов первой четверти столетия, охватывающих или отдельные губернии, или отдельные производства [2]). Но они слишком суммарны и, несомненно, неполны и неточны [3]). Более систематический характер имеют данные 1812—14 г.г. и, особенно, 1825 года (см. ниже). Но первые дают только число предприятий (по 19 производствам), а вторые, указывая число предприятий и рабочих, не сообщают размеров производства. В отношении последнего мы оказываемся в особенно трудном положении, так как систематические данные, охватывающие всю украинскую территорию, относятся уже к середине

---

[1]) Например, для Черниговской губернии мы имеем официальные данные 1802 года. Здесь перечислено 85 предприятий производств, упомянутых у Голицына, т. е. почти вдвое больше, чем у Голицына. В частности, здесь указаны мыловаренные (19) и известковые (14) заводы, которых у Голицына нет, и дана более высокая цыфра (12 и 6) стеклянных заводов (см. Труды полтавской ученой архивной комиссии, XIII, 109—10). По данным Голицына, в Киевской губернии не было железных и стеклянных заводов; между тем мы знаем, что они там существовали. Для Волыни почти современные таблицам Голицына — „Волынские записки" С. Руссова (Спб., 1809) дают совершенно иные цыфры фабрично-заводской промышленности. Так, суконных фабрик было: по Голицыну—2, по Руссову—9; кожевенных заводов: по Голицыну—6, по Руссову—13; поташных заводов: по Голицыну—67, по Руссову—16. Неудивительно, что общий итог различен: у Голицына—240, у Руссова—209 (Руссов, op. cit., 177—81).

[2]) См. Труды полтавской уч. арх. ком., XIII, 108 (сведения о селитренных, свечных, канатном, мыльном, картофельных и шляпочном заводах Полтавщины в 1802 году, с указанием числа рабочих и суммы производства); ibid., 109—10 (ведомость фабрик и заводов в Черниговской губернии в 1802 году, с указанием числа рабочих). Для Волыни в начале XIX в. имеем данные Руссова (op. cit., 177—81); для Подолии в начале 20-х годов—Марчинского (Statystyczne, topograficzne i historyczne opisanie gubernii Podolskiey, t. I—III,—Wilno, 1820, 1822, 1823—passim) и др. Слишком отрывочны данные Шторха, Вихмана, Зябловского, Германа и др.

[3]) Таковы, например, данные, сообщенные Шницлером в 1829 году, который указывает 294 фабрик и мануфактур в 8 украинских губерниях (Schnitzler, Statistique et itinéraire de la Russie, I, p. 158—61).

столетия (особенно—первая половина 50-х годов). Для более раннего времени мы имеем только отрывочные сведения, и даже данные 1828 года не могут быть нами использованы в этом отношении. Для второй четверти столетия мы имеем данные 1828 года (детализированные, но неполные) о числе предприятий и рабочих; 1832 года (детализированные)—о числе предприятий; 1844 и 1846 г.г. о числе предприятий и рабочих (см. ниже). Эти данные нами, по мере надобности и возможности, были использованы. Более полный и детализированный материал мы имеем только для середины столетия. Он охватывает и количество предприятий, и размеры их (число рабочих и сумма производства). Ограничимся здесь сопоставлением только некоторых данных по группам количества предприятий, числа рабочих и суммы производства. Более полные сведения имеются для первой и второй групп. Для третьей группы мы имеем материал, относящийся к 50-м годам.

Губернии	Число предприятий						
	1813	1825	1832	1844	1851	1860	1863
Волынская . .	102	185	235	322	333	470	495
Екатеринославск.	1	13	30	54	49	289	232
Таганрогское град.	23 (24)	25 (38)	25 (55)	61 (115)	69 (118)	34 (323)	29 (261)
Киевская	101	107	81	168	209	236	216
Подольская . . .	35	53	44	199	203	246	308
Полтавская . . .	10	29	48	175	174	238	178
Харьковская . . .	12	76	128	198	253	330	246
Херсонская . . .	8	68	84	141	50	167	225
Одесское град. .		19 (87)	15 (99)	40 (181)	65 (115)	74 (241)	52 (277)
Черниговская . .	73	74	89	184	250	245	233
Всего . .	365	649	779	1542	1655	2329	2214

Губернии	Число рабочих				
	1825	1846	1853	1860	1863
Волынская . . .	4377	5777	3759	2750	4395
Екатеринославск.	359	1244	1172	3789	1999
	457	1857	1650	4372	2318
Таганрогск. град.	98	613	478	583	319
Киевская	3164	10337	17981	32135	25470
Подольская . .	847	2396	3957	3907	8900
Полтавская . . .	1590	8905	6540	8835	3770
Харьковская . .	923	10742	10964	12120	10800
Херсонская . . .	437	3142	3998	3895	4809
	662	3591	4792	5431	5757
Одесское град. .	225	449	794	1536	948
Черниговская . .	2994	8139	12033	12257	13218
Всего . .	15014	51744	61676	81807	74628 [1]).

[1]) Таблицы составлены на основании данных: Северной Почты за 1815 год, прибавление к № 67 (данные 1813 г.); Сборн. мин. фин., 1865, т. II, № 6, с. 236—38; № 7, с. 373—74, 376—77, 381, 389—90, 392, 394, 402, 407—409 (данные 1825, 1844 и 1863 г.г.); Списка фабрикантам и заводчикам 1832 года, ч. I—II (данные 1832 г.); Журн. ман. и торг., 1847 ч. II, с. 459; 1855, ч. IV, с. 353 (данные 1846 и 1853 г.г.); Трудов комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного, ч. II, материалы, с. 330—31 (данные 1860 г.). При этом необходимо отметить следующее. Данные 1813 года содержат в себе сведения о губерниях Подольской, Екатеринославской с Таганрогским градоначальством, Черниговской—за 1814 год; о губерниях Волынской, Киевской, Херсонской (с Одессой), Полтавской—за 1813 год; о Слободско-Украинской губернии—за 1812 год. В число фабрик и заводов 1813 года вошли производства: суконное, полотняное, канатное и прядильное, хлопчато-бумажное, шелковое, шляпное, писчебумажное, кожевенное, мыловаренное, салотопенное, свечносальное, свечновосковое, поташное, красочное, железоделательное, стеклянное, фарфорово-фаянсовое, медное, уксусное. В число фабрик и заводов 1832 года вошли все предприятия (действовавшие и находившиеся в бездействии) 30 производств (см. Список, I, общая таблица). Данные 1846 года для числа рабочих взяты вместо данных 1844 г., как более полные (ср. число рабочих в 1844 и 1846 г.г. по Киевской губернии). Пришлось также взять данные 1853 года, как соответственно более поздние. Данные 1846 года охватывают 57 производств; 1851 года—111 производств (точнее—данные 1852 года, сравненные с данными 1851 г.); 1853 года—107 производств (данные 1854 года); 1863 г.—122 производства. Данные 1860 года исследованы с точки зрения замечаний, изложенных в первом прим. раздела 5 настоящей главы, и соответствующим образом изменены по Волынской и Екатеринославской губерниям (без Та-

Губернии	Сумма производства			
	1851	1853	1860	1863
	(В тысячах рублей)			
Волынская .	1119,9	1122,2	1795,2	2472,3
Екатериносл.	269,7	409,2	2288,7	1772,1
Таганрогское град. . . .	234,1 } 503,8	248,4 } 657,7	286,8 } 2575,5	260,4 } 2032,6
Киевская . .	4724,0	4649,8	14443,2	12848,1
Подольская .	631,0	449,0	1906,7	3122,2
Полтавская .	961,3	872,1	1056,8	1190,2
Харьковская .	1893,8	2258,8	4967,9	4034,4
Херсонская .	1576,0	3114,5	2565,8	4250,7
Одесск. град.	2029,8 } 3605,8	2120,1 } 5234,7	4283,0 } 6848,9	3472,5 } 7723,2
Черниговская	2294,8	2510,6	3085,9	3767,7
Всего . .	15734,8	17755,4	36680,5	37191,2 [1])

ганрогского град.). К данным 1863 г. добавлены сведения о числе предприятий: св.-сахарных, песочных (за 1864/65 г.—Статистический временник Российской Империи, I, отд. 2, с. 45—7) и рафинадных (за 1863 г.—ibid., с. 59) заводов и табачных фабрик (за 1864 г. — ibid., с. 50). Число рабочих, занятых в этих производствах, взято: для песочных заводов—за 1864/65 (ibid., с. 48); для рафинадных заводов (1863 г.)—за 1860 год (Обз. разл. отр., I, приложения, 68—75; в тех случаях, когда число рабочих не было указано, мы брали приблизительные цыфры); для табачных фабрик—за 1861 г. (Обз. разл. отр., 2, 328—29). Таким образом, общие итоги только приблизительны (не говоря уже о том, что нами не приняты в расчет производства винокуренное, пиво- и медоваренное). В данных 1863 года число табачных фабрик и рабочих на них по Одесскому град. включено в данные по Херсонской губ. Общие данные по Херсонщине относятся к 1861 году.

[1]) Таблица составлена на основании данных: Журн. ман. и торг., 1853, ч. IV, с. 325, и 1855, ч. IV, с. 353; Труд. комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного, ч. II, материалы, с. 329—31 Сб. мин. фин., 1865, т. II, № 7. Данные 1860 г. взяты с изменениями, о которых подробнее в первом прим. 5 раздела настоящей главы. К данным 1863 года прибавлена сумма производства свеклосахарных заводов—песочных по данным 1864/65 г. (по расчету 5 р. 25 к. за пуд) и рафинадных по данным 1863 года (Стат. временник, I, отд. 2, с. 45—9, 59, 70)—и табачных фабрик по данным 1861 года (Обз. разл. отр., II, 328—29), причем сведения о табачном производстве Одессы включены в общую сумму производства Херсонщины. Общие данные по Херсонщине также относятся к 1861 году.

Губернии	В среднем на 1 предприятие рабочих		
	1825	1851	1860
Волынская	24	17	6
Екатеринославская	28	17	13
Таганрогское град.	4	8	17
Киевская	30	87	136
Подольская	16	19	16
Полтавская	55	50	37
Харьковская	12	40	37
Херсонская	6	53	23
Одесское град.	12	12	21
Черниговская	41	47	50
Для всей Украины	23	38	35

Губернии	Б среднем сумма производства 1 предприятия (В рублях)			
	1851		1860	
Волынская	3363,2		3819,6	
Екатеринославская	5504,9	4270,1	7919,4	7964,5
Таганрогское град.	3393,3		8435,7	
Киевская	22603,1		61200,2	
Подольская	3108,5		7750,9	
Полтавская	5524,9		4440,5	
Харьковская	7485,6		15054,5	
Херсонская	31521,1	31355,4	15364,6	28418,8
Одесское град.	31227,9		57879,0	
Черниговская	9179,3		12595,9	
Для всей Украины	9507,4		15749,5	[1].

Ограничимся некоторыми выводами.

Число предприятий. За 13 лет (1813—25) число предприятий увеличилось на 77,8%, т. е. в среднем ежегодно увеличивалось на 22. В следующие 8 лет (1825—32) число предприятий увеличилось на 20%; в среднем ежегодное увеличение на 16. За 13 лет (1832—44) процент увеличения составляет 96,8%, т. е. годовое среднее—59.

[1]) См. два предыд. прим. Цыфры, обозначающие число рабочих, округлены.

Далее, за 8 лет (1844—51) процент увеличения—7,3%; годовое среднее—14. Наконец, 50-е годы (тринадцатилетие 1851—63) дают процент увеличения 33,8% и годовое среднее—43. За десятилетие 185—160 г.г.—увеличение на 40,7%; годовое среднее—67. Остальные данные не дают цельной картины.

Число рабочих. За 22 года (1825—46) число рабочих возросло на 310,8%, что дает средний ежегодный прирост 1670; за 8 лет (1846—53) оно увеличилось на 19%; ежегодный прирост—1242; в следующие 11 лет (1853—63)—увеличение на 21%; прирост—1177. За 1851—63 г.г. число рабочих увеличилось на 18,5%. За десятилетие 1851—60 г.г.—увеличение на 29,9%.

Сумма производства в 50-х годах (1851—63) увеличилась на 136,4%. За десятилетие 1851—60 г.г.—увеличение на 133,1%. В течение второй четверти столетия (1825—51) число рабочих на одной фабрике увеличилось на 65,2%. В 50-х годах (1851—60) оно уменьшилось на 7,9%. За то же десятилетие производство одного предприятия увеличилось на 65,7%. Производительность труда одного рабочего увеличилась за то же время на 79,2%. Несомненно выделяются: 30-е годы, период быстрого количественного роста фабрично-заводской промышленности; вторая половина 40-х годов, период общего замедления его; наконец, 50-е годы, период сравнительного ускорения количественного роста и бесспорных успехов качественного развития процесса.

Глава II.

I.

Начало XIX столетия—бесспорно, интересная эпоха в истории украинской фабрично-заводской промышленности. Украинская промышленность—и левобережная и, особенно, правобережная—выходит из кризиса 90-х годов XVIII века, связанного с падением старых мануфактур Правобережья и Левобережья. На Левобережьи на смену им приходят вотчинная фабрика и кустарная мастерская. Зато на Правобережьи, при несомненном господстве тех же промышленных форм, что и на Левобережьи, мы замечаем некоторые элементы, характерные для з а п а д н о-украинской промышленности. Непосредственная близость Правобережья, особенно Волыни и Подолии, к Польше и Западной Европе создавала возможность проникновения сюда некоторых особенностей западно-европейской (немецкой и польской) промышленности, модифицировала промышленные формы, выросшие на местной экономической почве. Мы видели в ранней истории правобережной фабрики, сближающейся в этом отношении с историей польской фабрично-заводской промышленности, сильное влияние западно-европейской промышленной техники и несомненное воздействие западноевропейского торгового капитала. Широкая иммиграция немецких и польских ремесленников, появление иностранного купечества на Правобережьи—это отдельные части одного и того же экономического процесса. В первой половине XIX столетия влияние польского капитала на правобережном рынке отгораживает Правобережную Украину, в частности Волынь и Подолию, от проникавших через Левобережье русских хозяйственных влияний. И в начале XIX столетия, после кризиса 90-х годов XVIII в., и во второй четверти XIX столетия, после кризиса 20-х годов, мы видим в промышленной жизни Западной Украины участие и раз-

витие знакомых нам по последней четверти XVIII века экономических течений, проникающих частично в Восточную и Южную Украину. Международные события конца XVIII—начала XIX столетия усиливают прилив на Украину иностранных колонистов [1]). Внимание иностранных предпринимателей, в беспокойной военной и политической жизни Западной Европы того времени, обращается на восток, в частности на южные области Украины, связанные с черноморским рынком. Ряд лиц обращается к российскому правительству с предложением своих услуг и технических знаний и с просьбой оказать соответствующее материальное содействие [2]). Разорившиеся фабриканты, опытные ремесленники, крупные некогда негоцианты, наконец, просто ловкие пройдохи и авантюристы представляют проекты создания новых промышленных предприятий на территории восточной Империи. Эти проекты должны были интересовать российское правительство, увлекавшееся тогда блестящими хозяйственными возможностями так называемого Новороссийского края и весьма озабоченное снабжением войска сукнами. Неудивительно, что суконные фабриканты пользуются большой поддержкой правительства. Министерство внутренних дел, в составе которого оказалось Главное правление мануфактур [3]), весьма внимательно входит в рассмотрение соответствующих предложений. В 1802 году в Коммерц-коллегию обратился ахенский суконный фабрикант Шлейден с заявлением о том, что он „по нарочитым сведениям его к искусству в мануфактурной части, имеет намерение приехать в Россию для распространения сего рода промышленности, особливо же учредить фабрики для делания сукон такой доброты, какие делаются в Англии, Франции и в Ахене“. Из Петербурга ему дали уклончивый ответ. В 1805 году Шлейден при-

[1]) Об иностранной колонизации XVIII в. на Украине и в России—Г. Писаревский, Из истории иностранной колонизации в России XVIII в Некоторые детали—см. Оглоблин, Крепостная фабрика.

[2]) См. известие 1809 года о желании известного бельгийского машиностроительного заводчика Кокериля приехать в Россию,—Журналы Комитета Министров, I, 418.

[3]) Варадинов, История министерства внутренних дел, ч. I, с. 9, 15. 17, 18, 39—40, 41, 46, 78—82.

ехал в Петербург и обратился в министерство внутренних дел, предлагая свои услуги по заведению суконной и игольной фабрик, на что просил о ссуде до 40 тысяч рублей. Впрочем, кажется, он имел в виду учредить акционерную компанию для устройства суконной фабрики, которая выделывала бы сукна из российской шерсти. Министерство нашло названную Шлейденом сумму непомерной и предложило ему завести фабрики на Украине, обещая выдать ссуду в 5 тысяч. Шлейден, выторговав еще несколько сот рублей, согласился и просил отправить его в Одессу [1]). Кажется, его предприятие не удалось. Более успешной оказалась попытка саксонского фабриканта Гелнцера. В 1805 году он обратился в Министерство с просьбой разрешить ему завести в Одессе или где-либо в другом месте на черноморском побережьи фабрику сукна и других шерстяных материй „совокупно с полотняной". Прибывший вместе с ним кожевник Рунхерт предлагал свои услуги для заведения кожевенного завода. Министерство отправило саксонских фабрикантов к малороссийскому генерал-губернатору кн. Куракину для устройства фабрик в Кременчуге, „яко в месте... изобилием вод, достаточным количеством земли и выгодным положением для водяной коммуникации самом удобнейшем". Для фабрик были приобретены дом с усадебною землею и мельница (для суконвальни и красильни); кроме того, Гелнцеру выдана была ссуда в 10 тысяч рублей. Местная администрация встретила его весьма сочувственно. Куракин представил широкий проект устройства в Кременчуге целой промышленной колонии из иностранцев; в своем донесении Министерству он указывал на то, что шерсть и лен имеются в изобилии, а шелк, бумагу (хлопчатую) и краски легко получать из Одессы и других черноморских портов. Проект Куракина был встречен в Петербурге с большим вниманием. Министерство находило, что на Украине „и первые фабричные произведения на месте, так сказать, существуют, и население до такой степени усилилось, что не только без всякого вреда для хлебопашества можно уделить для фабричных изделий на-

[1]) I П. С. З., т. XXVIII, № 21911 (9/IX 1805)

рочитое число рук, но, напротив, можно еще тем споспешествовать благосостоянию жителей введением между ними промышленности“ [1]). Комитет Министров одобрил соответствующие распоряжения Министерства, признавая, что они „основательны и полезны для края того“ [2]). Проекты так и остались проектами. Но суконная фабрика Гелнцера существовала еще в начале 30-х годов [3]). Интересные сведения о колонистах-„фабрикантах“ в Полтавской губернии в 1810 году сообщает кн. И. М. Долгорукий, путешествовавший тогда по Украине. „Под названием „Немецкой слободы“ при самом городе (Полтаве) населена колония иностранцев. Суконные ткачи свезены сюда по позыву правительства из Эльзаса, Саксонии, Германии и завели здесь суконную фабрику. Для помещения ее построено домов до 50 из плетня, набитого навозом. Каждый такой дом стоил казне до 2 тысяч, а простоит ли пять лет, сомнительно. Легко рассудить, сколь мало соображено это с пользами Короны. В этих карточных домиках живут ткачи, и при них поставлен стан каждого. Считают, что как выстройка сей слободы, так и двух еще подобных в Кременчуге и Константинограде, т. е. в Полтавской губернии, обошлась казне в 400 тысяч“ [4]). Иностранных фабрикантов и ремесленников охотно вызывают и частные лица для

---

[1]) I П. С. З., т. XXVIII, № 21968 (23/XII 1805). См. Варадинов, I, 164, 239—40.

[2]) Журналы Комитета Министров, т. I, 124—25.

[3]) В 1832 году фабрика числилась за купцом 3 гильдии Августом Гелнцером (сыном основателя) и выделывала сукна тонкие и средние (Список фабрикантам, II, 594). В 1828 году производство ее составило 295 половинок на сумму 22850 рублей. Фабрика работала на 8 станах и имела 42 мастеров и рабочих (Журн. ман. и торг., 1831, № 2, с. 61—62). Фабрика Рунхерта работала в 1808 году. Она выделывала замши и лосиные кожи, причем правительство, признавая качество ее изделий вполне удовлетворительным, хотело поощрить ее заказами военного ведомства (Журналы Комитета Министров, I, 178). О фабрике Гелнцера в 1810 году упоминает кн. И. М. Долгорукий (Чт. Моск. Общ. Истории и Древностей, 1869, кн. II, отд. 2, с. 95).

[4]) Чтен. Моск. Общ. Истории и Древностей, 1869, кн. II, отд. 2, с. 82 (кн. И. М. Долгорукий, Славны бубны за горами или путешествие мое кое-куда 1810 года). Ценны наблюдения Долгорукого над некоторыми деталями организации этой „фабрики“ (op. cit., 82—4).

заведения фабрик или усовершенствования существовавших [1]). Кроме названных выше, нам известны следующие фабрики, заведенные иностранными предпринимателями в первой четверти XIX столетия. В 1806 году иностранец Лаутенберн устраивает суконную фабрику в м. Сокольце (Ушицкого уезда), которая впоследствии перешла к местному помещику Гижицкому. В 1815 году купец 2 гильдии Кароль Иокиш устроил суконную фабрику в м. Бершади (Ольгопольский уезд). Вероятно, тогда же возникла грановская суконная фабрика (в Гайсинском у.) купца Баера. В 1820 году построена суконная фабрика купца Каппеля в м. Ворошиловке (Винницкого у.). В 1828 году в Каменце существовали шляпные фабрики иностранцев Физевальтера и Бергмана [2]). В списках фабрикантов Волыни и Киевщины 1828 и 1832 годов находим ряд иностранцев, владельцев или арендаторов фабрик [на Волыни—суконные фабрики Бейза в Заславе, Фромерта в м. Полонном (Новоград - Волынского у.), суконные фабрики содержателей (арендаторов) Гибнера в м. Черняхове (Житомирского у.), Гааге и Шмидта в м. Горохове (Владимирского у.), Галле в м. Куневе (Острожского у.), шляпная фабрика Вайтмана в Житомирском у. (1832); на Киевщине—суконные фабрики Гибнера в м. Макарове (Киевского у.), Корбетта в м. Златополе (Чигиринского у.), кожевенный завод Иосифа Ланге в Киеве] [3]). Некоторые из них возникли задолго до 1828 года (фабрика Гааге и Шмидта с 1812 года) [4]). Кроме того, мы знаем еще несколько предприятий, устроенных иностранными колонистами в разных местностях Украины, но большинство этих „фабрик“ были просто кустарными мастерскими [5]).

---

[1]) См. I П. С. З., т. XXVIII, № 21867.

[2]) Журн. ман. и торг., 1831, № 10, с. 38—39, 43—44, 48, 50. Ср. Список фабрикантам 1832 г., II, 586—88. Бергман был нарвским уроженцем (Журн. ман. и торг., 1831, № 10, с. 50). Марчинский (Statystyka guberni Podolskiey, t. I, str. 324, 338 и др.) упоминает еще о нескольких суконных и шляпных фабриках, принадлежавших иностранцам.

[3]) Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 89, 91—2, 94; ibid., № 2, с. 14—15, 27. Ср. Список фабрикантам 1832 г., I, 116, 120, 234, 238.

[4]) Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 91.

[5]) Некоторые из них названы в разделе 6 настоящей главы.

Устройство иностранными предпринимателями фабрик и заводов в начале XIX столетия было отражением общей иммиграции иностранных ремесленников в пределы Украины. Промышленное оживление Правобережья в последней четверти XVIII века привело на Украину и прочно обосновало тут целые колонии иностранцев-ремесленников. Гибель магнатских предприятий в эпоху 2-го и 3-го разделов Речи Посполитой не уничтожила этих колоний. Рабочие руки и технические навыки оставались на месте или же переходили дальше на восток. Правда, не все предприятия сошли со сцены [1]). Но, несомненно, более важно то, что деятельность этих ремесленников, тесно связанная с потребностями местного рынка, облекается в иные формы. Бесспорно, ликвидация крупных магнатских и компанейско-купеческих мануфактур в значительной степени содействовала развитию соответствующих отраслей кустарной промышленности, где первое место сразу занято было иностранными колонистами [2]). Этот процесс — аналогичный тому развитию кустарной промышленности на Левобережьи (главным образом, на севере его), которое мы замечаем в конце XVIII и начале XIX столетия, и которое несомненно было связано с падением старых мануфактур Гетманщины [3]). Разделы Польши, сопровождавшиеся быстрым проникновением прусской индустрии на восток и упадком польской промышленности, выталкивали массы безработных польских и, особенно, иностранных (в Польше) ремесленников в пределы Белоруссии и Правобережной Украины. Экономические и политические условия конца XVIII века весьма неблагоприятно отразились на польской фабрично-заводской промышленности [4]). Наконец, войны наполеоновской эпохи и таможенная политика Российской Империи

---

[1]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

[2]) Мы не останавливаемся здесь специально на взаимоотношениях кустарной и фабричной промышленности, надеясь уделить им надлежащее место в особом выпуске наших Очерков, посвященном организации дореформенной фабрики. Вот почему мы не анализируем здесь различных типов хозяйственной организации, обычно (и неточно) об'единяемых общим понятием „кустарной“ промышленности.

[3]) См. Оглоблин, Мануфактура в Гетманщине.

[4]) См. Воблый, Очерки, 164—73.

содействуют новому притоку иностранных, преимущественно немецких ремесленников в пределы Правобережной Украины. В нашем распоряжении сейчас слишком мало данных, чтобы восстановить этот процесс хотя бы в существенных его частях и моментах. Официальные документы дают лишь скудные материалы о переселении отдельных предпринимателей. Однако, можно указать притоки новых рабочих рук и технических навыков в первой половине XIX века, начиная с первых годов его, после 1810 года и, особенно, после 1830 года. Документальные данные много говорят об иностранных ремесленниках на Украине в начале XIX века. Особенно заметно было участие их в фабрично-заводской промышленности Правобережной Украины. Указом 12/IV 1804 года разрешено было помещикам принимать и водворять на их землях иностранных колонистов [1]). Применение этого указа содействовало усиленному наплыву иностранных ремесленников в Правобережную Украину. Местная администрация сумела приспособиться к этому не сразу. В 1808 году волынский губернатор, сообщая в Министерство о прибытии новых партий прусских ремесленников, запрашивал указаний относительно их дальнейшего устройства. Имея в виду указ 9/V 1802 года, который обязывал иностранных выходцев „избирать род жизни“ [2]), иначе с ними должно поступать, как с бродягами, он спрашивал, „можно ли приезжающим впредь из-за границы фабрикантам и мастеровым жить свободно при фабриках и заводах, не принуждая их к избранию рода жизни“, и можно ли разрешать им возвращение на родину. Министерство и Комитет Министров, со ссылкой на указы 12/IV 1804 года и 22/VII 1763 года [3]), полагали, что „все сие может им быть дозволено“ [4]). Однако, в 1809 году, в связи с обстоятельствами военного и политического характера, правительство более осторожно и даже отчасти подозрительно смотрит на переселенцев. Такое отношение к данному вопросу мы встречаем в 1809 году по по-

[1]) I П.С.З., т. XXVIII, № 21254 (12/IV 1804).
[2]) I П.С.З., т. XXVII, № 20259 (9/V 1802).
[3]) I П.С.З., т. XVI, № 11880 (22/VIII 1763).
[4]) Журналы Комитета Министров, I, 178.

воду одного частного случая. „По всем постановлениям о переселенцах положено водворять на известных для сего правилах одних только земледельцев и мастеровых сельских, а городских ремесленников, кроме суконщиков, по неопределительности способов их пропитания и безнадежности возврата употребленных на них казенных денег, от переселения удалять, не возбраняя им селиться собственным своим коштом, где хотят". Министерство внутренних дел, „по уважению, что многие из таковых выходят по простоте в надежде водворения, и что случиться могут между ними хорошие люди", считало возможным не лишать их казенной поддержки. Комитет Министров остался при положениях указа 1804 года [1]). Однако, в том же году, ввиду тревожного положения на австрийской границе, правительство решило выходцев из-за границы „отсылать во внутренние губернии" [2]). В 1810 году правительство признало излишним и бесполезным для государства выдавать пособия и ссуды иностранным выходцам, кроме суконщиков „в некотором числе" [3]). В 1812 году в'езд в Империю был почти совершенно запрещен [4]). В 1817 году изданы были новые правила „относительно поселения иностранных выходцев на землях помещиков и лиц других сословий" [5]). Но уже в 1819 году правительство распорядилось совершенно прекратить переселение иностранных выходцев в пределы Империи [6]). Факты, имеющиеся у нас, несколько случайны. В 1808 году, по поручению суконной фабрики кн. Чарторыйского в Волынской губернии (это, конечно, корецкая суконная фабрика), прусский уроженец Гинтер, „находящийся при суконной фабрике", имел выехать в Пруссию, „чтоб склонить там на приезд в Россию мастеровых" [7]). На Волынь также пе-

[1]) Ibid., I, 358; см. ibid., II, 214.

[2]) Ibid., I, 358—9.

[3]) Варадинов, ч. II, кн. 1, 85—6; I П.С.З., т. XXXI, № 24131. См. Архив Гос. Совета, IV, ч. 2, 1021—22, 1024—26.

[4]) Журналы Комитета Министров, II, обозрение, 78—9.

[5]) I П.С.З., т. XXXIV, №№ 27022 и 27072.

[6]) I П.С.З., т. XXXVI, № 27954; Варадинов, ч. II, кн. 1, 591—93.

[7]) Журналы Комитета Министров, I, 178. Всего иностранцев на Волыни в 1807 году было 300 (Руссов, Волынские записки, с. 74, 78).

реселилась часть иностранных колонистов, прибывших в конце XVIII в. на Киевщину [1]). Много иностранных выходцев в конце XVIII—нач. XIX в.в. переселяется на Киевщину [2]). В 1809 году несколько семейств иностранных ремесленников, выходцев из Варшавы и Лицель-Саксена, об'явило о своем желании поселиться в Кременчуге и в „Новороссийском крае“ [3]). Вообще иностранные переселенцы были выходцами из разных мест Германии (особенно Пруссии и Саксонии), Франции и Швейцарии [4]). Широкий поток этих колонистов направился преимущественно на привольные степи Южной Украины [5]). За первыми поселенцами шли их родственники и земляки [6]). Иностранные (немецкие) колонисты, поселившиеся в пределах Польши (в Герцогстве Варшавском), в 1814 — 15 г.г. переселились в Бессарабию, где в 1815 году числилось уже 12 немецких колоний [7]). Несомненно, много их селилось в Правобережной Украине. Немецкие ремесленники устраиваются в Волынской и, особенно, Подольской [8]) губерниях, преимущественно по городам и местечкам. В конце 20-х годов и позже мы часто встречаем иностранных мастеров на фабриках Правобережной и Левобережной Украины [9]).

[1]) Руссов, 74, примеч. (на стр. 74—75). См. Стат. опис. Киев. губ., II, 524.

[2]) См. Киевский Центрархив, архив Киевского губернского правления, описи дел, ч. I—II.

[3]) Журналы Комитета Министров, I, 358.

[4]) Варадинов, I, 109 (1803 г.). См. Журналы Комит. Министр., I, 23—4.

[5]) Варадинов, I, 109, 124—25, 141—42, 164, 235—40; Архив Гос. Совета, IV, ч. 2, 1019—20, 1024—26, 1038—41; Журналы Комитета Министров, I, 60—61; ibid., II, 169—70, 285; см. Середонин, Исторический обзор деятельности Комитета Министров, I, 198—215; II, ч. 1, с. 214—15. В 1809 году, „по недостатку и надобности в мастеровых для Таганрога“, было вызвано из окрестностей Данцига 20 семейств разных ремесленников (Журналы Ком. Мин., II, 367—68).

[6]) См. Журн. Ком. Мин., I, 358.

[7]) Варадинов, ч. II, кн. 1, 338, 390.

[8]) Marczyński, t. I, str. 261 (Dunajowce); t. III, str. 99—100, 155.

[9]) Журн. ман. и торг., 1831, № 2, с. 7, 11, 13—14; № 10, с. 48; № 11, с. 89. Иностранных мастеров находим также на Полтавщине (ibid., № 2, с. 53, 57, 60). Интересно, что мещанские общества, напр., Подолии (Летичев), весьма неохотно принимали в свою среду выходцев из-за границы (см. Журналы Комитета Министров, II, 145—46). Иностранных мастеров мы часто встречаем на Левобережьи и в XVIII столетии (см. Оглоблин, Мануфактура в Гетманщине).

II.

Если в области суконной промышленности первой четверти XIX столетия (до начала 30-х годов) господствовала вотчинная фабрика, то в целом ряде других промышленных отраслей, особенно в тех, что были связаны с обработкой продуктов скотоводства [1]), еще с XVIII столетия почти безраздельно властвовал торговый капитал. Несмотря на то, что большинство соответствующих предприятий имело совершенно незначительные размеры, часто ничего общего, кроме названия, не имея с фабрикой, все же они определяют влияние торгового капитала на украинскую промышленность. В развитии соответствующих отраслей промышленности мы отмечаем интересную двойственность. Одна группа предприятий, небольших размеров, тесно срослась с данным хозяйственным районом, ограничена небольшим кругом местного рынка, с которым она устанавливает прочные связи. Другая, более крупная по размерам предприятий, сразу была рассчитана на внешнюю торговлю и международный рынок, возникла в интересах экспорта [2]). Почти все предприятия этой промышленности находились в городских поселениях; но и та и другая группа близко подходила к местному сельскому хозяйству. Небольшие размеры большинства соответствующих предприятий давали легкую возможность расширять и сокращать, а иногда и вовсе прекращать производство, в зависимости от условий рынка. Чаще всего это были все же предприятия кустарного типа. Названные отрасли промышленности быстро развиваются в первой половине XIX столетия. Число соответствующих предприятий было, конечно, неустойчиво. К тому же официальная статистика обращалась с ними довольно бесцеремонно, то зачисляя их в ведомости фабрик и заводов, то исключая их оттуда.

---

[1]) В эту группу мы включаем производства: кожевенное (в разных видах), салотопенное, свечносальное, стеариновое, мыловаренное. Кроме того, при вычислениях приняты в расчет производства—воскобойное и свечновосковое.

[2]) См. Шмидт, II, 390—92.

Губернии.	1813 г.	1832 г.	1846 г.	1863 г.
Волынская	6	15	68	161
Екатеринославская (с Таганрогским град.).	10	45	55	63
Киевская	40	36	59	56
Подольская	10	18	32	113
Полтавская	7	25	46	40
Харьковская	4	32	53	63
Херсонская (с Одесским град.)	6	82	86	122
Черниговская . . .	32	51	95	121
Всего . .	115	304	494	739 [1])

Соотношение купеческого и дворянского предпринимательства в этой области по отдельным губерниям в 1832 году было таково:

Губернии.	Предприятия. Купеческ. %	Дворянск. %
Херсонская (с Одесским град.)	100	—
Харьковская	96,9	3,1
Екатеринославская (с Таганрогским град.) . . .	95,6	4,4
Черниговская	94,1	5,9
Киевская	91,7	8,3
Подольская	88,9	11,1
Полтавская	88,0	12,0
Волынская	73,3	26,7
Для всей Украины . .	94,1	5,9 [2])

Следовательно, все названные отрасли фабрично-заводской промышленности находились почти исключительно в

[1]) Таблица составлена по данным: для 1813 г.—Северная Почта, 1815; 1832 г.—Список фабрикантам, I—II; 1846 г.—Журн. ман. и торг., 1847, ч. II, с. 459; 1863 г.—Сб. мин. фин., 1865, т. II, № 7.

[2]) Таблица составлена по данным Списка фабрикантам 1832 года, ч. I—II.

руках купечества и—добавим—мещанства и крестьянства. Исключительное положение этих групп в данной отрасли производства мы находим в Херсонщине (100%), Харьковщине и Екатеринославщине. Близки к норме Черниговщина (нормальный процент) и, отчасти, Киевщина. Полтавщина и Подолия дают купечеству около $^9/_{10}$ общего числа указанных предприятий этих губерний. Зато на Волыни в руках дворянства находится более $^1/_4$ всех предприятий этой промышленности. Необходимо отметить следующее. Исключительное положение купеческая фабрика занимает на юге Украины (Херсонщина, Харьковщина, Екатеринославщина). Северные украинские губернии, с сильно развитой крепостной промышленностью, дают более выгодное для дворянства соотношение. Только Черниговщина, где купеческая промышленность стародубовских раскольничьих слобод имела старые хозяйственные традиции, не выходит из нормы. Интересно также то, что, при меньшем сравнительно числе соответствующих предприятий, положение дворянской фабрики становится более устойчивым. Некоторые из предприятий этих производств обслуживали заграничный рынок. В 1828 году четыре крюковских (в посаде Крюкове) салотопенных завода, с общим производством на 68,7 тыс. рубл., продавали все свои изделия „для заморского отпуска“ [1]). Тогда же значительная часть производства салотопенных заводов Херсонщины сбывалась заграницу. Интересы внешней торговли оказывали существенное влияние на развитие этой отрасли промышленности [2]). Говоря о салотопенных заводах Херсонщины в 1828 году, Журнал мануфактур и торговли писал: „многочисленное скотоводство и удобство сбыта в заморской отпуск чрез Одесский порт способствовали умножению сих заводов“ [3]). Несомненно, и таганрогские салотопенные заводы участвовали в экспорте сала. В середине столетия салотопенная промышленность значительно расширяется. Особенно усиливаются заводы, работавшие на заграничный рынок. Бо́льшая часть сала, вытапливаемого на заводах Херсонщины,

[1]) Журн. ман. и торг., 1831, № 2, с. 68—69.

[2]) См. Журн. ман. и торг., 1839, ч. I, с. 456—57.

[3]) Журн. ман. и торг., 1831, № 3, с. 98—100.

Екатеринославщины, Полтавщины и Подолии, вывозится за-границу [1]). В 1846 году производство салотопенных заводов Херсонщины оценивалось до 363 тыс. сер. руб. В 1857 году оно достигло 1137,8 тыс. рублей [2]). В 50-х годах, в связи с усилением вывоза сала в Польшу, центр салотопенной промышленности Херсонщины передвигается к северу (Новогеоргиевск) [3]). В начале 40-х годов некоторые украинские салотопенные заводы (завод Андреева в Харькове) применяют силу пара. Тогда же на некоторых салотопенных заводах Харьковщины и Екатеринославщины стали употреблять для топки каменный уголь. Эти усовершенствования, с одной стороны, удешевили сало вообще; с другой стороны, улучшили его качество и тем повысили ценность некоторых сортов [4]). В 1854 году учреждено было акционерное „общество заводской обработки животных продуктов", имевшее целью развить и усовершенствовать вытопку сала, мыловарение, выделку стеариновых свеч, мащинной мази и масла для освещения, изготовление „бульена, клея и разных мясистых припасов" и т. п., в интересах экспортной торговли [5]). Близко к указанной группе предприятий примыкают канатные заводы; более крупные из них принимают участие в заграничной торговле. На Херсонщине в 1828 году было три частных канатных завода (в Одессе). В 1826 году общая их продукция составила ок. 107 тыс. пудов, причем $^3/_4$ изделий отпущено за-границу [6]). В 1857 году частных канатных заводов на Херсонщине было 7 (1 бездействовал) с общей продукцией до полумиллиона рублей [7]).

[1]) Шмидт, II, 405—20; Павлович, 191—92, 304; Арандаренко, II, 332, 363; Тверитинов, 123, 129. См. Домонтович, 283—6 (Черниговщина).

[2]) Шмидт, II, 390, 405—409.

[3]) Ibid., II, 407, 412, 811—15.

[4]) Обозрение главнейших отраслей мануф. промышлен. в России, с. 398—400.

[5]) Журн. ман. и торг., 1854, ч. II, с. 60—100. Учредителями общества были ст. сов. Гирс, колл. сов. Новосельский и отставн. штабс-капитан Павлов (ibid.).

[6]) Журн. ман. и торг., 1831, № 3, с. 96—8. См. Журн. ман. и торг., 1837, ч. IV, отд. 5, с. 53.

[7]) Шмидт, II, 446—47.

Вполне понятно, что внимание русского торгового капитала раньше всего обращается сюда: в руках русского купечества оказываются все крупные предприятия, связанные с заграничной торговлей, и значительная часть небольших предприятий, обслуживавших местный рынок. Бóльшая часть этих предприятий находилась как раз на пути (особенно на южном участке его) русского капитала к Черному морю или в прибрежных городах, крепко захваченных им. В 1828 году три канатных завода Херсонщины (в Одессе) принадлежали одесскому купцу 1 гильдии Новикову и калужским купцам 2 и 3 гильдии Мешковым [1]). Особенно внушительна позиция русского торгового капитала в салотопенной промышленности. Развитие ее связано с торговой деятельностью русского купечества. „Сальный промысел—пишет Шмидт—возник здесь (в Херсонщине)... издавна, вследствие промышленной деятельности и сметливости здешнего великорусского населения, преимущественно раскольников". И в середине XIX столетия современники отмечают здесь исключительное положение русского купечества. Почти все салотопни (салганы) находились в руках русских купцов и мещан [2]). В руках русского купечества находилось много предприятий других производств (свечносального, кожевенного и др.). Некоторые из них были значительных размеров. Так, в Киеве, где сильно развита была украинская кожевенная промышленность, самый значительный кожевенный завод принадлежал орловскому купцу Серебренникову (б. Ланге). На заводе постоянно работало 65 человек. Производство его составляло в середине 40-х годов 352 тыс. сер. р. в год. Одной чистой прибыли завод давал до 143 тыс. р., т. е. ок. 70% с оборотного капитала. Изделия поставлялись в

[1]) Журн. ман. и торг., 1831, № 3, с. 96—8. Мешковы имели пенькопрядильные и канатные заводы в Калуге и Брянске (Список фабрикантам 1832 г., I, 228; II, 520), откуда пеньковая пряжа доставлялась на одесские заводы (Журн. ман. и торг., 1831, № 3, с. 97—98).

[2]) Шмидт, II, 412—13; см. Kohl, II, 221—22. Весьма интересно, что русские раскольники в Херсонщине были в значительной части выходцами из слобод Стародубовщины. На новых местах они дают поселениям старые, привычные для них названия—Клинцы, Злынка, Зыбкое и т. д. (Скальковский, Опыт, I, 212—16; Шмидт, I, 529).

Комиссариат (в киевскую и херсонскую комиссии). Крупные размеры имел также завод медных, железных и чугунных изделий русских купцов Дехтеревых в Киеве [1]). Нередко русские купцы, владельцы заводов, живут в России, распоряжаясь оттуда своими украинскими предприятиями. Часто они владеют подобными предприятиями и в России [2]). Характерно, что большинство рабочих на фабриках и заводах русских купцов были русские. Так, на заводе Серебренникова 73,8% рабочих были русские, большей частью, уроженцы Орловской и Калужской губерний [3]).

В первой четверти столетия торгово-промышленный капитал специализируется на некоторых отраслях промышленности. Целиком или большею частью в руках купечества и мещанства (вообще в недворянских руках) находились производства: канатное, кожевенное, салотопенное, мыловаренное, свечное, воскобойное, химическое, табачное. Купеческое предпринимательство мы встречаем также в производствах: шелковом, полотняном, хлопчатобумажном, красильном, шляпном, суконном, писчебумажном, железоделательном, стеклянном, медном. Чисто дворянскими (вотчинными) оставались только производства фарфоро-фаянсовое и свеклосахарное [4]). В середине столетия торгово-промышленный капитал закрепляет свои позиции во всех этих производствах, не исключая фарфоро-фаянсового и свеклосахарного, и создает ряд новых производств, в связи с потребностями развивавшегося рынка.

Торговый капитал сразу захватывает в свои руки одну из важных отраслей украинской промышленности—табачное производство. За помещичьим хозяйством сохранено было значение только поставщика сырья: помещики, особенно Черниговщины и Полтавщины, соблазненные большою выгодностью культуры табака, разводят огромные та-

[1]) Стат. опис. Киев. губ., III, 147—58, 168—85.

[2]) Ibid., III, 152, пр.

[3]) Ibid., III, 152, 154—55, 184. См. Kohl, II, 222.

[4]) См. Список фабрикантам 1832 г., ч. I—II. В области селитренной промышленности мы также находим недворянское предпринимательство (ibid.). Перечислены только производства, представленные в Списке (по Украинским губерниям).

бачные плантации. Табаководство, крупная отрасль сельско-хозяйственной промышленности Украины [1]), особенно развитая на Левобережьи, явилось в тяжелые для помещичьего хозяйства годы аграрного кризиса, наряду с разведением свекловицы, одной из наиболее удобных возможностей ведения хозяйства. „Возделывание табака представляет хозяевам значительные выгоды"—писал Домонтович о черниговском табаководстве. Десятина табака давала в среднем чистого доходу: американского табака—до 200 р. сер.; махорки—45 р.—65 р.; бакуна—20 р.—35 р. Однако, эти цыфры надо сопоставить с положением отдельных сортов табака на рынке. Во всяком случае, в среднем десятина табака давала чистого дохода приблизительно 100 рублей [2]). В то же время средний чистый доход с десятины ржи в Черниговской губернии был 4 р. 50 к.—5 р. 50 к. Вполне понятно, что „табаководство идет не только наряду с хлебопашеством, но даже иногда предпочитается этому последнему, составляя в одних местах главную, а в других исключительную, сколько-нибудь прибыльную статью сельского хозяй-

[1]) О табаководстве на Украине в середине XIX века—Журн. мин. гос. имущ., 1841, ч. III, с. 438—51; 1852, ч. XLV, отд. 2, с. 101—20, 151—178; 1844, ч. XI, отд. 5, с. 45—49; Труды комиссии для описания губерний киевского учебного округа, т. III (1855 г.),—Ф. Базинер, Главнейшие результаты исследования малороссийского табаководства; Обзор разл. отраслей, т. II, 213—373. Сбор табака в 1858 г., по сведениям министерства финансов, составлял:

Губернии.	(В тыс. пуд.).
Волынская	18
Екатеринославская	12
Киевская	2
Подольская	16
Полтавская	423
Харьковская	24
Херсонская	8
Черниговская	440

(Обз. разл. отр., II, 259—62). Данные эти едва ли точны. Домонтович считает производство табака в одной Черниговской губ. до реформы—ок. 800 тыс. пуд. на сумму 650 тыс. р. сер. (с. 208—209).

[2]) В середине 40-х годов десятина махорки в Полтавской губ. давала до 45 рублей чистого дохода (Арандаренко, III, 331). В некоторых местностях (Ушицкий уезд Подолии в 1852 году) десятина табака давала чистого дохода свыше 300 руб. сер. (Шмидт, II, 163). См. Обз. разл. отр., II, 257—59.

ства“ [1]). Кроме помещиков, табак разводили крестьяне, козаки, греки, колонисты-иностранцы, купцы [2]) . Еще в XVIII веке правительство предоставило ряд льгот табачным фабрикантам Южной Украины [3]). Но первые фабрики здесь появляются только в следующем столетии. В списках 1832 года мы встречаем на Украине только две табачных фабрики (в Одессе и Могилеве), обе в недворянских руках. Они выделывали табак в листах и нюхательный [4]). Зато в 1843 г. только в трех правобережных губерниях было 18 табачных фабрик с общим производством в 32,8 тыс. рублей (5 фабрик в Киевской губернии выработали на 28733 руб.) [5]). В 1861 году общие размеры табачной промышленности в некоторых губерниях были значительны.

Губернии.	Число предприятий.	Число рабочих.	Сумма производства (в тыс. руб.).
Волынская . . .	33	85	64
Екатеринославская .	31	96	131
Киевская	56	200	375
Подольская . . .	37	77	90
Полтавская . . .	16	48	48
Харьковская . . .	20	152	175
Херсонская . . .	76	450	1142
Черниговская . .	7	15	15
	276	1123	2040 [6])

[1]) Домонтович, 200. См. Арандаренко, III, 330—34.

[2]) Обзор разл. отр., II, 263—65.

[3]) Ibid., II, 234—35.

[4]) Список фабрикантам, II, 490, 593. В середине 30-х годов в Подолии „лучшие фабрики нюхательного табаку находятся в Виннице, Новоконстантинове, Браилове, Шаргороде и Могилеве; средние—в Городке и Сатанове“ (Журн. мин. вн. дел, 1836, ч. XXII, с. 182). Ср. Marczyński, t. II, str. 186. В 1840 году мы знаем табачную фабрику отставного капитана Гржимайло в Нежине. Тогда же помещик Подольской губернии гр. Красинский просил о дозволении ему завести табачную фабрику в м. Дунаевцах (Киев. Центрархив, генерал-губернаторский архив, хоз. отдел., опись дел 1840 года, №№ 65, 129).

[5]) Киевский календарь на 1845 год, с. 36.

[6]) Таблица составлена на основании Обзора различн. отрасл., II, с. 328—29.

Таким образом, табачная промышленность развивалась с большой быстротой, особенно после 1840 года (в 1840—1853 г.г. число фабрик Империи повысилось с 103 до 511; далее, в 1856 году оно понизилось до 405; в 1858 году достигло 519; перед реформой, в 1860 году, оно упало до 379) [1]). Несомненно, в массе своей эти табачные фабрики были весьма небольшими предприятиями. „Промышленность эта имеет пока характер более хозяйственного, домашнего, чем мануфактурного производства. Число малозначительных заведений, имеющих одного, двух и трех рабочих [2]), далеко превосходит число фабрик, приготовляющих разнообразные табачные изделия в значительных количествах". Современники отмечали отсутствие „новейших усовершенствований в механическом и техническом отношениях": паровые двигатели еще не применялись [3]). Почти все табачные фабрики находились в городах и принадлежали исключительно купечеству, мещанству и крестьянству [4]); очень редкие помещичьи фабрики [5]) вымерли до реформы. В 1861 году на Украине существовала только одна помещичья табачная фабрика (с 8 раб.), в Черниговской губернии [6]). Табачная промышленность на Украине сосредоточилась к середине столетия в крупных торговых центрах, главным образом, в Херсонщине (Одесса) и Киевщине (Киев). Особенно выгодно было положение Одессы и вообще Херсонщины. „Удобство морского сообщения с местами произрастения турецкого табаку и крымскими табачными плантациями, близость славящихся отличными сортами табаку плантаций бессарабских и полтавских; успешность местного разведения табаку высокого достоинства в уездах Сорокском, Тираспольском, Ананьевском и Бобринецком;

---

[1]) Обзор разл. отр., II, 326—27.

[2]) „В южных губерниях нередко фабрикою называется подвал, с выходом на улицу" (Обзор разл. отр., II, 286).

[3]) Ibid., II, 286.

[4]) В 1861 году разрешено было учреждать табачные фабрики только в городах (ibid., II, 327).

[5]) В середине 40-х годов из двух табачных фабрик Полтавщины (Арандаренко, II, 336) одна (в с. Хоружевке, Роменского уезда) была, кажется, помещичья.

[6]) Архив истории труда, III, 150.

полная возможность иметь на фабриках опытных и искусных в табачном деле греческих и турецких мастеров; наконец, приобретенная уже, вследствие столь благоприятной обстановки, херсонскими и, в особенности, одесскими фабрикантами известность, вызывающая повсеместный в России запрос на их изделия,—все это ставит табачную фабрикацию Одессы и вообще в Херсонской губернии в весьма выгодные условия производительности". Одесские фабрики находились в руках греческих и еврейских купцов. В Одессе же находилась крупнейшая фабрика на Украине (Криона Папа Никола). В ней было 50 резальных машин или станков; постоянно работало 150 человек. Производство фабрики, признанной экспертной комиссией при петербургской мануфактурной выставке—перворазрядной в своем роде и получившей государственный герб, в 1861 году составило ок. 700 тысяч рублей [1]).

Большой интерес представляет распределение фабрично-заводских предприятий между различными социальными группами, кроме дворянства. В 1832 году на Украине недворянам принадлежало всего 390 фабрично-заводских предприятий. Из них находилось в руках:

Купечества	253	64,9%
Мещанства	121	31,0%
Крестьянства	11	2,8%
Прочих	5	1,3%
	390	100%

По губерниям имеем следующее соотношение [2]):

	Купцов	Мещан	Крестьян	Прочих
	%	%	%	%
Волынская	86,7	13,3	—	—
Екатеринославская	56,9	27,4	15,7	—
Киевская	25,7	68,6	5,7	—
Подольская	36,0	64,0	—	—
Полтавская	76,0	24,0	—	—
Харьковская	67,5	20,9	—	11,6
Херсонская	76,1	23,9	—	—
Черниговская	61,0	37,3	1,7	—

[1]) Обзор разл. отраслей, II, 332—33.

[2]) Таблица составлена на основании данных Списка фабрикантам 1832 года (I—II) и проверена, в отношении социального положения фабри-

Итак, почти две трети всех недворянских промышленных предприятий в 1832 году находились в руках купечества; в руках мещанства было около трети. На долю остальных недворянских групп приходилось ничтожное число предприятий. По отдельным местностям имеем интересные особенности. Нормальный процент купеческих предприятий дают Черниговщина и Харьковщина; к ним примыкает Екатеринославщина. Максимальный процент дают Волынь (около $^9/_{10}$) и Полтавщина с Херсонщиной (каждая более $^3/_4$). Наименее влиятельное положение купеческая группа занимает в Подолии (немного больше $^1/_3$) и, особенно, на Киевщине (около $^1/_4$). Нормальный процент мещанских предприятий дают Черниговщина (выше нормы) и Екатеринославщина (ниже нормы). Более видное место мещанская группа занимает в Подолии (свыше $^3/_5$) и, особенно, на Киевщине (около $^7/_{10}$). Зато в Харьковщине ($^1/_5$) и на Волыни (около $^1/_8$) мещанские предприятия значительно уступают купеческим. Крестьянские предприятия [1]) нигде не занимают видного места. Среди купечества наиболее крупную группу составляли купцы 3 гильдии. За ними числилось 217 фабрик и заводов, что составляло 85,8% всех купеческих предприятий и 55,6% общего числа предприятий [2]). Купцам 1 гильдии принадлежало 23 фа-

кантов, по данным 1828 года (Журн. ман. и торг., 1829, № 7; 1831, №№ 2, 3, 4, 10, 11). К группе мещанства отнесены также „иностранцы“ и „колонисты“ (7), „заводчики“ (1), „фабриканты“ (3), „армяне“ (5), „евреи“ (4), „городские обыватели“ (3), „посадские“ (1), „цеховые“ (1). К группе крестьянства отнесены также поселяне (8) военных поселений, имевшие кожевенные заводы в Новомосковске. В группу „прочих“ вошли 3 войсковых жителя и 2 однодворческих общества в Слободско-Украинской губернии. Владельцы фабрик—дворяне (и шляхтичи), но не помещики (15) в расчет не приняты.

[1]) 9 кожевенных заводов (1—в Черниг. губ., 8—в Новомосковске, Екатериносл. губ.), 1 мыловаренный и 1 свечносальный (оба в Киеве). Более значительные размеры имели новомосковские кожевенные заводы, принадлежавшие местным военным поселянам (Список фабрикантам и заводчикам на 1832 год, I—II; см. Журн. ман. и торг., 1829, № 7, с. 64, 73).

[2]) Необходимо оговорить, что в группу купцов 3 гильдии вошли все „купеческие жены“, „куп. сыновья“, „куп. братья“, „куп. племянники“, за исключением тех случаев, когда можно было точно установить принадлежность этих лиц к иным гильдиям; сюда же вошла довольно значительная

брики и завода, т. е. 9,1% всех купеческих предприятий; купцам 2 гильдии—только 13 фабрик и заводов, т. е. 5,1% всех купеческих предприятий. Все предприятия, принадлежавшие первогильдейским купцам [1]), находились в Волынской (22) и Херсонской (1, в Одессе) губерниях и связаны были с суконным (21) стеклянным (1) и канатным (1) производствами.

III.

Процесс внедрения торгового капитала в суконную промышленность Украины начался в первой четверти XIX столетия, еще до изменения таможенной политики имперского правительства в отношении Царства Польского. Купечество, жившее на Украине, довольно рано обращает свое внимание и свои капиталы на эту отрасль промышленности. Монополия поместного дворянства в данном случае долго еще сохраняет свое значение; но уже появление суконных фабрик, заведенных иностранными колонистами при поддержке российского правительства, вносило в существующее положение вещей нечто новое, значение чего не сразу было осознано дворянством. Впрочем, положение последнего было таково, что оно вынуждено было давать дорогу купеческой инициативе. Дворянство располагало всей полнотой средств и возможностей крепостного хозяйства и прежде всего подневольным трудом своих „подданных", но наличных денег у него не было. Только крупные владельцы иногда могли поставить промышленное предприятие на широкую ногу. Правительственная субсидия была ограничена обязательством выделки солдатских сукон и поставки их в Комиссариат, отгораживая, таким образом,

---

группа лиц, относительно которых в „Списке" сказано только, что они купцы, без обозначения гильдии. Большинство последних, несомненно, третьегильдейские купцы. Но в некоторых случаях—их, вероятно, ничтожное число—среди них есть и купцы 2 гильдии.

[1]) Это были: в Волынской губернии купцы—Бернштейн (18 суконных фабрик), Парнас (2 суконных фабрики вместе с купцом 3 гильдии Гринбергом; мы считаем за Парнасом 1 фабрику), купеческая жена Бернштейнова (2 суконных фабрики) и наследники купца 1 гильдии Зусмана (1 стеклянный завод); в Херсонской губернии купец Новиков (канатный завод в Одессе).

крепостную промышленность от широкого рынка, который в первой четверти столетия и без того был мало доступен для украинской промышленности. Помещики средней руки должны были обращаться за содействием именно к купечеству, соединяя принудительный труд своих крепостных с купеческими капиталами [1]). Факты купеческой аренды, весьма многочисленные в статистике украинской дореформенной промышленности, указывают на один из путей проникновения капиталистических отношений в помещичье хозяйство. Необходимо поэтому остановиться на этой аренде, выяснить ее происхождение и развитие.

Рассматривая данные 1828 и 1832 годов [2]), мы останавливаемся иногда перед вопросом о социальном положении владельца того или иного предприятия, точнее—об экономической природе этого предприятия. Если сравним списки суконных фабрикантов Волыни в 1828 и 1832 годах, окажется значительное несоответствие между ними. Список 1832 года, опубликованный департаментом мануфактур и внутренней торговли, называет фактических владельцев предприятий. Вполне понятно, что положение купеческой фабрики в области суконной промышленности Волыни оказывается весьма импозантным. Между тем в этом списке названы купеческими фабрики, несомненно принадлежавшие помещикам, но находившиеся в руках купечества. Правовое положение этих фабрик для нас станет более ясным при рассмотрении данных 1828 года (также официального происхождения). Из 17 дворянских фабрик (о которых доставлены были сведения) в непосредственном распоряжении дворянства было только 13; остальные 4 фабрики на-

---

[1]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика. „Другие (помещики), устроив фабрики на свой счет, отдают их в арендное содержание или приглашают купцов и фабрикантов устраивать оные в своих имениях. Таким образом они открыли и для себя новый источник доходов и крестьянам своим доставили возможность, не отлучаясь от домов, снискивать себе заработную плату на свое содержание и исправление повинностей“ (Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 70).

[2]) Данные 1828 года относительно промышленности Украины опубликованы в Журнале мануфактур и торговли (1829, № 7; 1831, №№ 2, 3, 4, 10, 11); данные 1832 года—в Списке фабрикантам и заводчикам Российской Империи 1832 года, ч. I—II.

ходились в аренде [1]). Некоторые из них состояли „в найме на неограниченное время“ с начала своего существования (например, гороховская фабрика с 1812 года). Несомненно, перед нами факт действительного владения, прикрытый понятием арендного содержания. Фабрики были заведены купцами на землях и в домах помещиков, предоставленных им по договору найма [2]). Но здесь необходимо все же различать правовое положение дворянских фабрик, находившихся в купеческой аренде, и купеческих фабрик, устроенных в домах, нанятых у помещика. Нас интересует сейчас первая группа купеческих фабрик. В основе соглашений между помещиком и фабрикантом, в том и другом случае, лежало, бесспорно, использование рабочей силы крепостных данного помещика. Мы не знаем, было ли это формально обязательным для арендатора, или же это было естественным следствием положения купеческой фабрики в условиях крепостного хозяйства и права. Скорее—последнее. Фабрикант мог найти необходимые ему рабочие руки, очевидно, среди окрестного населения, т. е. прежде всего среди крепостных данного владельца. Наконец, это стоило дешевле, чем вольный наем. Арендное содержание фабрично-заводских предприятий особенно развивается в первой четверти столетия, отчасти в связи с тогдашним положением хлебного рынка. Помещики часто сдают свои фабрики и заводы в аренду местному купечеству, преимущественно евреям. Так, ружинская суконная фабрика (Киевщина), устроенная в 1809 году местным помещиком, была отдана с начала своего существования „в содержание по контракту“ бердичевскому жителю Лисянскому, который содержал ее 11 лет; после его смерти фабрика перешла к сыну его, за которым оставалась до 1828 года, когда новый владелец Ружина —Челищев „оставил оную фабрику в собственном

[1]) Мы не считаем тут в числе дворянских предприятий 4 (из 5) фабрик, принадлежавших в 1828 году купчихе Бернштейн, но устроенных „владельцами тех селений на собственный счет“ и отдаваемых „в содержание“.

[2]) Список фабрикантам и заводчикам, I, с. 115—19; Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 77—93 (Волынь); № 10, с. 38—48 (Подолия). Иногда купеческая фабрика помещалась в собственном доме владельца, построенном на помещичьей земле (см. Журн. ман. и торг., 1831, № 10, с. 43; № 11, с. 85—86).

своем распоряжении“ [1]). В том же 1809 году помещица Ганская устроила суконную фабрику в своем имении— с. Быстровке. В 1812 году, „по совершенном окончании устройства“, фабрика отдана была в аренду Вольковичу, который содержал ее до 1818 года, а с 1821 года— бердичевскому жителю Реуху, за которым фабрика оставалась до конца 1823 года, когда владелец ее— б. волынский губернский маршал Ганский „оставил оную в собственном своем распоряжении“ и перевел в с. Верховню [2]). На Волыни (в 1828 году) несколько суконных фабрик, принадлежавших поместному дворянству, состояло в купеческой аренде [3]). В 1828 году за купчихою Бернштейн числилось в Острожском уезде 5 небольших суконных фабрик (в м. Гоще и селах Симонове, Здолбице, Тудорове и Мнишине). Они были „устроены владельцами тех селений на собственный счет и отдаются в содержание, с получением за то ежегодной денежной суммы по условию, и с тою притом выгодою, что крестьяне тех селений, нанимаясь по контрактам в работы на тех фабриках, приобретают задельную плату на свое содержание и на уплату государственных повинностей“. На этих фабриках работало 247 человек из крестьян тех же сел [4]). Несколько заводов медных, стеклянных, поташных и железных на Волыни и Киевщине также находилось в аренде у купцов [5]). Основным экономическим признаком этой аренды было использование труда (чаще, принудительного) местного крепостного крестьянского населения [6]). Небольшие (чаще всего) размеры этих предприятий не усложняли для предпринимателей вопроса об источниках рабочей силы. „Содержатель“—так назы-

---

[1]) Журн. ман. и торг., 1831, № 2, с. 15—16. См. Журн. мин. гос. имущ., 1847, ч. XXIV, отд. 1, с. 72.

[2]) Журн. ман. и торг., 1831, № 2, с. 16—17. См. Журн. мин. гос. имущ., 1847, ч. XXIV, отд. 1, с. 72.

[3]) Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 89—92.

[4]) Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 89—90. Мнишинская фабрика находилась в казенном селе (ibid., 90).

[5]) Журн. ман. и торг., 1831, №№ 2, 11. В середине столетия целый ряд помещичьих предприятий находился в купеческой аренде (см. Стат. опис. Киев. губ., III, 147, 159 и др.).

[6]) Ср. Туган-Барановский, Фабрика, §§ 92—3, 94—5.

вался арендатор—нанимал на фабричные работы крестьян данного помещика, очевидно, по соглашению с владельцем. С внешней стороны перед нами оригинальное сочетание вольного найма с крепостным трудом, индивидуализация общего вопроса о вольнонаемном труде при крепостном праве. На самом деле, конечно, мы имеем здесь факт найма, но не добровольного, а принудительного,—явление, экономически родственное приписке крестьян к купеческим фабрикам Правобережья конца XVIII века—с одной стороны, системе оплаты труда крепостных на некоторых крупных помещичьих фабриках первой половины XIX столетия—с другой. Весьма интересно, что формально отдача помещиками своих крепостных в наем недворянам была запрещена. Но обход этого был общим явлением. В данном случае помещик не только торговал трудом своих крепостных, но также заинтересован был в распространении технических знаний среди них. На фабрике помещика Чарнецкого (в Ковельском уезде), находившейся в аренде купца Парнаса, обучалось суконному мастерству 10 человек (из 60 рабочих), крестьян того же Чарнецкого [1]). У фабриканта Каппеля, владевшего суконной фабрикой в имении графини Потоцкой (Подолия), было 45 учеников и рабочих (не считая мастеров) из крестьян Потоцкой (42 чел.) [2]). Однако, размеры купеческих предприятий не всегда были невелики. И в суконной и, особенно, (впоследствии) в свеклосахарной промышленности вопрос о рабочей силе вставал иногда перед купеческой фабрикой довольно остро. Интересный пример представляет одна из крупнейших суконных фабрик Киевщины—хабенская, находившаяся в имении князя Радзивилла. Фабрика устроена была в 1823 году управляющим имением прусским агрономом Тэером „для приращения доходов помещика". В устройстве фабрики принимал участие бельгийский механик Янс. В 1828 и 1832 годах фабрика числилась за князем Радзивиллом. Между тем действительным владельцем ее была компания, в которой участвовали Радзивилл, Тэер и Янс, бывший до 1828 года директором фабрики. Одно время фабрика значилась принадлежащей

[1]) Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 77—95; Список фабрикантам 1832 года, I, с. 115—19.

[2]) Журн. ман. и торг., 1831, № 10, с. 48.

фирме Вильгельм Янс и Комп.; позже фирма была переименована—Альбрехт Филипп Тэер и Комп. В 1828 году на фабрике работало 271 чел.: 129 крестьян Радзивилла, 39 крестьян других помещиков и 46 „вольных по найму". В 1830—1832 годах Радзивилл приобрел паи Янса и Тэера и стал единственным владельцем фабрики [1]). В 1852 году княгиня Радзивилл продала фабрику киевским купцам братьям Лычковым и Бубновым [2]). В начале 60-х годов по размерам производства хабенская фабрика не уступала таганчской [3]).

Несколько особую группу представляет так называемое „ученичество". Происхождение его, бесспорно, связано с интересами крепостного ремесла. Помещики отдавали своих крестьян вольным мастерам в обучение тому или иному ремеслу, необходимому в домашнем хозяйстве. Иногда крестьяне отдавались на соседние фабрики и заводы для изучения того или иного производства, причем помещик не только рассчитывал на будущую работу своего крепостного в вотчинных предприятиях, но нередко извлекал из этого „ученичества" самую непосредственную выгоду. С своей стороны, фабрикант имел дешевую рабочую силу и готовил „смену". Под видом выучки производству помещик просто-напросто отдавал своих крестьян в арендное пользование фабрикантам. „Учеников" из крепостных мы встречаем и на дворянских и на купеческих фабриках [4]).

---

[1]) Журн. ман. и торг., 1831, № 2, с. 9—11; Стат. опис. Киев. губ., III, 135—36; Список фабрикантам, I, 235. О хабенской фабрике в 1847 г.— Журн. мин. гос. имущ., 1847 г., ч. XXIV, отд. 1, с. 78. См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

[2]) Похилевич, Сказания, 158—59. О хабенской фабрике в 50-х годах— Журн. ман. и торг., 1854, ч. III, отд. 2, с. 21.

[3]) Статистический Временник, I, отд. 2, с. 64. Хабенская фабрика существовала в середине 80-х годов и принадлежала товариществу Юста и Швердтнера, являясь крупнейшей суконной фабрикой Правобережья (Орлов, Указатель, 12; см. Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Киевского округа, приложения, с. 25—26).

[4]) Журн. ман. и торг., 1831, № 2, с. 11, 20 (Киевщина); № 3, с. 91—92 (Херсонщина); № 10, с. 48 (Подолия); № 11, с. 93 (Волынь). См. Журн. мин. гос. имущ., 1844, ч. XI, отд. 4, с. 17—18; Арандаренко, II, с. 340, 342; Стат. опис. Киевской губ., II, 333. Ср. Туган-Барановский, Фабрика, 95. Подробнее об этой группе крепостных рабочих в особом выпуске Очерков.

Отдача помещиками своих крепостных в арендное содержание купцам, бесспорно, была весьма распространенным явлением, характерным для помещичьего хозяйства, особенно в эпоху аграрного кризиса, и для ранних форм проникновения торгового капитала в промышленное хозяйство. Мы находим эту статью вотчинного дохода и позже, причем особенно интересно то, что она существовала также в южных панщинных имениях. Статистическое описание Киевской губернии выделяет этих „наемников" в особую группу. Помещики отдавали своих крестьян партиями в арендное пользование фабрикантам и заводчикам, лесопромышленникам, судовладельцам, различным подрядчикам и т. п. Крупные казенные сооружения 40-х годов (постройка Цепного моста в Киеве, Киево-Брестского шоссе и т. п.)[1]) требовали большого количества рабочих рук, на чем наживались не одни только помещики, но также довольно сложная система подрядчиков, агентов, суб'агентов и т. п.[2]). Этой доходной статьей промышляли не только киевские помещики. То же мы находим в Черниговской[3]), Полтавской[4]) и других губерниях. Характерно, что екатеринославский губернский дворянский комитет в 1858 году отметил в своем проекте Положения, что „крестьяне, противу их воли, не могут быть... отдаваемы в работы на посторонние фабрики, заводы и ремесленные заведения, с получением за то платы помещиком"[5]). Очевидно, такая практика существовала и в Екатеринославской губернии. Само собой разумеется, „эта операция, выгодная для помещиков, очень невыгодна для крестьянина"[6]). Введение инвентарных правил несколько ограничило эту практику на Правобережьи, но не прекратило ее[7]). Впрочем, иногда

---

[1]) См. Иконников, Киев в 1654—1855 г. г., 162—4.

[2]) Стат. опис. Киев. губ., II, 334—35; III, 296—97, 342.

[3]) Ibid., III, 296—97. См. Есимонтовский, Описание Суражского уезда, ч. I (изд. 2), с. 240.

[4]) См. Самарин, Сочинения, II, 5—6; Арандаренко, II, 365.

[5]) Материалы Бунге, т. IV (см. 9 раздел настоящей главы) положение об улучшении быта помещичьих крестьян Екатеринославской губернии (§ 4, п. „*б*").

[6]) Стат. опис. Киев. губ., II, 335.

[7]) Инвентарные правила—см. Первое издание материалов редакционных комиссий, ч. IV, приложения к инвентарным положениям западных

в Южной Украине жаловались на то, что помещики Киевской и Подольской губерний неохотно отпускали своих крестьян в Херсонщину [1]). „В то же время, когда у нас платят поденщику за самую неискусственную работу до 70 коп. сер., плата в Подольской и Киевской губерниях не более 15 коп. сер.“. Вывод был вполне естественен. „Если бы возможно было уничтожить преграду к свободному обращению работы, то такой несоразмерности не могло бы быть“ [2]). Весьма интересно сообщение Самарина о том, что фабриканты Киевской губернии, через своих агентов, нанимали у помещиков Полтавщины крепостных крестьян. Таких кабальных рабочих гнали целыми партиями. „Пришедши на место, эти белые негры томятся болезнями, умирают десятками, тоскуют и бегут толпами, так что в работах бывают остановки“ [3]). Это было уже тогда, когда проходила острота аграрного кризиса. Помещичье хозяйство черноземной полосы находило для себя

губерний, № 13, с. 191—211 (особенно с. 206, §§ 40—42). См. Н. П. Василенко, Крестьянский вопрос в юго-западном и северо-западном крае при Николае I и введение инвентарей (Великая реформа, т. IV, с. 94—109); Семевский, Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. II, с. 481—513.

[1]) „Некоторые крестьяне—пишет Есимонтовский—делали опыты заработков в степных губерниях, в особенности Херсонской, в летнее время, в сенокосную пору; весьма немногие возвратились удачно; большая часть пришла с пустыми руками, а иные вовсе не возвратились. Теперь охотников на такой промысел мало, а помещики запрещают своим крестьянам дальние заработки, сделавши весьма неудачные опыты в этом роде при постройке Московского шоссе, варшавских укреплений и других работ“ (Описание Суражского уезда, ч. I, изд. 2, с. 240). Если так дело обстояло в Суражском уезде, то нечего и говорить о Киевщине и Подолии.

[2]) Журн. мин. гос. имущ., 1847, ч. XXIV, отд. 5, с. 39. Автор обзора „земледельческой хроники“ по этому поводу сделал характерное замечание: „мы совершенно согласны с автором (вышецитированной статьи в Одесском Вестнике), что преграды к свободному обращению работы оказывают самое неблагоприятное влияние на хозяйство, и, прибавим к этому, не одного Новороссийского края; отстранение этих преград есть дело первой важности для успехов сельского хозяйства и всех отраслей промышленности“ (ibid., 39—40). См. Обозрение главнейших отр. ман. пром. в России, с. 133—34; Журн. мин. гос. имущ., 1852, ч. XLIV, отд. 4, с. 65—66; Записки общества сельского хозяйства Южной России, 1848, с. 288—89).

[3]) Самарин, Сочинения, II, 5—6.

более выгодным продавать труд своих крепостных работников на сторону, нежели применять его в своем хозяйстве. Эта формула ярче многих десятков страниц обессмысливала крепостное право, которое даже для помещичьего хозяйства оказывалось уже не правом, а крепостной обязанностью. Конечно, интересы промышленного капитала отлично понимали всю невыгоду для себя этой формулы. К тому же здесь интересы помещиков и фабрикантов не всегда сходились. Защитник интересов помещичьего хозяйства северной Черниговщины—суражский помещик Есимонтовский писал в 1844 году о клинцовских фабрикантах: „от этих людей нашему простодушному крестьянину трудно что-нибудь заработать. Для них беспаспортный работник самый выгодный; они с ним рассчитываются, как знают, и скрывают, покуда могут, не взирая на самую неослабленную бдительность полиции. Из многих имений, прилегающих к Клинцам, крестьяне так привыкли по ним бродить, что трудно удержать их от этой страсти. Великодушные раскольники выставляют себя перед начальством кормителями наших помещичьих крестьян, а, в самом деле, они только развращают их, употребляя в свою пользу их простоту и бродяжество. Если бы никто не принял, и никто не дал бы крестьянину заработка, то он сидел бы дома“ [1]). Классовая природа помещичьего хозяйства сказалась в этом выпаде против клинцовских фабрикантов поразительно ясно. Дело совсем не в том, что „простодушный крестьянин“ не может заработать на фабрике. И вовсе не „простодушие“ и развращающее влияние фабрики гнало его из дому. Тот же Есимонтовский изображает нам крайне бедственное положение крестьянского хозяйства северной Черниговщины [2]). Но фабрикант предпочитал купить труд рабочего подешевле, не припла-

---

[1]) Есимонтовский, ч. I (изд. 2), 239—40. Кажется, местная администрация смотрела на это иначе: „купец Исаев... не только обратил пустыни в населенный городок, но и доставил соседственным крестьянам Суражского уезда способ к значительным на его фабрике заработкам“ (Журн. мин. вн. дел, 1834, ч. XIII, с. 330).

[2]) Есимонтовский, ч. I, с. 244; ч. II, с. 108 (пагинация Земского сборника Черниговской губернии, 1882, № 1—2).

чивая на помещика; крестьянину, гонимому нуждой и нередко голодом на фабрику, нечем было делиться из своего скудного заработка с помещиком; помещик, хозяйство которого находилось в тяжелом положении, взывал к благопопечительному правительству и „неослабленной бдительности“ полиции.

Однако, форма арендного владения, сама по себе несколько неустойчивая, к тому же слишком связанная в отношении свободного найма рабочей силы, не могла быть достаточной для закрепления позиций торгово-промышленного капитала, а, стало быть, единственной. Наряду с ней мы встречаем иную форму, развившуюся несколько позже, форму самостоятельного купеческого предприятия, основанного предпринимателем-купцом и действующего на его имя, его капитал и его риск, при помощи вольнонаемного труда. Мы видели эту форму в промышленных предприятиях иностранных колонистов-ремесленников в начале XIX столетия; далее она развивается в совершенно оригинальных рамках городской промышленности. Однако, развитие ее в области суконного производства (берем типичную отрасль помещичьего предпринимательства) требовало для себя благоприятной торговой кон'юнктуры на рынке. 20-е годы, при сильном натиске польской суконной промышленности на украинский рынок, не создавали благоприятных условий для развития капиталистической фабрики на Украине. Хотя мы замечаем некоторое оживление среди купеческой суконной промышленности на Волыни в 20-х годах, но оно связано было с местным увеличением казенной поставки солдатских сукон. Имперское правительсто, заинтересованное в расширении производства армейских сукон, рано встало на путь поощрения купеческих предпринимателей в данной области. Уже указ 15/I 1798 года интересовался „заведением вновь суконных фабрик в губерниях... Киевской, Подольской и Волынской“. Указами 4/VIII, 9/IX и 23/XII 1805 года разрешено было для заведения суконных фабрик на Украине (особенно на Левобережьи и в Одессе) выдавать иностранным фабрикантам ссуды от 3 до 10 тысяч рублей, на 10 лет, без процентов. Еще более важное значение имел указ 30/VI 1808 года

о расширении суконного производства, который обращал большое внимание на промышленные возможности Правобережья. Разрешено было купцам и вообще всем лицам, не имевшим права владеть крепостными, покупать крестьян к суконным фабрикам, прикрепляя их к фабричной работе на срок не более 20 лет, при соблюдении некоторых условий. Кроме того, купечеству, заводившему суконные фабрики, предоставлен был ряд льгот. Правительство особенно заинтересовано было возможностью привлечь к суконному производству евреев и чиншевую шляхту. Последующие мероприятия также рассчитаны были на увеличение производства солдатских сукон. Результаты всех этих распоряжений для украинской промышленности были ничтожны. Основной вопрос—о праве недворян на крепостной труд—был обставлен весьма сложными формальностями и ограничениями, и украинское купечество не воспользовалось этим правом [1]). Только в 20-х годах, благодаря выгодным условиям поставки сукон на Литовский корпус, развивается купеческая фабрика на Волыни. „Многие капиталисты—писал в 1828 году Журнал мануфактур и торговли,—поощренные выгодами сей поставки (на Литовский корпус), обратились к заведению фабрик, которые год от году расширили круг своего действия и в скором времени обещают стать наряду с лучшими“ [2]). В 1828 году на Волыни в руках недворян было 45 суконных фабрик, т. е. 71,4% общего числа предприятий этой отрасли промышленности. Из них 40 находилось в купеческих и мещанских руках (21—купцов первой гильдии; остальные—купцов третьей гильдии и мещан); 5 принадлежало иностранцам-фабрикантам [3]). Таким образом, преобладание купечества несомненно.

---

[1]) I П.С.З., т. XXV, № 18323; т. XXVIII, №№ 21867, 21911, 21968; т. XXX, № 23132; Архив Гос. Совета, IV, ч. 2, 1432—38; Нисселович, История заводско-фабричного законодательства Российской Империи, II, 116—22, 74—82; см. Оглоблин, Крепостная фабрика. К вопросу о разных группах рабочих мы предполагаем вернуться в особом выпуске Очерков.

[2]) Журн. ман. и торг., 1828, № 4, с. 95.

[3]) Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 75—95. Нами взято общее число фабрик (действ., недейств., и тех, о которых сведений не доставлено), причем в группу недворянских зачислены и дворянские предприятия, находившиеся в купеческой аренде.

Однако, распределение купеческих капиталов в этой отрасли промышленности было далеко неравномерным. Почти все купеческие фабрики находились в Ровенском и отчасти Острожском уездах, главным образом, в городе Ровно. В большинстве это были небольшие заведения. В среднем одна фабрика имела 3 стана. Некоторые фабрики (не только купеческие, но и помещичьи) ограничивались только предварительной выделкой сукна (или даже подготовкой шерсти к пряже), которое затем поступало на фабрики (купца Бернштейна) в Ровно и м. Александрии (Ровенского уезда), где получало окончательную отделку. В 1828 году из 32 недворянских фабрик Волыни, о работе которых имелись сведения, 17 фабрик принадлежало купцам Бернштейнам (12 числилось за купцом 1 гильдии Иоселем Лейбовичем Бернштейном; 5—за купчихой 1 гильдии Дворцой Бернштейн) [1]). Бернштейн, после князя Сангушко, был крупнейшим суконным фабрикантом Волыни. Влияние его на местную суконную промышленность не ограничивалось его собственными фабриками. Он скупал у других фабрикантов (купцов и дворян) неотделанное сукно и, после переработки на главных своих фабриках, поставлял его по контракту в Дубенское комиссариатское депо. Сопоставляя данные 1832 и 1828 годов, приходим к заключению, что ряд небольших предприятий, в 1828 году числившихся за разными купцами, фактически принадлежал Бернштейну. Мелкие фабриканты, несомненно, зависели от Бернштейна, который являлся главным поставщиком изделий купеческих фабрик в Комиссариат (в 1828 году им было поставлено не менее 90 тыс. аршин, что составляло 84,9% всей купеческой поставки этого года и 36,6% общей поставки Волыни) [2]). Размеры большинства указанных предприятий придают особый характер купеческой инициативе в данной области. Все двенадцать (1828 г.) фабрик Бернштейна находились в Ровенском уезде и „состояли в разных се-

[1]) Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 75—95. В 1832 году за купеческим сыном Иоселем Бернштейном числилось 18 фабрик в Ровенском уезде и за купеческой женой Дворцой Бернштейн—2 фабрики в Острожском уезде (Список фабрикантам, I. 115).

[2]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

лениях сего повета, в наемных домах". Изделия этих фабрик, равно как тех, что принадлежали иным предпринимателям, зависевшим от Бернштейна, поступали для окончательной отделки на главные фабрики его, в Ровно и Александрию [1]). Перед нами не что иное, как manufacture dispersée, по терминологии XVIII столетия [2]). Мы видим, что, даже при благоприятных условиях для своего развития, купеческая фабрика на Волыни (и в Подолии) в 20-х годах или же существует в рамках помещичьего хозяйства, пользуясь вольнонаемным трудом местного крепостного населения, или же, сохраняя городской характер, является только скупщиком полуобработанных изделий, которые, после окончательной отделки, поставляет в казну. Только немногие фабрики, или городские (и в местечках), или же вотчинные, находившиеся в купеческой аренде, связаны с местным рынком (Волынь и Киевщина) [3]). Развитие купеческой фабрики, основанной не на „обязательном вольнонаемном труде", зависело от создания благоприятной рыночной кон'юнктуры и успеха в борьбе с крепостной дворянской фабрикой за обладание местным рынком. Эти возможности открылись перед купеческой фабрикой только во второй четверти и в середине XIX столетия, особенно после польского восстания 1830—31 годов.

В 40-х годах торговый капитал проникает даже в заповедную область помещичьего хозяйства, занимавшую в нем столь видное место в тяжелые годы аграрного кризиса,—свеклосахарную промышленность [4]). Сельско-хозяйственная природа ее, бесспорно, была сильным препятствием вторжению сюда купеческого капитала. Правда, последний имел много путей и способов проникать в самую толщу вотчинного хозяйства, котороое, конечно, связано было с ним своими торговыми интересами. Хлебная торговля тесно

---

[1]) Журн. ман. и торг., 1831, № 11, 75—95; Список фабрикантам, I, 115—19.

[2]) См. Оглоблин, Мануфактура в Гетманщине.

[3]) Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 85—86, 89—93.

[4]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

сближала интересы поместного дворянства и купечества. Конечно, экономическое противоречие оставалось: в годы аграрного кризиса и убийственных для помещичьего хозяйства переменных цен на хлеб, безнадежность дворянских настроений плохо гармонировала с огромными барышами мукомольного купечества [1]). Но тот же купец—мукомол и хлебный торговец—был единственным утешителем крепостного хозяйства, закрепощенного в тупике аграрного кризиса. К свеклосахарной промышленности обратились прежде всего представители хлебной торговли [2]). Они начали, впрочем, с торговли сахаром [3]). Несомненно тяжелое (до известной степени) положение хлебной торговли устремляло взоры хлебного купечества, вслед за хлебным дворянством, также в эту сторону. Но только крупные, единичные представители торгового капитала рано (да и то не раньше 1843 года) [4]) самостоятельно выступают в этой области. Более значительное внимание торговый капитал обращает на свеклосахарное производство только на рубеже 40-х и 50-х годов, когда аграрный кризис кончился, и купечество и дворянство переменились ролями и барышами. С другой стороны, промышленная природа свеклосахарного производства, особенно в форме рафинадных заводов, неизбежно, в силу экономической логики, требовала „коммерческого расчета“, т. е. капиталистического хозяйства. Вот почему фактическое влияние торгового капитала на свеклосахарную промышленность значительно старше конца аграрного кризиса. Купеческие свеклосахарные за-

---

[1]) Киевск. Стар., 1896, I, 112—14.

[2]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика. Киев. Стар., 1896, I—II, 107, 110—14, 251—52 (Яхненко и Симиренко); Домонтович, 156, пр. 3, 431 (Терещенко).

[3]) Киевская Старина, 1896, II, 251. Крупную торговлю сахаром вел в Черниговской губернии местный хлебный торговец и сахарный заводчик Терещенко. В начале 60-х годов он ежегодно отправлял в Москву до 250 тысяч пудов песку почти исключительно с заводов Черниговщины (что составляло 83,3% всей сахарной продукции Черниговщины в 1860 году, по подсчету Домонтовича—op. cit., 333).

[4]) Первое купеческое предприятие в этой области—это, конечно, ташлыцкий завод Яхненко и Симиренко в Киевской губернии, устроенный в 1843 году (см. раздел 5 настоящей главы).

воды появляются лишь с начала 40-х годов и до самой реформы 1861 года остаются в значительном меньшинстве. В 1848/49 году они составляли всего лишь 2,9% всех предприятий; в 1860/61 году—4,7%[1]). В 40-х годах они находились только в Киевской и Херсонской губерниях. Характерно, что на Херсонщине оба свеклосахарных завода (в Бобринецком и Александровском уездах), числившиеся в 1848/49 году, принадлежали купцам[2]). За исключением херсонских заводов, это были обычно более крупные предприятия свеклосахарного производства; кроме того, в руках купечества оказались крупнейшие рафинадные заводы. Зато и здесь, как и в суконной промышленности, основная форма приложения торгового капитала—это аренда купцами дворянских предприятий. В нашем распоряжении нет полных данных для установления размеров купеческой аренды. К тому же аренда, по своей природе, была явлением неустойчивым, и официальная статистика предпочитала отмечать в таких случаях собственников завода или даже имения, где находилось бесспорно купеческое предприятие[3]). Характерно, что первые заводчики из купечества или начинают с аренды дворянских предприятий, или же соединяют свои собственные предприятия с арендой других, дворянских[4]). Более распространена была эта аренда на Киевщине. Здесь она имела различные формы. „Сахарные заводы в Киевской губернии, за исключением 4, принадлежат помещикам, находятся в их имениях и большею частью выстроены на собственные капиталы, часто даже с лишними вкладами на строения. Есть, однако, заводы, построенные помещиками в компании с посторонними лицами и на занятые у евреев деньги с условиями, заменяющими самые большие проценты“[5]). Весьма интересны условия, заключенные между помещиками и купцами относительно постройки и содержания заводов. По контракту, заключен-

---

[1]) Оглоблин, Крепостная фабрика.

[2]) Сведения о свеклосахарной промышленности в России, 84—115. См. Шмидт, II, 448.

[3]) См. Обзор разл. отрасл., I, прил., с. 6 (ташлыцкий завод).

[4]) См. раздел 5 настоящей главы.

[5]) Стат. опис. Киев. губ., III, 15.

ному 2/II 1847 года между помещиком Звенигородского уезда Лопухиным—и кущом Б... и иностранцем Н...[1]) на постройку свеклосахарного (песочного и рафинадного) завода в с. Калигорке, помещик обязан был выстроить завод „со всеми принадлежащими к оному постройками", что приблизительно могло стоить ок. 46 тысяч р., и отдать его в аренду на 5 лет названным лицам. Арендаторы должны были „произвесть внутреннее устройство полного парового сахарного завода, по новейшей системе, о 6 гидравлических прессах, и особо устроить отделение для рафинировки песков". На это устройство назначено было 45 тысяч сер. руб., причем возможный перерасход относился на счет арендаторов. Эту сумму арендаторы имели право „по ровным частям исключить без процентов из суммы, следующей помещику... за дрова и свекловицу". Кроме того, помещик обязан был из данных ему арендаторами 15 тысяч сер. р. расплатиться за машины, инструменты и т. п., а также уплатить мастеровым. Помещик обязался засевать свекловицею 250 — 300 десятин и урожай отдавать на завод (по рублю за берковец). Дрова, фашинник и водку арендаторы должны были брать из местной экономии. Конечно, „позаботились" и о крестьянах. Арендаторы могли нанимать рабочих из крестьян помещика, причем „владелец должен в том содействовать"; рабочие получали продовольствие, а помещик наличные денежки (в месяц за рабочего мужского пола 5 р. сер., женского и „полурабочего" мужского пола, до 16 лет, по 3 р. и за „полурабочего" женского пола по 2 р.). По окончании пятилетнего срока, арендаторы должны были сдать завод по описи помещику[2]).

---

[1]) Стат. опис. Киев. губ. (III, 16) не называет фамилий участников контракта. Помещик Л.—конечно, крупный (до 3 тысяч душ) землевладелец Звенигородского уезда Лопухин (см. Сведения о свеклосахарн. пром., с. 92); купец Б.—может быть, Бродский. См. Журн. мин. гос. имущ., 1850, ч. XXXIV, отд. 4, с. 3—4.

[2]) Стат. опис. Киев. губ., III, 16—22. Завод был выстроен в 1847 году и действовал в кампанию 1848 49 года (продукция его составляла 7 — 10 тысяч пудов песку,—Сведения о свеклосах. пром., 92—3). В 1860/61 году завод в с. Мокрой Калигорке, с продукцией до $45\frac{1}{2}$ тысяч пудов, числился за Бенардаки (Обзор разл. отр., I, приложения, 14—15).

Условия контракта были довольно тяжелы [1]), но помещичье хозяйство не имело другого выхода. В 50-х годах торговый капитал делает заметные успехи в овладении свеклосахарным производством. Увеличивается число купеческих предприятий, расширяется круг аренды, наконец, растет производство заводов одной и другой группы. Тогда же появляются и сразу занимают видное место купеческие предприятия на Черниговщине. Весьма характерно, что и здесь сахароварением начинают заниматься крупные хлебные торговцы (Терещенко) [2]). В 1860/61 году мы находим на Черниговщине 3 больших свеклосахарных завода, принадлежавших купцам Терещенко, Мерперту (Глуховский уезд) и Беловскому (Новгородсеверский уезд). Характерно, что все они возникли в середине 50-х годов (1855, 1856, 1856 г.г.) [3]), может быть, в связи с задержками хлебного экспорта в период крымской войны, и все были паровыми. Кроме того, тогда же 2 песочных завода (в Нежинском и Городницком уездах) находились в аренде у купцов Мерперта и Щелкановцева (оба завода огневые) [4]). Тогда же в Киевской губернии 7 песочных заводов принадлежало

---

[1]) См. Стат. опис. Киев. губ., III, 15. Мы знаем еще один договор где помещик обязан был построить завод на деньги (6 тысяч руб.; половина—принадлежностями, необходимыми для сахарного завода), занятые ему купцом, причем обязан был вернуть эти деньги (без процентов) по истечении 3 лет или после окончательной переработки 18 тысяч берковцев свекловицы. При этом заимодавец, участвуя до полного расчета в половинной доле расходов на производство, получал половину всего дохода завода от продажи сахара. И здесь помещик обязан был поставлять, наряду с животным углем, известью и т. п., „нужное количество рабочих“ (Стат. опис. Киев. губ., III, 15—16). См. Журн. сельск. хоз., 1856, № 3, отд. 2, с. 199—201.

[2]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

[3]) Обзор разл. отр., I, приложения, с. 18—19, 20—21. Несколько иные данные сообщает Домонтович (1 купеческий завод—Терещенко и 3 завода в купеческой аренде: кроме Мерперта, в качестве арендаторов сахарных заводов, Домонтович называет Беловского и Буштета, арендовавшего ильинецкий завод гр. Кушелева-Безбородко в Борзенском уезде.—Домонтович, 338, 340, 342). Однако, соответственные данные Домонтовича едва ли относятся в 1860 году (может быть, к 1859 году).

[4]) Обзор разл. отр., I, приложения, с. 18—21.

купцам, и 1 завод находился в купеческой аренде [1]). В Подолии и Волыни купеческих заводов не было. Зато на Полтавщине и Харьковщине—в первой и во второй—было по два завода, находившихся в купеческой аренде, причем на Полтавщине в числе их был самый крупный завод губернии (Наталовский) [2]). Наталовский завод (в Пирятинском у.) был устроен в 1851 году [3]) в имении Долгорукова потомственным почетным гражданином и московским 1 гильдии купцом Федором Гольцгауэром [4]). В 1854 году, после перестройки завода (1853) [5]), „для содержания... завода... и распространения действий" его возник проект учреждения товарищества наталовского свеклосахарного завода. Товарищество учреждалось на паях, в общей сумме 400000 сер. руб. Из 800 паев Гольцгауэр должен был получить, „соответственно употребленной на устройство завода издержке", безденежно 260 паев; независимо от этого, товарищество обязано было уплатить Гольцгауэру наличными деньгами 175000 рублей серебром. Таким образом, за Гольцгауэром фактически оставалось бы 610 паев из 800. Товарищество обязано было выбирать для себя ежегодно торговое свидетельство по 1 гильдии. Правление имело находиться в Москве. 20/II 1855 года правительство утвердило товарищество и его устав [6]). Однако, предприятие не удалось. Желающих войти в товарищество не явилось, и оно было признано несостоявшимся в 1858 году) [7]). В 1860/61 году наталовский завод, числившийся за Долгоруковым, находился в аренде купца Небуче-

[1]) Ibid., I, приложения, с. 6—15. Ср. Похилевич, Сказания, 49, 608, 615, 628—29, 654, 702. Это были: 3 завода Яхненко и Симиренко (относительно ташлыцкого завода—см. раздел 5 настоящей главы)—в Черкасском уезде; завод Бондаревых—в Чигиринском уезде; Балаховского—в Каневском у.; Гальперина—в Киевском у.; Поповой—в Сквирском у. Лебединский завод в Чигиринском у. находился в аренде Бродского.

[2]) Обзор разл. отр., I, приложения, с. 32—37, 58—59, 28—31, 40—43. Эти заводы были: в Харьковской губ.—в Волчанском и Сумском у.; в Полтавской губернии—в Переяславском и Пирятинском уездах.

[3]) Обзор разл. отр., I, приложения, с. 42.

[4]) Журн. ман. и торг., 1855, ч. I, с. 228—29.

[5]) Обзор разл. отр., I, приложения, с. 42.

[6]) Журн. ман. и торг., 1855, ч. I, с. 229—37.

[7]) Журн. ман. и торг., 1859, ч. V, отд. 2, с. 194.

нова [1]). Как видим, торговый капитал сравнительно мало интересовался песочными заводами. Зато совсем иначе относился он к рафинадным заводам. В 1860 году из 20 рафинадных заводов Украины купеческих было 4 (городищенский—Яхненко и Симиренко, черкасский—Городиского и Скловского, киевский—Кельна, в Киевской губернии, и воронежский—Мерперта, в Черниговской), и 1 (великобобрикский, в Харьковской губ.) был в купеческой аренде (Ротермунда). Но эти 5 заводов дали 51,8% всей рафинадной продукции Украины, и притом среди них был крупнейший рафинадный завод (городищенский). В отдельных губерниях это преобладание купеческих предприятий сказывалось еще более резко. Так, на Киевщине купеческие рафинадные заводы дали 65,9% всей продукции губернии и 50,9% всей продукции Украины. На Черниговщине один купеческий завод (крупнейший в губернии) дал 52,5% всей продукции губернии [2]). Здесь не принят в расчет большой (для Черниговщины—огромный) михайловский рафинадный завод Терещенко, начавший свою работу в 1861 году и рассчитанный на переработку 200 тысяч пудов песку [3]). На устройство этих громадных предприятий были затрачены крупные средства. Оборудование их стояло на высоте тогдашней техники. Интересно, что участие в свеклосахарной промышленности приняло, главным образом, местное купечество. Однако, не только местное купечество интересуется свеклосахарной промышленностью. Русские купцы берут в аренду существующие заводы или основывают новые. Большое внимание их обращено на Харьковщину. Среди харьковских свеклосахарных заводчиков мы находим в конце 50-х годов одного из крупных представителей русского купечества—фридрихсгамского и московского 1 гильдии купца Адольфа Ротермунда [4]), в аренде

[1]) Обзор разл. отр., I, приложения, 42 –43.

[2]) Вычисления произведены на основании данных Обзора разл. отр., I, приложения, с. 68—75.

[3]) Домонтович, 330, прим., 332, пр. I. В середине 80-х годов (1885) михайловский завод выпускал в год 600 тысяч пудов рафинаду (Оценка недвижимых имуществ Черниговской губернии, ч. III, с. 31).

[4]) Купец А. В. Ротермунд производил в 1859 году заграничную торговлю, через Петербургский порт, в общей сложности на 1415867 руб.

которого находился рафинадный завод в с. Великом Бобрике[1]). На Киевщине два свеклосахарных завода (песочные) принадлежали русским купцам (один с 1845 года, другой с 1860 года)[2]).

Перед новой экономической силой старое помещичье хозяйство оказывалось беспомощным и сознавало это. Еще в 40-х годах, когда помещичье хозяйство переживало аграрный кризис, оно, устами Есимонтовского, провозглашало, что „всякие предприятия, отдельные от сельского хозяйства, требующие особого капитала, особой деятельности и познаний, наконец, многосложных оборотов и отвлечений, лучше предоставить другим классам народонаселения нашего государства“[3]). Конечно, помещичье хозяйство знало, что оно вовсе не прочь заняться и этими предприятиями. Но оно еще лучше знало ту истину, что „наши помещики, по ограниченности доходов, не имеют капиталов, а, напротив того, большая их часть обременены долгами“[4]). Даже в области свеклосахарного производства, так тесно связанного с сельским хозяйством, помещики находили, что „выгоднее всего для них было бы, если бы заводы (сахарные) были выстроены в их же имениях или вблизи их другими капиталистами“[5]). „Помещику и

(Журн. ман. и торг., 1860, т. IX, отд. 7, с. 27). Купца А. Ротермунда мы ежегодно встречаем в списках купцов, производивших заграничную торговлю в 40—50-х годах (см. „Государственная внешняя торговля“ за соответствующие годы).

[1]) Изделия этого завода были на варшавской выставке 1857 года. Владелец получил большую серебряную (похвальную) медаль „за весьма обширное производство рафинада и пользу, приносимую местности“ (Журн. ман. и торг., 1859, т. V, отд. 2, с. 186). Рафинад этого завода мы часто встречаем на украинских ярмарках (см. Журн. ман. и торг., 1860, т. IX, отд. 7, с. 40).

[2]) Бондаревы (см. Похилевич, Сказания, 702) и Поповы (см. Обзор различн. отр., I, прилож., 12—13).

[3]) Есимонтовский, Описание Суражского уезда, ч. II (изд. 2), с. 206.

[4]) Журн. мин. гос. имущ., 1852, ч. XLIII, отд. 1, с. 239 (Черниговщина); см. Журн. мин. гос. имущ., 1842, ч. V, отд. 5, с. 112—13 (Полтавщина).

[5]) „Самый главный вопрос—писал Ханенко,—какие выгоды представляются учредителям заводов, и кто должны быть эти учредители—капиталисты или помещики?“ (Журн. мин. гос. им., 1852, ч. XLIII, отд. 1, с. 239).

крестьянам—писал в 1852 году черниговский помещик Ханенко—выгодно было бы иметь почти у себя на рынке постоянного купца, который платил бы ему условленную цену за доставленную свекловицу, за вырубленные дрова, за перевозку их, за известь, холст, кости, кирпич, за наем людей, за сено, овес, масло конопляное, бочки, веревки и, наконец, за перевозку сахара; весь этот доход он получал бы круглый год". Однако, „другие капиталисты" хорошо знали то, что известно было и Ханенко. „Но выгодно ли в нашем крае (Черниговщина) учреждение свеклосахарных заводов на коммерческом расчете? Неудачные попытки в начале учреждения таких заводов уронили совершенно доверие в пользу их. Несколько трудолюбивых хозяев, взявшись за дело с знанием и терпением, возвысили мнение о доходах свеклосахарных заводов в нашем крае безусловно. Следствием этого было учреждение многих заводов. Но с того времени обстоятельства изменились: с увеличением числа заводов цена дров и других материалов возвысилась, цена же на сахар уменьшилась. Учреждение огромных паровых заводов, которые будут в возможности доставлять значительные выгоды и тем поддерживать низкие цены на сахар, наводит сомнение о выгоде небольших свеклосахарных заводов" [1]). Ханенко считает,

[1]) Ханенко приводит интересный расчет проектированного компанией из четырех лиц в Новгородсеверском уезде завода, действующего огнем, на „коммерческом расчете". Завод предполагалось устроить на левом берегу Десны, недалеко от почтовой дороги из Новгородсеверска на м. Воронеж, в местности, которая „представляла все выгоды для получения свекловицы из окружных селений, дров из соседней казенной лесной дачи, рабочих рук среди десятитысячного населения свободных поселян (государственных крестьян и козаков). Постройка должна была обойтись в 12 тыс. сер. руб., расходы на заготовление и производство исчислены были около 15000 рублей,—всего 27 тыс. сер. рублей. От продажи 3500 пудов песку (производство завода) можно было тогда выручить 15750 р. сер. „Отсчитывая для будущего производства завода капитал не менее 14800 руб. сер., остается чистой прибыли 950 р. сер., что не составит и 4 проц. на весь оборотный капитал, который должны были составить учредители в 27000 р. сер., а на погашение употребленного капитала на постройку завода не останется ничего". Предприятие не осуществилось (Журн. мин. гос. имущ., 1852, ч. XLIII, отд. 1, с. 240—42).

в конце концов, наиболее выгодным учреждение заводов „в малых размерах, но в большем числе“, и не на „коммерческом расчете“, т. е. крепостных. Однако, и это не обеспечивало дворянского предпринимательства. „Процветанию и учреждению таких заводов угрожают огромные паровые заводы, что уже осуществляется на деле, и что уже привело в страх все наши небольшие заводы. Получая на паровых заводах выход песка в полтора раза более противу заводов, действующих огнем, владельцы первых будут сбывать свой продукт ценою дешевою, при которой не могут существовать другие свеклосахарные заводы“. Ясно, что необходимо „выгоды их (небольших заводов) уравнять с выгодами огромных паровых заводов“ [1]). Из этого заколдованного круга для помещичьего хозяйства Черниговщины не было выхода, если не считать сохранения крепостного труда в свеклосахарной промышленности. Интересы помещичьего предпринимательства противоречили тут не только купеческим интересам, но—что важнее—интересам промышленного развития страны.

IV.

Первые попытки суконной промышленности в Клинцах относятся к началу XIX столетия и связаны с международными событиями того времени. Клинцовские купцы вели в значительных размерах торговлю сукнами, которые они вывозили из Польши и Пруссии. Некоторые купцы (Исаев) имели в Польше свои фабрики и подолгу проживали там. Наполеоновские войны, в частности война 1812 года, в связи с таможенными мероприятиями Империи той эпохи, остановили развитие этой торговли. Один из клинцовских купцов, торговавших в Польше, Лихоманов, около 1814 года [2]) основал первую суконную фабрику в Клин-

[1]) Журн. мин. гос. имущ., 1852, ч. XLIII, отд. 1, с. 239—44. Ту же мысль о сахароварении „не в больших размерах“ (последнее „может быть принадлежностью только значительных капиталов“) развивает полтавский сахарозаводчик фон-Риттер в статье „О сахароварении в Черниговской губернии“ (Черн. губ. вед., 1854, № 20).

[2]) Дата несколько неясна: 1814 (Журн. ман. и торг., 1853, ч. IV, с. 186) или 1815 год (Домонтович, 263).

цах; для этого были вызваны из-за границы механик и мастера [1]). Примеру Лихоманова последовали некоторые клинцовские купцы. В 1832 году в Клинцах мы находим четыре суконных фабрики [2]). Хозяйственная почва раскольничьих слобод Черниговщины была вполне подходящей для развития крупной промышленности. Однако, до начала 30-х годов суконная промышленность в Клинцах не могла развиваться. Ввоз прусских, а затем польских сукон в Империю (и транзит) и торговля ими, привлекая главное внимание клинцовского купечества, подрывали успехи местной суконной промышленности. Конкуренция польских сукон была весьма ощутительна для украинской индустрии. Неудивительно, что украинские фабриканты (и правобережные и левобережные) отмечали это обстоятельство, жалуясь на понижение цен [3]). Господство польских сукон на украинском рынке особенно задевало интересы тех фабрик, изделия которых рассчитывали на рыночный сбыт. Но если помещичьи фабрики этого рода могли продержаться, даже не получая правительственных ссуд (понуровская фабрика Миклашевского) [4]), то фабрика купеческая, основанная на вольнонаемном труде, оказывалась в ином положении. Внимание клинцовских фабрикантов обращается на чулочное производство. Первые попытки его оказались неудачными. Около 1820 года клинцовский купец Широков, торговавший с заграницею, устроил чулочную фабрику в Клинцах, выписав для этого из Пруссии мастера и несколько чулочно-ткацких станков. Однако, предприятие не пошло: мастер оказался недостаточно сведущим в своем деле, и через год фабрика закрылась. Станки были куплены владельцем суконной фабрики Лихомановым, ко-

[1]) Черн. губ. вед., 1852, с. 174. Интересно было бы выяснить положение клинцовского купечества во время Континентальной блокады.

[2]) Список фабрикантам, II, 813. Мы думаем, что эти фабрики возникли до польского восстания, т. е. до тех ограничений польской торговли, какие установлены были имперским правительством после подавления восстания. Сообщение Гутмана (Черн. губ. вед., 1852, с. 174), вероятно, ошибочно.

[3]) Середонин, Обзор, I, 527. См. Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 92.

[4]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

торый предполагал заменить суконное производство чулочным. Число станков умножалось, но опыты несведущего мастера были неудачными. Мало-по-малу клинцовские предприниматели ввели некоторые технические улучшения [1]). Впрочем, успехи этой отрасли промышленности, поддерживавшей вначале клинцовских суконных фабрикантов в тяжелые для них годы конкуренции польских сукон, относятся также к началу 30-х годов [2]). В начале 30-х годов в Клинцах почти одновременно возникает несколько суконных фабрик, основанных бывшими торговцами сукон. В 1832 году открыта была фабрика Аксенова; в следующем году—фабрики братьев Кубаревых; в 1834 году: крупные фабрики Зубова и Степунина—и Исаева (колония Новые Мезиричи, Суражского уезда) и ряд менее значительных фабрик (Желтова, Сапожкова, Полякова и др. [3]). Лихорадочное строительство фабрик несколько стихает во второй половине 30-х годов. Новые фабрики появляются только в 40-х и 50-х годах. В период крымской войны в Клинцах возникло несколько фабрик, изготовлявших в большом количестве серое (тогда называвшееся „патриотическим“) сукно [4]). Но большинство этих предприятий имело незначительные размеры и часто оказывалось недолговечным. Наиболее влиятельную группу до самой реформы составляли крупные фабрики 30-х годов. В нашем распоряжении мало данных, чтобы проследить развитие клинцовской суконной промышленности. Более устойчивый материал относится только к 50-м годам. Не все фабрики, возникшие в начале 30-х годов, дожили до середины столетия. Немало мелких фабрик закрылось, уступая дорогу более крупным соперникам. Другие переменили своих вла-

[1]) Черн. губ. ведом., 1852, 176—77; Журн. ман. и торг., 1853, ч. IV, с. 193—96; ibid., 1858, т. II, с. 43—45; Домонтович, 273—74.

[2]) В 1832 году чулки изготовлялись только на фабрике В. Лихоманова (Список, II, 813).

[3]) Оценка недвижимых имуществ Черниговской губ., ч. III, с. 93—94 (М. В. Охременко, Суконные фабрики); Черн. губ. вед., 1852, с. 174—76; Домонтович, 263—67.

[4]) Домонтович, 263. Выгодами заграничной торговли через западную сухопутную границу Империи во время войны 1854—56 г.г. удачно воспользовалось слободское купечество (см. Аксаков, 355).

дельцев, причем мы не можем установить здесь хронологический порядок [1]). Как бы то ни было, из 14 купеческих фабрик Черниговщины, существовавших в 1860 году (из них 13 находилось в Клинцах), непосредственно связаны с началом 30-х годов и оставались в руках прежних владельцев (основателей)—7 фабрик, в том числе крупнейшие фабрики Исаева и Степунина (8-ая фабрика—Аксенова—перешла в другие руки). Остальные фабрики возникли: 3—в 40-х годах и 3—в 50-х годах [2]). Таким образом, прочный фундамент был заложен в начале 30-х годов. В 1844 году в Клинцах числилось более 20 суконных фабрик [3]). Современники считали, что клинцовские фабрики „находятся на одинаковой ноге с иностранными“ [4]). Изделия клинцовских фабрик обычно появляются на выставках (российских и заграничных) того времени [5]).

Одним из наиболее крупных предприятий суконной промышленности в северной Черниговщине была суконная фабрика Исаева в колонии Новые Мезиричи, Суражского уезда. Владелец ее, брест-литовский купец 1 гильдии Исаев [6]), до 1832 года имел суконную фабрику в Царстве Польском, в г. Згерже (Мазовецкое воеводство) [7]). Изделия этой фабрики он сбывал через Москву в Кяхту [8]). Восстание 1830—31 г. приостановило дей-

[1]) Оценка недв. им., III, 93—94; Домонтович, 271.

[2]) Указанные вычисления произведены путем сопоставления данных Гутмана (Черн. губ. вед., 1852, с. 173—79), Домонтовича (с. 263—71) и Охременко (Оценка недвиж. имущ., III, 93—94). В 1860 году в Клинцах были суконные фабрики: Степунина, Михаила Кубарева, Афанасия Кубарева, Сапожкова, Полякова, Желтова, Черкасского, Кондратьева, Пентегина, Василия Мошковского, Ульянова, Ивана Мошковского, Черкасова; в Новых Мезиричах—Исаева (Домонтович, 270—71).

[3]) Журн. мин. вн. дел, 1844, ч. VIII, отд. 4, с. 225—26. Сюда, вероятно, вошли также чулочные фабрики. Ср. Аксаков, 180.

[4]) Обозрение главнейших отраслей мануф. пром., 133. См. Журн. мин. гос. имущ., 1846, ч. XX, отд. 1, с. 148.

[5]) См. Журн. ман. и торг., 1845, ч. II, с. 294—95; 1851, ч. II, с. 265—90; 1854, ч. III, с. 21—2; 1859, ч. V, отд. 2, с. 186, 190.

[6]) Повидимому, это был клинцовский уроженец (Домонтович, 267).

[7]) Журн. ман. и торг., 1837, ч. IV, отд. 2, с. 171; ibid., 1838, ч. III, отд. 2, с. 132 (перепечатка предыдущей статьи).

[8]) Журн. ман. и торг., 1853, ч. IV, с. 204; Домонтович, 267.

ствие его фабрики. Изменения в таможенной политике после восстания заставили Исаева, подобно многим другим польским фабрикантам, перенести свое предприятие в пределы Империи. Он обратился к правительству с просьбой о разрешении перевести свою фабрику в Черниговскую губернию и переселить туда несколько семейств немецких мастеров и рабочих. Разрешение было дано, и Исаев купил в конце 1832 года у мглинского помещика Бороздны 1094 десятины земли с лесом (700 дес.), при речках Унече и Ельне, за 10 тысяч серебр. рублей. Тогда же начата была постройка фабрики и фабричного поселка [1]). Были предприняты сложные гидротехнические сооружения, чтобы обеспечить фабрику движущей силой [2]). Все эти постройки и сооружения обошлись до 700 тыс. рублей (ассигн.)[3]). С середины 1834 года фабрика начала свою работу. Исаев выписал из Царства Польского и поселил при фабрике до 70 семейств мастеров и рабочих, преимущественно немецких. Это поселение было названо „колония Новые Мезиричи“ [4]). В 1837 году фабрика имела значительные размеры. Она была снабжена усовершенствованными машинами, выписанными из Пруссии и Нидерландов. Техническое оборудование было произведено иностранными механиками. Все машины работали при помощи вододействующих приводов. Фабрика имела 120 ткацких станов. Рабочих было 420 м. п. и 252 ж. п. Половина их были иностранцы, населявшие колонию; другая—местные крестьяне, работавшие по вольному найму. Производство фабрики составляло до 130 тыс. аршин сукна различных сортов, на сумму 1350000 рубл. асс. Материалы закупались на Украине, в России, Саксонии, Пруссии, Голландии и Англии. Фабрика выделывала преимущественно сукна, предназначен-

[1]) Журн. ман. и торг., 1837, ч. IV, отд. 2, с. 171; ibid., 1853, ч. IV, отд. 2, с. 205. См. Журн. мин. вн. дел, 1834, ч. XIII, с. 329—30.

[2]) Черн. губ. вед., 1852, с. 186—87.

[3]) Журн. ман. и торг., 1837, ч. IV, отд. 2, с. 173. Домонтович (267, пр. 3) ошибочно указывает цыфру 200000 асс. рублей.

[4]) Журн. ман. и торг., 1837, ч. IV, отд. 2, с. 172; Журн. ман. и торг. 1853, ч. IV, с. 207. До конца 1833 года было переселено колонистов 152 души об. п. (Журн. мин. вн. дел, 1834, ч. XIII, с. 330).

ные для китайского рынка [1]). В 30-х и первой половине 40-х годов фабрика развивается довольно быстро. На московской выставке 1835 года изделия фабрики обратили на себя внимание, а владелец получил медаль. В 1837 году фабрике было предоставлено право пользоваться государственным гербом [2]). В 1851 году исаевские сукна были на лондонской всемирной выставке [3]). В середине столетия Новые Мезиричи представляли значительный фабричный поселок. Фабрика помещалась в семи каменных и семи деревянных корпусах. Кроме домов администрации, колонистов и местных рабочих (вольнонаемных), в колонии были католическая молельня, школа для детей обоего пола, постоялый двор, торговая лавка и, конечно, трактир с бильярдом и кеглями. В 1851 году на фабрике уже действовала паровая машина в 26 сил, выписанная из Саксонии [4]). Но в конце 40-х и начале 50-х годов фабрика, повидимому, перестает выделывать сукна для Китая. Зато увеличивается производство сукон для местного потребления, преимущественно более тонких сортов, от 1 р. 80 к. до 4 р. 50 к. Сукна продавались через комиссионеров в Петербурге, Москве, Варшаве и на левобережных ярмарках. Шерсть (шпанская) закупалась с овчарень Черниговской, Харьковской, Полтавской и Екатеринославской губерний [5]). В 50-х годах производство фабрики несколько сокращается (см. табл. на стр. 140).

Современники весьма интересовались исаевскою фабрикою и часто посвящали ей хвалебные статьи в тогдашних журналах. Знаток черниговской промышленности Гутман писал о ней в 1851 году: „огромная мануфактура с немец-

[1]) Журн. ман. и торг., 1837, ч. IV, отд. 2, с. 172—74; ibid., 1838, ч. III, отд. 2, с. 133—36.

[2]) Журн. ман. и торг., 1837, ч. IV, отд. 2, с. 174—75. См. Указатель произведений отечественной промышленности... на выставке 1835 года, с. 35.

[3]) Журн. ман. и торг., 1851, ч. II, с. 271—2; 1853, ч. IV, с. 211. В 1857 году сукна исаевской фабрики были на варшавской выставке (Журн. ман. и торг., 1859, т. V, отд. 2, с. 190). Исаев числился тогда варшавским 1 гильдии купцом (ibid.).

[4]) Журн. ман. и торг., 1853, ч. IV, с. 207—11; Черн. губ. вед., 1852, 187—88.

[5]) Домонтович, 268—69; Журн. ман. и торг., 1853, ч. IV, с. 211.

кою колониею... резко отпечатлелась на жизнь всей окрестной страны, оживив ее деятельность“ [1]).

Годы.	Производство (в тыс. сер. руб.).
1837	380
1851	250
1860	248
1863	222 [2]).

	1851 г.	1860 г.
Количество изделий (в арш.)	120000	102900
Сумма производства (в рубл.)	250000	248325
Рабочих	600	570
На одного рабочего (в рубл.)	416,7	437,4

Чулочное производство развивалось в связи с суконным. Возникшее, как подсобное производство, оно впоследствии нередко соединялось с суконным в одном и том же предприятии. Так, в 1860 году чулки выделывались также на 4 суконных фабриках. Эта зависимость совершенно понятна, так как целый ряд операций, связанных с чулочным производством, происходил только на суконных фабриках [3]). Характерно, что чулочное производство развивается в формах домашней промышленности. „В Клинцах—пишет Гутман,—по крайней мере, две трети домов заняты чулочно-ткацкими станками, где два, где три, четыре и т. д., которые не входят в состав фабричных заведений, но на которых постоянно работают круглый год“. В 1851 году домашнее чулочное

[1]) Журн. ман. и торг., 1853, ч. IV, с. 201—4, 207, 210. Исаевская фабрика прекратила свое существование в 1876 году (Оценка недв. имущ. Черн. губ., ч. III, с. 94, пр. 2).

[2]) Данные для таблиц взяты: 1837 г.—Журн. ман. и торг., 1837, ч. IV, отд. 2, с. 174; 1851 г.—Черн. губ. вед., 1852, с. 188; 1860 г.—Домонтович, 268, 271; 1863 г.—Статистический Временник Рос. Имп., I, отд. 2, с. 65. Перевод ассигнаций на металлические рубли сделан по курсу 1837 года: 1 р. асс.=28, 20 к. металл.

[3]) Домонтович, 275. См. Оценка недв. имущ. Черн. губ., ч. III, с. 116. Во второй половине столетия чулочное производство на суконных фабриках прекращается (ibid., 115, пр. 1).

производство оценивалось в 63600 рублей, что составляло 46,2% всей чулочной фабрикации Клинцов [1]).

Годы	Число предпр.	Сумма производ. (в тыс. р.)	Число рабочих	На 1 фабр. производ. (в тыс. р.)	На 1 фабрику рабочих	На 1 раб. производ. (в руб.)
1851	7	74,1	205	10,5	29	361,5
1860	9	76,3	192	8,4	21	397,8 [2])

В конце 50-х годов клинцовская чулочная промышленность „снабжает... все рынки России этим товаром, вытеснив из употребления привозившиеся на значительные суммы из-за границы изделия этого рода“ [3]).

Развитие клинцовской суконной промышленности было большим ударом для местного вотчинного ремесла. Есимонтовский сообщает об этом интересные подробности: „около 25 лет тому назад многие из помещиков, заводя у себя овец улучшенной породы, начали вместе с тем заводить и домашнюю обработку шерсти на сукна... Вытканные... суровые сукна отдавали для краски и апретуры в раскольничью слободу Клинцы. Разумеется, что сукна были невысокого достоинства, и фабрикация шла не бойко, работою занимались из барщины в несколько зимних месяцев“. Только незначительная часть этого сукна шла в продажу. Однако, „с введением в Клинцах чесальных и прядильных машин, улучшенного ткачества и апретуры, с возвышением ценности шерсти, помещики нашли более выгодным продавать свою шерсть и покупать потребное для дома сукно. От этого такие маленькие заведения были мало-помалу оста-

[1]) Черн. губ. вед., 1852, с. 178—79.

[2]) Таблица составлена на основании данных Гутмана (Черн. губ. вед., 1852, с. 179) и Домонтовича (259, 275). В 1861 году фабрик числилось 10, но производство их сократилось до 63½ тыс. руб. (Памятная книжка Черниговской губернии—Черн., 1862,—168, таблицы). В середине 80-х годов их было 4, с производством в 49½ тысяч (Оценка недв. им., III, 115—17). В 1895 году осталась только 1 фабрика, с производством в 16 тыс. р. (Русов, Описание Черниг. губерн., II, 265).

[3]) Обзор разл. отр., I, 178. О клинцовской чулочной промышленности в конце 50-х годов—Домонтович, 273—75.

влены. Для устройства дорогих машин нужен был капитал и мастера, которых тогда было мало, к тому же такое предприятие потребовало бы сложных оборотов и сношений с отдаленными торговыми городами“ [1]). В 1843 году в Суражском уезде была только одна вотчинная фабрика [2]) (гр. Завадовского в Ущерпьи), с 20 станами, снабженная хорошими чесальными и прядильными машинами и имевшая собственную красильню и аппретуру. Изделия ее, преимущественно низшие сорта, сбывались на левобережных ярмарках [3]). В 1851 году фабрика была ликвидирована [4]). Но суражские помещики, как мы видели, имели и другие, более веские основания быть недовольными клинцовскими фабрикантами. Недаром, плохо сдерживаемое раздражение сквозит в отзывах Есимонтовского о „великодушных раскольниках“ [5]).

Клинцовская суконная промышленность не сразу заняла определенное положение на местном рынке. Украинский рынок был до 1831 года наводнен польскими сукнами, которые с трудом уступали на Левобережьи часть своего места русским сукнам. После 1831 года ввоз польских сукон несколько сокращается. Зато укрепляется на украинском рынке положение московских, гродненских и отчасти рижских суконных фабрик. Сильное влияние на левобережный рынок имела также дворянская суконная промышленность Правобережья [6]). Левобережные суконные фабрики, почти

[1]) Есимонтовский, Описание Суражского уезда, II (изд. 2), с. 196. Кажется, развитие клинцовской промышленности сгубило „кастровую“ фабрику Есимонтовского, упоминаемую в 1829 году (Описание выставки 1829 года, с. 135).

[2]) Другая фабрика, изделий из гребенной шерсти, переводилась тогда в Суражский уезд из Смоленской губернии (Есимонтовский, II. 197). Но дело или не удалось, или предприятие не выжило. В списках 1851 года мы не встречаем ни одной суконной фабрики в Суражском уезде (Журн. ман. и торг., 1853, ч. IV, 183—219).

[3]) Есимонтовский, II, 196—97. См. Журн. ман. и торг., 1853, ч. IV, с. 219. В списках 1832 года мы не встречаем этой фабрики (Список фабрикантам, II, 813—14).

[4]) Журн. ман. и торг., 1853, ч. IV, с. 219.

[5]) Есимонтовский, I, 239—40.

[6]) Аксаков, op. cit., 177—83. См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

сплошь дворянские, поскольку они не ограничивались казенными поставками и домашним хозяйством, могли рассчитывать или на узкий, ближайший рынок [1]), или же на дальние рынки—Россию, Белоруссию, Грузию (полтавские фабрики) [2]) и, вероятно, Персию. Купеческая клинцовская промышленность первоначально рассчитана была на китайский (и среднеазиатский) рынок. Это обусловливало некоторые внешние особенности клинцовских сукон, а, главное, недостаточно тщательную их отделку [3]). Клинцовские фабрики изготовляли преимущественно ходкие на китайском рынке т. н. масловые и мезирицкие сукна (и др. сорта) [4]). Сукна клинцовских фабрик отвозились фабрикантами в Москву, откуда уже русскими купцами отправлялись в Кяхту [5]). В 30-х годах, когда главное внимание русской суконной промышленности направлено было на захват далеких восточных рынков (китайского, среднеазиатского и персидского) [6]), клинцовская промышленность успевает отчасти охватить русский рынок (преимущественно соседние русские губернии, Москва, Петербург). Конкуренция с польскими и правобережными сукнами на украинском рынке была для нее довольно трудной и долгое время мало интересной [7]). Впрочем, уже в 30-х годах мы встречаем много клинцовских сукон на украинских ярмарках [8]). Но даже в середине 50-х годов „сукон Черниговской губернии мало в

[1]) Аксаков, 181; Оглоблин, Крепостная фабрика.

[2]) Арандаренко, II, 362.

[3]) Домонтович, 261, 273. См. Журн. мин. вн. дел, 1844, ч. VIII, отд. 4, с. 226.

[4]) Обозрен. главнейш. отр. ман. пром. в России, 128—29; Обзор разл. отр., I, 160—61; см. Журн. ман. и торг., 1854, ч. III, с. 26—27. Домонтович, 267. От 6 до 11 р. ассигн. за аршин (Журн. мин. вн. дел, 1844, ч. VIII, отд. 4, с. 226).

[5]) См. Журн. ман. и торг., 1858, т. I, отд. 5, с. 105.

[6]) „Вся Азия должна быть целию нашей мануфактурной и торговой деятельности, для удовлетворения нужд ее обитателей, главнейших потребителей тех изделий наших, сбыт которых почти невозможен в образованной и роскошной Западной Европе“ (Журн. ман. и торг., 1835, ч. II, отд. 3, с. 8).

[7]) См. Черн. губ. вед., 1852, с. 176, 178, 188; Аксаков, 181; Домонтович, 273.

[8]) Журн. ман. и торг., 1839, ч. I, отд. 3, с. 346.

продаже на украинских ярмарках". Обычно их продавали на ярмарках „в весьма малом количестве в купеческих лавках" [1]). С середины 40-х годов положение украинских сукон на китайском рынке значительно изменилось. До этого времени ввоз сукон из Империи в Китай через Кяхту сильно возрастает (с 1835 до 1845 года увеличился на 112%) [2]). В частности, выделялись успехи кяхтинской торговли во время разрыва Англии с Китаем. Зато ввоз английских сукон через Кантон, а после мира 1842 года и через другие порты, начал расти с большой быстротой. Это понизило цены на сукна на китайском рынке и заставило русских купцов в Кяхте отдавать свои товары в убыток, который они, впрочем, успешно возмещали повышением продажных цен на чай внутри Империи [3]). Для этого группа „значительных московских капиталистов", управлявшая кяхтинским рынком, старалась отпускать чай из Кяхты по частям. Это нарушало интересы сибирского купечества, выменивавшего чай на устойчивый на китайском рынке пушной товар (мягкую рухлядь) и заинтересованного в более быстром сбыте чая, чтобы запастись русскими мануфактурными изделиями. Между двумя группами купечества началась борьба, которая закончилась победой сибирского купечества. К тому же китайская торговля, в связи с усилившимся ввозом английских сукон, была заинтересована в обмене чая не только на фабрикаты, но и на драгоценные металлы. Положение кяхтинской торговли, в связи также с гражданской войной 1853 года в Китае, стало довольно трудным. Прежняя ее техника устарела; отдельные статьи

[1]) Аксаков, 180—81. См. Домонтович, 415, пр. 3.

[2]) О кяхтинской торговле в 30—50-х годах: Журн. ман. и торг. 1839, ч. I, с. 320—32; Сборник статистических сведений о России, кн. II, отд. 2, с. 32—38 (Самойлов, Исторические и статистические исследования о кяхтинской торговле); Tęgoborski, Etudes, t. IV, p. 586—610; Журн. ман. и торг., 1858, т. I, отд. 5, с. 100—28 (Тарасов, Очерк кяхтинской торговли); Н. Крит, Будущность кяхтинской торговли (Промышленность, 1862); Промышленность, 1861, т. III, с. 319—42.

[3]) Сб. стат. свед. о России, кн. II, отд. 2, с. 32—38; Tęgoborski, Etudes, IV, 587—88; Журн. ман. и торг., 1858. т. I, отд. 5, с. 104. В 1843 году этот убыток составлял свыше 32% стоимости сукна с перевозкою в Китай и 20% стоимости сукна в Москве (ibid., 122, 123—24).

утратили свое значение. Ряд мер, принимаемых российским правительством для охраны кяхтинской торговли, уже не достигал цели [1]). Борьба искусственно дорогого кяхтинского чая с более дешевым, кантонским, ложившаяся огромным налогом на потребителей Империи (более 10 миллионов рублей ежегодно) [2]), закончилась в начале 60-х годов отменой кяхтинской чайной монополии (с 1862 года) [3]). Это несколько усложнило положение клинцовской промышленности, правда, уже задолго до того ослабившей свои связи с китайским рынком, и заставило ее сосредоточить больше внимания на местном рынке [4]).

К началу 60-х годов положение клинцовской суконной промышленности было довольно прочным. Клинцовские сукна заняли определенное место на рынке. Сбыт их производился через комиссионеров отчасти на Украине—в Черниговской губернии, Харькове, на левобережных ярмарках (кролевецкой, роменских, харьковских),—но, главным образом, в России и за-границей (Москва, ярмарки курская и нижегородская, Вильно, Петербург, Рига, Варшава, Кяхта) [5]). Размеры клинцовских фабрик были неодинаковы. В 1860 году производство двух крупнейших фабрик (Степунина и М. Кубарева) составляло почти столько же, сколько производство остальных 11, хотя среди них были крупные фабрики (производство 120 тысяч и 140 тысяч сер. р.). Эти две фабрики дали одну треть (33,4%), а вместе с третьей крупной купеческой фабрикой (Исаева) почти половину всего су-

---

[1]) Журн. ман. и торг., 1858, т. I, отд. 5, с. 105—128; Tęgoborski, IV, 588—610.

[2]) Tęgoborski, IV, 608—609; Журн. ман. и торг., 1858, т. I, отд. 5, с. 123—24. См. Промышленность, 1861, т. III, с. 319—21.

[3]) Сборник сведений по истории и статистике внешн. торг. России, I, 74—76; Крит, op. cit., с. 1; Домонтович, 273.

[4]) См. Журн. ман. и торг., 1854, ч. III, с. 27. Интересно, что еще в середине 40-х годов, когда обнаружился упадок кяхтинской меновой торговли, внимание фабрикантов обратилось на Турцию, где промышленность Империи должна была соперничать с германскими сукнами (Обозрение главнейших отраслей мануфактурной промышленности в России, с. 130). Попытка не удалась. См. Обзор разл. отр., I, 161.

[5]) Черн. губ. вед., 1852, с. 176; Домонтович, 268—69; Памятная книжка, с. 377.

конного производства Черниговщины. Цыфры одного только года не могут создать цельной картины взаимоотношения двух групп купеческих предприятий. Крупные предприятия оказываются более устойчивыми и расширяют свое производство; небольшие предприятия нередко сокращают его [1]), а иногда и вовсе приостанавливают свою работу [2]). Производство клинцовской суконной промышленности возрастало.

Годы.	(В тыс. руб.).
1851	933,7
1860	1418,4

Таким образом, за 10 лет производство увеличивается на 51,9%. Клинцовская суконная промышленность занимала значительное количество рабочих рук. В течение 50-х годов число рабочих возрастает на 52,6%.

Годы.	
1851	2289
1860	3492 [3]).

Техническая сторона клинцовских фабрик была поставлена довольно высоко. Здесь сравнительно рано введены паровые двигатели и усовершенствованные машины. До применения здесь силы пара некоторые фабрики очень удачно использовали движущую силу воды, причем иногда для этого были произведены сложные гидротехнические сооружения [4]). Здесь раньше всех черниговских фабрик были заведены паровые машины. В начале 50-х годов из 22 клинцовских шерстяных (суконных и чулочных) фабрик—7 ввело у себя паровые двигатели [5]). А в 1860 году из 23 фабрик действовало силою пара 14 фабрик,

[1]) Домонтович, 270--71.

[2]) Памятная книжка, с. 168, таблицы.

[3]) Данные 1851 года заимствованы у Гутмана (Черн. губ. вед., 1852, с. 179, 188); данные 1860 года—у Домонтовича, 270—72. Мастера и служащие сюда не включены. В 1861 году размеры производства и число рабочих еще увеличились (см. Памятная книжка, с. 168, таблицы).

[4]) Журн. ман. и торг., 1853, ч. IV, с. 188—89, 205—207. См. Домонтович, 266, 269.

[5]) Аксаков, 180.

в том числе все 13 суконных фабрик [1]). Таким образом, паровые двигатели введены были на всех купеческих фабриках (суконных) Черниговщины. Между тем на дворянских фабриках дело обстояло иначе. В 1851 году из 10 суконных фабрик только одна (машевская) имела паровую машину (в 8 сил) [2]); зато в 1860 году из 4 суконных фабрик, остававшихся в дворянских руках, две—и притом более крупные—имели паровые машины [3]).

В 50-х годах клинцовская суконная промышленность, в связи с общим хозяйственным положением страны и изменением своего рынка, развивается замедленным темпом. В то время как размеры отдельных предприятий и общая продукция увеличиваются, производительность труда несколько понижается. На одну фабрику в среднем приходилось:

	1851 г.	1860 г.
Рабочих	208	249
Колич. изделий (в арш.) . .	37284,$_5$	59948,$_1$
Стоимость изд. (в рубл.) . .	86363,$_6$	101318,$_1$
На одного раб. (в рубл.). .	415	406,$_2$ [4]).

Клинцовская суконная промышленность пережила кризис 50-х годов [5]).

---

[1]) Памятная книжка, с. 168, таблицы.

[2]) Черн. губ. вед., 1852, с. 189.

[3]) Домонтович, 262.

[4]) Таблица составлена по данным Гутмана (Черн. губ. вед., 1852, с. 179, 188) и Домонтовича (270—72). Сведения о клинцовской суконной промышленности во второй половине 50-х годов—Журн. ман. и торг., 1858, т. II, отд. 3, с. 29—39; Обзор разл. отр., I, с. 169, табл. лит. Б, 177—79.

[5])

Годы.	Число фабрик.	Производ. (в тыс. руб.).	Число раб.
1885 . . .	12	2085,$_5$	2342—2810
1895 . . .	8	2729,$_6$	2703

(Данные 1885 г.—Оценка недвижимых имуществ, III, 95, 108; данные 1895 г.—Русов, II, 265. В 1885 г. принята в расчет машевская суконная фабрика Головиной. Разные цыфры рабочих для 1885 года указывают число рабочих летом и зимою).

V.

Интереснейшую страницу в ранней истории украинского промышленного капитализма, в частности в истории предкапиталистической фабрики, составляет деятельность известной фирмы братьев Яхненко и Симиренко. В жизни этого грандиозного по тому времени предприятия, которое своим широким промышленным размахом выходило за современные ему рамки украинского хозяйства, мы находим весьма характерные для предкапиталистической фабрики черты. Особенное значение имеет изучение тех путей и способов, какими шло проникновение торгового капитала в область промышленности. Некоторые из этих путей намечены нами выше. Эволюция мелкого производства, продолжавшая старый хозяйственный процесс, источники которого восходят к XVII—XVIII векам, внедрение купеческого капитала в крепостную промышленность, взрывавшее ее изнутри (аренда вотчинных предприятий, купеческо-дворянская (помещичья) кооперация в деле промышленности, отчасти вотчинная фабрика с вольнонаемным трудом),—это старые, испытанные методы создания капиталистической промышленности, не игравшие, однако, первостепенной роли в этом процессе. Гораздо более интересны формы активного приложения капитала к промышленности, где указанным выше методам отводилось, в сущности, второе место. Мы имеем в виду самостоятельное, непосредственное участие купеческого капитала в развитии крупной фабрично-заводской промышленности. История клинцовской суконной промышленности, рассмотренная нами выше, дает интересный пример, имеющий большое значение в истории украинской фабрики. Промышленные предприятия фирмы Яхненко и Симиренко, сохраняя не менее важное значение для исследования эволюции фабрики, особенно заслуживают внимания своей живой и мощной связью с окружающим хозяйством и своим влиянием на украинскую свеклосахарную промышленность.

Происхождение фирмы Яхненко и Симиренко относится к первой четверти XIX века. Братья Яхненко, из крепостных графа Самойлова (м. Смела), и зять их Федор Симиренко,

из крепостных графини Воронцовой (м. Городище), выкупленные своими отцами на волю, происходили из зажиточного селянства южной Киевщины. В семье Яхненко издавна существовал уклон в сторону промышленной деятельности. До выкупа на волю она занималась выделкою кож и шитьем сапог, а также держала баштаны. После выкупа Яхненко и Симиренко занялись, главным образом, арендой мельниц-крупчаток в Смеле. При этом они исполняли ряд коммерческих поручений Самойлова и его наследников, графов Бобринских. Мало-помалу, энергично сколачивая копеечку, они в 20-х годах успели собрать до 7 тысяч рублей ассигнациями. Постепенно деятельность их расширялась. Условия хлебной торговли первой четверти XIX столетия содействовали успехам фирмы. Кроме хлебной торговли, она попрежнему занималась кожевенным промыслом. На местных ярмарках она торговала тулупами и другими кожевенными изделиями. Скоро участники торгового дома начали ездить на крупные украинские ярмарки (роменская). Они скупали также скот и гоняли гурты его в разные города (Одесса, Варшава). Торговая деятельность братьев Яхненко и Симиренко приняла столь значительные размеры, что один из участников фирмы стал постоянно жить в Одессе, наблюдая за интересами фирмы и производя разные коммерческие операции. В 30-х годах фирма, в компании с елецким мукомолом Лашиным, арендует уманские мельницы. Фирма ловко воспользовалась аграрным кризисом 30-х годов. Тяжелое положение помещичьего хозяйства [1]) давало ей возможность скупать пшеницу по очень низким ценам. Улучшив технику мукомольного дела, фирма выгодно сбывала хлеб за-границу. Переменные цены на хлеб, этот бич помещичьего хозяйства 30—40-х годов, открывали перед нею широкие перспективы и обогащали ее. В разных городах (Одесса, Николаев, Севастополь) открывались отделения и склады фирмы. К началу 40-х годов капитал фирмы превышал миллион ассигнационных рублей. Братья Яхненко и Симиренко числились купцами 1 гильдии г. Одессы [2]).

[1]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

[2]) Киевская Старина, 1896, I, 106—14. См. Pamiętniki Bobrowskiego, II, 32.

В начале 40-х годов аграрный кризис теряет свою остроту. Хлебные цены повышаются и—что весьма важно—приобретают известную устойчивость. Помещичье хозяйство стало выходить из крепостного тупика. Крупная хлебная торговля, составлявшая основной предмет операций фирмы Яхненко и Симиренко, перестала давать баснословные прибыли. Между тем широкий размах деятельности фирмы заставлял ее создавать новые предприятия. И раньше торговые операции фирмы не ограничивались хлебом. Она торговала также полотном, сахаром. Торговля сахаром оказалась весьма выгодной. В начале 40-х годов фирма начинает интересоваться успехами свеклосахарной промышленности. Один из представителей фирмы имел возможность познакомиться с постановкой свеклосахарного производства за-границей [1]). Проект организации свеклосахарного завода был задуман довольно широко. Решено было устроить крупный песочно-рафинадный завод, оборудованный согласно последним требованиям западно-европейской техники, по образцу, главным образом, французских заводов. Завод должен был действовать паровыми двигателями. Машины были закуплены во Франции. Оттуда же вывезено было до 30 человек разного рода специалистов по сахароварению. Первым директором завода был француз Сальзар. Фирма Яхненко и Симиренко заарендовала на 12 лет у помещиков с. Ташлыка Березовских необходимое количество земли, и в 1843 году ташлыцкий завод (первый паровой рафинадный завод на Украине) начал свое производство. Фирма начинала свое новое предприятие, располагая капиталом около 600 тысяч ассигнационных рублей. Первые шаги нового предприятия не были удачны. Производство рафинада происходило по французскому образцу: он выходил желтый и мягкий и не пошел на рынке. Тогда фирма выписала из Петербурга немца-рафинера, который и был назначен директором завода, с жалованьем в 12 тысяч асс. рублей. Дела завода пошли более удачно. Первый год не принес прибыли, но и не дал убытку. Зато за два следующих года (при директоре Майере) на затраченный капи-

[1]) Киевск. Старина, 1896, II, 251—55.

тал в 600 тысяч асс. р. фирма получила чистой прибыли 800 тысяч. Ташлыцкий рафинад занял прочное место на сахарном рынке [1]). Вскоре фирма взяла в аренду (на 3 года) орловецкий песочно-рафинадный завод графа Потоцкого. Эта аренда принесла фирме крупные барыши [2]). Блестящая в истории украинской свеклосахарной промышленности эпоха 40-х годов создала необычайные, бившие в глаза соседям успехи фирмы. Новый хозяйственный подход, „коммерческий расчет", капиталистическое производство—открывали перед местной промышленностью далекие, заманчивые перспективы. Внимание фирмы обращается на устройство новых, более крупных заводов. Весьма интересна попытка фирмы в 1846 году построить в Киеве рафинадный завод. Предполагалось строить его на Куреневке, на речке Сырце. Были приобретены: усадебное место, лес на реке Тетереве, в количестве 2400 десятин; построен в Вышгороде кирпичный завод. Однако, предприятие не встретило поддержки со стороны городского самоуправления и местной администрации. Первое отказалось продать фирме необходимый для завода участок городской земли; вторая затягивала дело с разрешением на постройку завода [3]). Тогда возник проект создания свеклосахарного завода в м. Городище. Крупные торговые операции и широкий промышленный размах фирмы Яхненко и Симиренко заинтересовали одного из крупнейших землевладельцев Киевщины—графа М. С. Воронцова. Воронцов отлично понимал значение крупного капиталистического производства и бесспорную выгодность нового предприятия для своего мошно-городищенского имения. Фирма вошла в соглашение с Воронцовым, и с необычайной быстротой вокруг нового завода возник целый городок, где, по воспоминаниям современников, „кипела жизнь торговая, ком-

[1]) Ibid., II, 255—58.

[2]) Стат. опис. Киев. губ., III, 57; Киевская Старина, 1896, II, 258. Стат. опис. Киев. губ. исчисляет возможную прибыль с орловецкого завода свыше 38 тысяч сер. рублей в год (т. III, с. 58). Клебановский (Киевская Старина, 1896, II, 258) указывает 400 тысяч асс. рублей. Вероятно, эта цыфра определяет прибыль за весь срок (3 года) аренды.

[3]) Киевская Старина, 1896, II, 259—62.

мерческая, целиком пересаженная из Франции“ [1]). Контракт был заключен 30/IX 1847 года на 23 года и 9 месяцев (до 1/VII 1871 года) [2]). Для устройства завода отводилось усадебное место в размере 150 десятин; арендная плата была установлена в 500 сер. руб. в год. Заводу предоставлялось право пользоваться строевым и дровяным лесом на участке в 960 десятин, разделенном на 24 части, по 40 десятин каждая. Плата за каждую вырубленную десятину определялась в 75 сер. руб. Вотчинное управление обязано было засевать на владельческих полях до 500 десятин свекловицы, урожай которой (примерно $22^1/_2$ тысячи четвертей) завод должен был принимать по установленной расценке (58 коп. сер. за четверть 11 пуд. весу). Также обязан был он принимать урожай свекловицы еще с 250 десятин, если бы вотчинное управление решило увеличить посев. Заводчики обязывались закупать свекловицу, в количестве не свыше 20 тысяч берковцев ежегодно, и от крестьян, если те будут засевать ее на своих полях. На первые три года заводчикам отводилось по 200 десятин земли (с уплатой по 1 руб. 50 коп. сер. за десятину) под посев свекловицы собственными средствами завода. Завод обязан был всякого рода продукты, какие нужны будут для сахарного завода, покупать в городищенском вотчинном управлении по условным или существующим ценам. Позаботилось тут вотчинное управление и о своем горячем вине, обязав заводчиков не привозить его из других мест. Заводчики не имели права, без согласия владельца, ни передавать своего завода в содержание другим лицам, ни закладывать его в кредитных установлениях или у частных лиц. Кроме рафинадного завода, арендаторы имели право

[1]) Ibid., III, 366. Производство всех городищенских промышленных предприятий составило в 1860 году 4403118 рублей (Семенов, Словарь, I, 671). Тогда же промышленное производство Киева составляло 2347460 рублей (Семенов, Словарь, II, 623).

[2]) Точную дату устанавливает Записка администрации, учрежденной по делам торгового дома братьев Яхненко и Симиренко, читанная в общем собрании кредиторов в Киеве 27 января 1863 года (Звенигородка, 1863), с. 1. См. Стат. опис. Киев. губ., III, 61. У Клебановского в статье о фирме бр. Яхненко и Симиренко (Киев. Стар., 1896, III, 358) ошибочно указан 1846 год.

на заводской земле устраивать и другие заведения, связанные с свеклосахарным производством, или паровые мукомольные мельницы, с дополнительной оплатой; однако, они не имели права, без согласия главного вотчинного управления, устраивать такие предприятия, которые могли бы причинить ущерб вотчинным доходам Вотчинное управление позаботилось и о „крестьянских“ интересах. Весьма интересен пункт, касавшийся рабочей силы: „если бы для сахарного завода потребовались вольнонаемные рабочие люди, то заводчики обязаны в найме их отдавать всегда преимущество перед другими крестьянам владельца, желающим добровольно наниматься“. Этот параграф хорошо гарантировал интересы вотчинного хозяйства, несколько двусмысленно заботился об интересах заводчиков и уже совершенно недвусмысленно понимал „крестьянские“ интересы и значение „вольного“ найма в крепостном хозяйстве [1]). В 1854 году дополнительными статьями к договору фирме предоставлено было пользование заводскою землею, с правом продолжения работ на неограниченное время, причем ей разрешено было передать предприятие другому лицу, желающему вести фабричное производство, с сохранением всех прочих условий [2]). Фирма энергично взялась за устройство нового, огромных размеров, рафинадного и песочного завода и заводского городка при нем, между Городищем и Млиевом. Завод действовал уже в 1849 году, хотя еще не был вполне закончен [3]). Устройство завода обошлось (до 1849 года) фирме в 600 тысяч руб. сер., причем строения стоили $166^1/_2$ тысяч, машины—153 тысячи [4]). Заводы действовали при помощи паровых двигателей. Паровые и другие машины и аппараты были выписаны из Франции; установка их производилась ино-

---

[1]) Стат. опис. Киев. губ., III, 61—4. Клебановский (Киев. Стар., 1896, III, 358—59) излагает условия договора неточно (ср. Записка администрации, с. 1—2).

[2]) Записка администрации, с. 2—3.

[3]) В кампанию 1848/49 г. „на сем заводе производства еще нет“. (Сведения о свеклосахарной промышленности в России, с. 90—1).

[4]) Кнюпфер сообщает, что устройство городищенского завода обошлось до 1 милл. сер. руб. (Журн. мин. гос. им., 1852, ч. XLV, отд. 2, с. 92).

странными механиками. Организация завода проходила в довольно трудных условиях. Доставка и установка машин увеличивали цену их вдвое; при этом некоторые машины были повреждены или дальнею перевозкою, или ошибками при установке [1]). В первый же год лопнуло маховое колесо прессовой машины, что остановило действие завода и причинило фирме крупные убытки [2]). Далее, заводу, находившемуся вдали от больших городов, приходилось делать значительные запасы крупных материалов. Необходимость содержать при заводе дорого стоящих иностранных мастеров и целый штат комиссионеров (четыре комиссионера для раз'езда и восемь с помощниками, постоянно живущих при торговых сахарных конторах в Харькове, Одессе, Кременчуге, Николаеве, Бердичеве, Ростове, Севастополе, Москве)—требовали крупных расходов. „Немало затрудняет здешних заводчиков весьма худое состояние путей сообщения, отчего цены за привоз материалов или отправку сахара иногда чрезвычайно увеличивают расход". За провоз одного пуда от Городища до Харькова (430 верст) платили от 13 коп. до 1 руб. сер., в зависимости от времени года, состояния дорог, цен на овес, сено и т. п. Но это было общее бедствие современного хозяйства. Рафинадный завод был рассчитан на выпуск до 400 тысяч пудов рафинаду [3]) (переработка более миллиона берковцев свекловицы); валовой доход завода, при полном действии, составил бы ок. 3400000 сер. руб.; чистый доход—до 300 тысяч сер. руб. [4]). Число постоянных рабочих в 1860 году составляло около 850 [5]). Грандиозный по тому времени размах предприятия, „коммерческое основание" его, безукоризненное техническое оборудование, наконец, благоустроенный фабричный городок—изумляли современников [6]). „Городок вырос, как на дрож-

[1]) Стат. опис. Киев. губ., III, 61, 64—68.

[2]) Киев. Стар., 1896, III, 360.

[3]) Стат. опис. Киев. губ., III, 68—73. См. Киев. Стар., 1896, III, 360.

[4]) Похилевич, Сказания, 628—29.

[5]) Семенов, Словарь, I, 671. Общее число рабоч. и служ. на городищенск. заводах было 4 тыс. д. об. п. (Похилевич, Сказания, 629).

[6]) Интересен рассказ о посещении городищенского завода Шевченко (Киевская Старина, 1889, II, 459—64).

жах; на пустыре образовалась жизнь, и жизнь самая кипучая и деятельная: тысячи народа нашли там средства к жизни и работали на пользу фирмы и собственного существования". Фирма ловко воспользовалась международными событиями конца 40-х годов. Блокада Даниею прусских портов и закрытие входа в проливы в 1848 году прекратили сообщение Немецкого моря с Балтийским; привоз сахара в Петербург приостановился, и цены на него сильно возросли. Фирма продала свой сахар по высоким ценам, получив громадные барыши. „Конец 40-х и начало 50-х годов был момент полного расцвета фирмы; слава и известность ее были повсеместны в России; стояла она на пьедестале величия" [1]). Влияние фирмы на сахарный рынок было огромно. Размеры производства свеклосахарных заводов фирмы были весьма значительны.

Песочные заводы.	1845/46 г.	1848/49 г.	1860/61 г.	1864/65 г.
	(в тысяч. пуд.)			
Ташлыцкий (1843) . . .	6,7	10—20	27,6	36,3
Русскополянский (1845) [2]) .	—	10—15	34,6	13,8
Городищенский (1848) . .	—	—	72,9	43
Орловецкий [3]) (1835) . .	11,1	— (не был во владении фирмы)		
Все заводы вместе . .	17,8	20—35	135,1	93,1

Рафинадн. заводы,	1845/46 г.	1860 г.	1863 г.
	(в тысяч. пуд. и руб.)		
Ташлыцкий (1844) .	61 / 525	—	—
Орловецкий [3]) . .	11 / 95	—	—
Городищенский (1848)	—	342,8 / 2948,3	1760
Все заводы вместе .	72—620	342,8 — 2948,3	1760 [4])

[1]) Киевская Старина, 1896, III, 360, 364—67.

[2]) Русскополянский завод устроен фирмою на казенной земле (см. Записка, с. 5, пр. *б*).

[3]) Орловецкий песочный завод построен в 1835 года графом Потоцким (Обзор разл. отр., I, прилож., с. 6). Впоследствии здесь же был устроен рафинадный завод, который в середине 40-х годов был в течение 3-х лет в аренде у братьев Яхненко и Симиренко.

[4]) Таблицы составлены на основании данных: Стат. опис. Киев. губ.,

Таким образом, выделка сахарного песку на заводах фирмы увеличивается за первое пятнадцатилетие почти в $7^1/_2$ раз; за пятилетие первой половины 60-х годов (крах фирмы, она уменьшается почти на $^1/_3$ ($31{,}1^0/_0$). Рафинадное производство за первое пятнадцатилетие возрастает почти в пять раз (4,8). В следующее трехлетие (крах фирмы) оно уменьшается на $^2/_5$ ($40{,}3^0/_0$).

Интересным моментом в промышленной деятельности фирмы было устройство машиностроительного завода в Городище. Предшественник его—мастерская разного дела при ташлыцком заводе, изготовлявшая в 1847 году некоторые аппараты для городищенского завода [1]). Сложность технического оборудования огромного рафинадного завода, связанная с крупными расходами по выписке всех машин и мастеров из-за границы, выдвигала вопрос о расширении собственной мастерской, о постройке целого машиностроительного завода и подготовке местных мастеров. Представители фирмы ознакомились с постановкой этого дела на Западе. Были выписаны из-за границы (Франции, Бельгии, Англии) необходимые для завода машины и механики (из Франции) [2]). На устройство завода были затрачены крупные средства (около полумиллиона руб.). Предполагалось не только обслуживать техническую сторону предприятий фирмы; завод имел целью изготовлять машины (в том числе паровые) для фабрик и заводов, сельско-хозяйственные машины, пароходы и т. п. [3]). В начале 50-х годов завод был на полном ходу [4]). В середине 50-х го-

т. III, с. 58—9: данные 1845/46 года; см. ibid., с. 56), Сведений о свеклосахарной промышленности в России (с. 88—91: данные 1848/49 г.), Обзора разл. отр. (т. I, прилож., с. 6—7, 68—9: данные 1860 и 1860/61 г.), Статистического Временника Российской Империи (I, отд. 2, с. 49, 70: данные 1863 и 1864/65 г.).—В скобках дата постройки завода.

[1]) Стат. опис. Киев. губ., III, 76; Обзор различных отраслей, I, 131; II, 28—29.

[2]) Киевская Старина, 1896, III, 360—61; Обзор разл. отр., II, 29.

[3]) Киев. Стар., 1896, I, с. 104; III, 361; Обзор разл. отр., II, 29—30. Первый пароход („Украинец", в 40 сил), вышедший из городищенского завода, был спущен на Днепр в 1853 г. (Petzholdts Reise, S. 110; Киевск. Старина, 1896, II, 262; Обзор разл. отр., II, 30). В 1861 г. спущен на Днепр второй пароход (в 100 сил) из городищенского завода (Обзор разл. отр., II, 30).

[4]) Журн. мин. гос. имущ., 1852, ч. XLV, отд. 2, с. 92.

дов завод был расширен и стал принимать разнообразные заказы со стороны [1]). Работы производили обученные иностранцами местные мастера [2]). Современники, отдавая должное этому крупному предприятию, считали его расширение „ненужной“ для свеклосахарных предприятий фирмы, дорого стоящей затеей и едва ли не одной из главных причин краха фирмы [3]). Правда, эти отзывы преувеличены. Близко стоявшие к делу лица сообщали, что завод в среднем давал 25 тысяч годового доходу, который возрастал в иные годы до 50 тысяч. Изделия городищенского завода, бесспорно, имели большое значение для украинской фабрично-заводской промышленности (особенно свеклосахарной) того времени [4]). Конечно, конкуренция иностранных машин, в связи также с открытием в 50-х годах целого ряда машиностроительных заводов на Украине, была тяжела для городищенского завода [5]). Бесспорно, предприятие слишком расширило свою деятельность [6]). Но не это обстоятельство подорвало дела фирмы.

В середине 50-х годов городищенский завод представлял очень крупное предприятие. Фабричный городок, весьма

[1]) Обзор разл. отр., II, 29—30; Petzholdts Reise, 110. В 1860 г. на заводе было переработано в изделия—железа, чугуна и меди на 400 тысяч руб. слишком. Рабочих было 563 человека (Семенов, Словарь, I, 671).

[2]) Киев. Стар., 1896, III, 362—63.

[3]) „При основании его (млиевского механического завода) сделана та же ошибка, какая встречалась нам не раз на многих механических заводах наших: желают делать *все* (курсив автора), снабжая завод огромным комплектом разнообразных машин, принуждены иметь запас различных моделей и потом, раскладывая все издержки на произведения, принуждены назначать за них цены, справедливо пугающие покупателя. Млиевский завод построил несколько прессов для свеклосахарных заводов,—этим, кажется, и ограничивается его значение для них, тем более что, как мы слышали, он очень медленно выполняет заказы, не имеет запаса портящихся частей, и потому заводчикам выгоднее обращаться к машинному депо Дерона и Каля (французские заводчики) в Смеле“ (Обзор разл. отр., I, 122—23, 130—31).

[4]) Киевск. Старина, 1896, III, 361—64. Впрочем, общие отзывы Клебановского следует признать преувеличенными (см. Записка администрации, 19—21).

[5]) Оглоблин, Крепостная фабрика. См. Обзор разл. отраслей, I, 123; Историко-статист. обзор, II, гр. IX, с. 29.

[6]) См. Записка администрации, 19—21.

благоустроенный, был исключительным тогда на Украине явлением. В городке были фабричные казармы, по отзывам современников, вполне удовлетворительные в санитарном отношении. „Кроме величественного семиэтажного здания песочного и рафинадного завода для выделки сахара, на 260 десятинах арендной земли у князя Воронцова устроено было до 150 домов для служащих, каждый с особою усадьбою, огородом и садом... В городке были магазины, где все предметы необходимости и роскоши продавались по ценам с первых рук, в интересе дешевизны и выгоды служащих... При заводе была прекрасная больница, вмещавшая в себе более 100 кроватей, школа из 6 классов... почти все преподаватели были лица с университетским образованием. В городке красовалось громадное здание „главная контора“, в которой, кроме заведывания делами фирмы, за отсутствием в то время банков в крае, принимались деньги в заем на узаконенные проценты и выдавались из конторы тратты. В городке был свой театр... В заводе и везде в городке было газовое освещение“ [1]). Выразитель взглядов и интересов местного землевладения—польский публицист Падалица (Zenon Fisz) сообщает интересные детали о том впечатлении, какое производили в 50-х годах предприятия фирмы. „Между местечком (Городищем) и селом Млиевом виднеется фабричная труба над огромными каменными зданиями, вокруг которых расположено множество меньшего размера построек, составляющих как бы целый город. Вы догадываетесь, что это сахарный завод. Да, это сахарное производство (fabryka cukru), известное у нас под фирмою „братья Яхненко и Симиренко“... Почти все сахарные заводы у нас устроены помещиками (przez właścicieli ziemskich); но этот завод возник в совсем иных условиях. В то же время он служит интересным примером огромных выгод, доставляемых этой промышленностью. Отлично организованная фирма известна у нас везде под именем Ях-

[1]) Киевская Старина, 1889, II, 459; 1896, I, 104—105. Школа (с 7 преподавателями) была рассчитана на 150 учеников. Предметы преподавались по программам технических училищ (Киев. Стар., 1889, II, 459). Была в городке также библиотека (ibid.).

ненко, и сам глава ее не менее любопытный человек... На наших глазах, происходя из бедного сословия, имея всего несколько сот рублей, он стал одним из самых богатых купцов нашего края. Сахарная промышленность сразу подняла его на ту ступень, на которой он теперь находится. По мере того как росли его тысячи, расширялось производство его предприятий, и от фабрик обыкновенных размеров этот купец перешел теперь к обладанию заведением, не уступающим наилучшим заграничным, а в отношении продукции во много раз превышающим последние. Около тысячи рабочих и свыше ста служащих (officyalistów) находят тут постоянную работу; постройки городка освещаются газом; на всевозможных станках изготовляются паровые машины и пароходы... Оборотный капитал достигает цыфры в несколько миллионов... А что за разнородное общество составляет его постоянный кружок! Англичане, французы, немцы, русские, поляки, бородатые московские купцы, евреи и помещики (obywatele),—классы самые противоположные по образованию, достатку и образу жизни, постоянно встречаются тут в столовой за чаем, сидят бок о-бок в гостиных за преферансом. У нас, где классовое разделение (klassyfikacya) дошло до того, что целые поколения воспитались под этим влиянием, и ничто не соединяет их, эта смесь необыкновенно удивительна и для наблюдателя, каким я был не раз, доставляет множество редчайших картинок... О заводе Яхненко следовало бы рассказать еще очень много; однако, мы ограничимся вышесказанным и советуем каждому путешественнику по Украине побывать на городищенском заводе. Он найдет там образец общественности, любопытный со всех точек зрения, увидит много вещей, которые возможны только за-границей, а введенный в общество, собравшееся в гостиной, убедится, что эти баловни судьбы окружены всем, что только могут дать нам моды, роскошь, искусство и литература“ [1]).

[1]) T. Padalica, Opowiadania i krajobrazy. Szkice z wędrówek po Ukrainie, t. II (Wilno, 1856), str. 34, 158—64. Интересные отзывы о фирме Яхненко и Симиренко—Pamiętniki Bobrowskiego, II, 31—33, 423—24. „Из ничего Яхненко создал Городище, сделав его красивым промышленным центром и резиденцией промышленного и финансового владыки, обладающего

Кризис конца 50-х годов самым неблагоприятным образом отразился на делах фирмы. Изучение этого периода ее истории представляет большой интерес для выяснения положения капиталистического предприятия в общих рамках крепостного хозяйства. Крах фирмы в начале 60-х годов произвел огромное впечатление на современников. Внешне блестящее положение дел, непрерывные хозяйственные успехи, необычайное расширение предприятия—ничто не предвещало катастрофы[1]). Правда, более наблюдательные и вдумчивые современники с тревогой и сомнением присматривались к некоторым затеям фирмы; многих пугал небывалый размах предприятия. Для небольшой группы лиц катастрофа не явилась полной неожиданностью. Ее боялись, считали крах возможным, но в него не верили. Почти двадцатилетний золотой век фирмы слишком ослеплял общественное зрение. Когда разразилась катастрофа, об'яснить ее не сумели, хотя этому вопросу в тогдашней журнальной и специальной литературе уделено было много внимания. Быть может, ближе всего к разрешению вопроса подошел Е. Андреев, автор статьи „О свеклосахарном производстве“ в I томе „Обзора различных отраслей мануфактурной промышленности России“ (1862 г.). Он не ограничивается мелкими, второстепенного значения, причинами, обычно отмечавшимися в тогдашней прессе[2]). Рассматривая кризис свеклосахарной промышленности на рубеже 50-х и 60-х годов, он приводит в связь с ним катастрофу фирмы Яхненко и Симиренко, но, вместо серьезного экономического об'яснения ее, останавливается, в свою очередь, на мелочах. Правда, с ними также приходится считаться. Но, об'ясняя крах данного предприятия, они, конечно, не уяснят нам общей причины его гибели. Только с большими оговорками можно принять утверждение Андреева, что „дела того дома велись не на серьезном основании, что это была обширная фантасмагория, и

почти неограниченным местным кредитом, превышающим даже тот, которым пользовались увенчанные княжескими коронами его коллеги, владельцы огромных земельных пространств“ (Bobrowski, II, 32).

[1]) См. Киев. Стар., 1896, III, 367—73.

[2]) См. Обзор разл. отр., I, 129—32.

что долги делались не для того, чтобы правильно расширить предприятие, а чтобы как-нибудь протянуть чахоточное существование, пока еще можно было опираться на прежний кредит“ [1]). Имела значение банковая реформа 1859 года (консолидация банковых вкладов в пятипроцентные банковые билеты), которая взяла из обращения крупные капиталы. Дорого стóящие предприятия [2]), конечно, не всегда были необходимы. Бесспорно, к началу 60-х годов техника производства несколько отстала, управление делами предприятия устарело и утратило необходимое единство и гибкость [3]). Еще более важное значение имела конкуренция других рафинадных заводов. В середине 50-х годов на Правобережьи возникает несколько крупных рафинадных заводов [4]). Весьма показательно, что во второй половине 50-х годов кредит фирмы стал падать [5]). Впрочем, он держался даже в условиях денежного кризиса [6]). Как бы то ни было, комиссия, обследовавшая положение торгового дома в 1862 году, признала его „только неисправным, но не несостоятельным должником“ [7]): предприятие просуществовало еще около двух десятков лет [8]). Вышеуказанные обстоятельства, при всей их суммарной значительности, могли только вовлечь фирму в общее течение кризиса. Однако, не они погубили ее. Предприятия фирмы стали жертвой общего хозяйственного кризиса конца 50-х годов [9]). Ответ на интересовавший современников и не разрешенный ими вопрос может быть только один. Положение капиталистической фабрики в общих условиях крепостного хозяйства, при крепостном праве, совсем отлично от положения нормальной капиталистической фабрики. Судь-

[1]) В тексте, вероятно, опечатка: предмет.

[2]) Обзор разл. отр., I, 129—32. Ср. Bobrowski, II, 423.

[3]) Киевская Старина, 1896, III, 371—72.

[4]) См. Оглоблин. Крепостная фабрика.

[5]) Обзор разл. отр., I, 130—31.

[6]) Вестник промышленности, 1861, т. XIV, отд. 1, с. 39.

[7]) Записка администрации, с. 7.

[8]) Киевская Старина, 1896, III, 375.

[9]) Интересные сведения о крахе фирмы у Бобровского—Pamiętniki, II, 423—24.

ба капиталистического предприятия свеклосахарной промышленности еще более подчеркивает и углубляет это общее положение. Не надо забывать, что промышленные предприятия торгового дома бр. Яхненко и Симиренко представляли только небольшой оазис среди окружавшего их крепостного хозяйства, с его крепостной промышленностью, были не капиталистической, а только предкапиталистической (в условном понимании этого термина) фабрикой. Торгово-промышленный капитал, вмещенный в рамки крепостного хозяйства, — вот формула предкапиталистической фабрики. Наивно было бы думать, что „коммерческий расчет", на котором построено было единичное, хотя и крупное предприятие, сможет изменить общие хозяйственные условия. Наоборот, он неизбежно должен был войти с ними в известный практический контакт, ужиться с ними, а, стало быть, видоизменить свою сущность. Это была капиталистическая надстройка на крепостном фундаменте, и только ее экономическая природа и благоприятствующие условия хлебного рынка дали ей возможность продержаться. С другой стороны, нельзя забывать, что большинство—и, во всяком случае, все крупные предприятия — свеклосахарных заводов Киевщины действовало вольнонаемным трудом еще до крестьянской реформы [1]), и, таким образом, с этой стороны предприятия торгового дома Яхненко и Симиренко представляли не столь уже резкое исключение. Эта то связь предкапиталистической фабрики с крепостным хозяйством была основной причиной того, что она вовлечена была в общий хозяйственный кризис и, в данном случае, по существу не пережила его. Рассмотрим данные для этого периода истории фирмы Яхненко и Симиренко, которые имеются, правда, в скудном количестве, в нашем распоряжении. Первым формальным актом, определявшим юридическую природу фирмы и фиксировавшим ее экономическую мощность, был товарищеский договор, заключенный 14/VII 1858 года между Кондратом и Терентием Яхненко и Федором Симиренко. Договор этот устанавливал продолжение деятельности промышленных и торговых пред-

[1]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

приятий фирмы бр. Яхненко и Симиренко. Капитал фирмы определен был балансом по 1/X 1857 года в 1472200 сер. рублей, поровну от каждого участника. В договоре точно определялись капитальные статьи фирмы, права и обязанности членов торгового дома. Договор утрачивал силу по взаимному согласию членов-учредителей или их наследников [1]). Это была попытка закрепить правовое положение фирмы, необходимая ввиду ослабления тех родственных связей, на которых фирма до тех пор держалась [2]).

В 1862 году, во время киевских контрактов, фирма прекратила платежи. Положение фирмы к концу 1861 года, по данным комиссии, избранной собранием кредиторов, представляется в следующем виде. Актив составлял 5800745 р. 47¼ коп., пассив—4408265 р. 64 коп. [3]). Актив складывался из стоимости недвижимого имущества трех заводов (городищенского, ташлыцкого и русскополянского), домов и других построек в разных городах, разного рода фабричных и иных материалов, пароходов, барж и баркасов на Днепре и вообще всякой движимости, рафинада, долгового имущества и наличных сумм [4]). Оборотный капитал составил около 3 миллионов рублей. Собственный капитал фирмы был 1392479 р. 83¼ коп. [5]). Комиссия кредиторов находила лучшим средством к „сохранению собственности кредиторов“—учреждение акционерной компа-

---

[1]) Записка администрации, с. 4—6.

[2]) Киевская Старина, 1896, III, 370—73.

[3]) Несколько иную цифру пассива дает NN, автор статьи в № 66 Биржевых Ведомостей за 1862 год (см. Обзор разл. отр., I, 129—31). Цифра пассива у Бобровского (7 мил.—Pamiętniki, II, 423) неверна.

[4]) Записка администрации, с. 7. См. приложение к отчету, литера *a*.

Ташлыцкий завод	590000 р.
Городищенский завод	1448593 „
Русскополянский завод	537308 „
Пароходы, баржи, баркасы на Днепре	131199 „
Дома и строения в Киеве и др. гор.	93133 „
Всего	2800233 р.

(Обзор разл. отрасл., I, 130).

[5]) Записка, с. 7 (в тексте опечатка: 1392996 р. 83¼ к.). На 1/X 1857 г. капитал фирмы определялся в 1472234 р. 16 к. (ibid., приложение к отчету, литера *a*).

нии для продолжения производства на свой счет, заменяя акциями долговые документы [1]). Однако, это заключение было преждевременным. В том же году, по соглашению кредиторов с представителями торгового дома, была учреждена администрация по делам торгового дома. Администрации было поручено, актом уполномочия, произвести немедленно „подробную поверку балансов торгового дома и привести в известность как его имущество, так и настоящее положение заводов и мастерских", причем ей предоставлено было действовать „в отношении управления делами" „на правах полного хозяина" и дано право „по ее усмотрению, продать часть недвижимого имущества торгового дома и движимых наличностей заводских, единственно для составления оборотного капитала и для удовлетворения долгов, признаваемых Торговым Уставом первого разряда, а также долга княгине Воронцовой по договорам и сделкам городищенского завода с управлением ее светлости". Администрация обязана была ежегодно к 1 февраля представлять отчет общему собранию наличных кредиторов в Киеве. В состав администрации вошли: избранные кредиторами коллежский асессор Козаковский—директором администрации и швейцарский уроженец Енни [2])—членом администрации и представитель фирмы Василий Федорович Симиренко—членом администрации. Кроме того, „для содействия администрации и для посредничества между ею и кредиторами" постановлено было избрать совет из 5 членов, с местопребыванием в Одессе. Это постановление было утверждено одесским коммерческим судом, на основании определения одесского биржевого комитета [3]). Однако, со стороны одесской конторы государственного банка возникли некоторые сомнения в правомочности администрации, и только в августе месяце 1862 года администрация вступила в управление всеми делами торгового дома, в пределах предоставленных ей кредиторами прав [4]). Обследование

[1]) Записка, 7—8.

[2]) О Козаковском и Енни — см. Pamiętniki Bobrowskiego, II, 30—31, 124—28.

[3]) Записка, 8—13.

[4]) Ibid., 13—15, 17.

дел фирмы, произведенное администрацией, выяснило, что предприятие находилось в более тяжелом положении, нежели казалось вначале. Меры, принятые администрацией, имели только паллиативное значение, касаясь лишь текущей деятельности фирмы [1]). Общее заключение администрации, представленное собранию кредиторов в Киеве 27/I 1863 г., звучало довольно минорно. „Уменьшение в активе прилагаемого при сем на 1/IX 1862 г. баланса, против представленного торговым домом общему собранию кредиторов в феврале месяце прошедшего года (актив уменьшился на 387516 р. 51½ коп.), подтверждает высказанную уже комитетом, избранным 4/II, мысль, что актив торгового дома бр. Яхненко и Симиренко есть актив промышленный, совершенно отличающийся от актива чисто коммерческого [2]). Притом, приняв во внимание изложенное выше обстоятельство о долгах, следующих торговому дому, которые показаны в активе баланса 16/II 1862 года (долги членов фирмы), а также последствия условий, на основании которых торговый дом владеет русскополянским заводом, нельзя не придти к заключению о непрочности цифры принадлежащего торговому дому капитала, показанного в балансе 16 февраля". Администрация признала, что „учреждение акционерной компании, при существовании в балансе капитала промышленного, принадлежащего фирме, является предприятием, совершенно невыгодным для кредиторов". С другой стороны, „приняв в соображение характер означенного актива, тоже, если не более, следует сказать и о ликвидации долгов, так как имущество торгового дома состоит, большею частью, из различных построек на чужой земле, которые, при существовании в контракте с князьями Воронцовыми условия, в силу коего купить эти здания постороннему можно только на слом, представляют ценности, теряющие свое значение при реализации их посред-

[1]) Ibid., 15—23.

[2]) Комиссия кредиторов 1862 года замечала, что „его (торгового дома) актив есть актив *промышленный* (курсив записки), совершенно отличающийся по своему существу от активов недвижимых имуществ и чисто коммерческих" (Записка, 7).

ством ликвидации... Законная администрация есть единственно возможное средство для удовлетворения кредиторов торгового дома“ [1]). Нельзя поэтому согласиться с утверждением автора „Воспоминаний о фирме братьев Яхненко и Симиренко“ — П. Клебановского о том, что „дела фирмы обладали еще жизненностью до последних дней“ (он принимает цифру актива 5200000 р. без выяснения его хозяйственной природы), и что „не было, собственно говоря, надобности учреждать администрацию“ [2]). Действия администрации были одобрены общим собранием кредиторов, причем решено было „ежегодно из чистой прибыли отделять 15% для резервного капитала на случай могущих произойти убытков“. а из остающихся 85% „производить уплату ежегодно 4% по всем долговым обязательствам фирмы и затем остаток употреблять на удовлетворение капитала долга по каждому документу, сколько придется по расчету“. Для спасения предприятия необходим был кредит, но он был утрачен. Администрация подумывала „о займе у правительства суммы, необходимой для оборотного капитала“. Одно время ею были получены „благоприятные отзывы от одного из кредиторов в Петербурге, который, в видах общей пользы, принимает самое живое участие в этом деле“ [3]). Попытка оказалась неудачной. Администрация продолжала свою деятельность, но действия ее не спасли предприятия. „Справедливость требует сказать— писал современник,—что администрация вела дела не как добрый хозяин, а стала расширять предприятия, вышедшие и без этого за надлежащие пределы“. Была неудачная аренда (на 12 лет) александровского сахарного завода Грабовских (в Чигиринском уезде), перестройка которого обошлась администрации около 300 тысяч, а также ряд других предприятий. Положение администрации осложнилось еще тем, что истекал срок аренды земли городищенского завода, и управление имениями князя Воронцова, предполагавшее устроить собственный завод, не желало продлить действие арендного договора. Впрочем, в 1872 году договор был продол-

[1]) Ibid., 37—39.

[2]) Киевская Старина, 1896, III, 374, 376.

[3]) Записка, 49—52, 33, 39—40.

жен еще на 36 лет. Попытка представителей фирмы вернуть дело в свои руки закончилась неудачей. Не удалось, ввиду отказа князя Воронцова, и учреждение акционерного общества. Предприятие агонизировало, но протянуло до 80-х годов. По сообщению Клебановского, при окончательной ликвидации дел фирма уплатила казне долг полностью; кредиторы, будто бы, кроме 4% годовых, получили по 75 коп. за рубль [1]).

VI.

Процесс вытеснения дворянского предпринимательства из области суконной промышленности шел последовательно и неуклонно не только на Черниговщине. К середине столетия вотчинная суконная фабрика в Западной Украине вымирает. В начале 60-х годов (1861 год), еще до реформы, дворянская суконная фабрика—большая редкость на Волыни и Подолии.

	Общее число суконн. фабрик.	Число дворянских фабрик.
Волынь	45	2
Подолия	65	0 [2]).

Между тем в 1832 году в тех же губерниях было значительное количество дворянских суконных фабрик.

	1832 г. %	1861 г. %
Волынь	21,8	4,4
Подолия. . . .	53,9	0 [3]).

[1]) Киевская Старина, 1896, III, 374—76. Бобровский (Pamiętniki, II, 424) утверждает, что кредиторы фирмы не получили ничего.

[2]) Для составления таблицы взяты данные 1860 (для Волыни,—Семенов, Словарь, I, 541) и 1859 (для Подолии,—Обзор различн. отраслей, I, 169, таблица литера *Б*) годов (общее число предприятий суконного производства)—и 1861 года (вотчинные фабрично-заводские предприятия в помещичьих имениях,—Архив истории труда в России, кн. III, с. 148, 149). Число помещичьих суконных фабрик в этих губерниях едва ли изменилось в 1859—61 г.г.

[3]) Таблица составлена на основании данных Списка фабрикантам 1832 года, ч. I—II (См. Оглоблин, Крепостная фабрика) и данных 1860—61 г.г. (см. предыдущее примечание).

На самом деле, разница была еще более резкой. В 1828 г. в дворянских руках находилось $^2/_3$ (64,5%) всех суконных станов (фабричных) Волыни и $^7/_{10}$ (70%) суконных станов Подолии [1]). В середине столетия дворянская суконная фабрика в Подолии исчезла совершенно. На Волыни из 18 помещичьих фабрик, числившихся в 1828 году [2]), к 1861 году осталось только 2 (в том числе славутская фабрика) [3]). Число рабочих на помещичьих фабриках Волыни в 1859 г. составляло приблизительно 6% всех рабочих суконного производства [4]). Даже на Киевщине, где дворянская суконная фабрика сохраняет всю свою устойчивость до реформы, некоторые предприятия, и притом более крупные (хабенская фабрика), переходят в купеческие руки [5]). Только две дворянских фабрики (суконные) Киевщины пережили реформу, да и то одна (таганчская) переменила владельцев, а другая находилась в руках арендатора—иностранца [6]). На Черниговщине дворянские предприятия в 1832 году составляли 63,6%; перед реформой—22,2% [7]). Более устойчивыми оказались дворянские суконные фабрики в тех губерниях, где они занимали исключительное положение. Все суконные фабрики Херсонщины, Екатеринославщины, Харьковщины и Полтавщины находились в 1861 году в дворянских руках [8]),

---

[1]) Оглоблин, Крепостная фабрика. Фабрики, находившиеся в аренде Д. Бернштейн, в расчет не приняты. Если не считать дворянских фабрик, бывших в купеческом содержании, то этот процент уменьшится до 53,6%.

[2]) Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 77—95. Взято общее число дворянских фабрик (в том числе едва ли вотчинная фабрика дворянина Туровича в м. Вишневце, Кременецкого уезда), находившихся в непосредственном распоряжении дворянства.

[3]) Архив истории труда, III, 148; Stecki, Wołyń, t. I, str. 296—97.

[4]) Общее число рабочих на суконных фабриках в 1859 г. — Обзор разл. отр., I, 169, таблица литера *Б*; число крепостных рабочих в 1861 году—Архив истории труда, III, 148.

[5]) Архив истории труда, III, 148; ср. Сборник мин. фин., 1865, т. II, с. 381. Статистический Временник, I, отд. 2, с. 64; Похилевич, Сказания, 158—59.

[6]) Орлов, Указатель фабрик и заводов, 12—13.

[7]) Архив истории труда, III, 150; Домонтович, 270—72; см. Памятная книжка Черниговской губернии 1862 г., с. 54, таблица XI.

[8]) Архив истории труда, III, 149—50; Павлович, 205—206.

что способствовало их полному уничтожению после реформы. В 80-х годах во всех этих губерниях не было ни одной суконной фабрики, возникшей до 1861 года [1]). Реформа 1861 года была здесь датой смерти дворянской суконной фабрики.

Рассмотрим положение суконной промышленности в Западной Украине во второй четверти XIX века, в частности в 40—50-х годах. Эта часть Украины особенно интересна ввиду того, что здесь еще в первой четверти столетия определилось соперничество купеческой и дворянской фабрики. Два основных явления сразу бросаются в глаза. Прежде всего характерно то, что крепостная фабрика вымирает здесь еще до реформы. Так, в Подолии в 1861 году была только одна вотчинная фабрика [2]); помещичьи суконные фабрики, столь распространенные тут в 20-х и в начале 30-х годов [3]), исчезли. В свое время помещичьи суконные фабрики занимали первое место в общем ряду фабрично-заводских предприятий Подолии. Они обслуживали нужды помещичьего хозяйства и продавали часть своих сукон на местном рынке [4]). Впоследствии их число сокращается (в общем масштабе суконного производства губернии они занимают довольно незначительное место) [5]), а ко времени реформы вотчинная суконная фабрика вымирает. Ту же тенденцию мы замечаем и на Волыни. Но нас поражает не это обстоятельство, само по себе весьма существенное, а значительное увеличение общего числа суконных фабрик.

Годы.	Волынь.	Подолия.
1832	55	13
1843	71	84 [6]).

[1]) Орлов, Указатель, 6—21. Единственная суконная фабрика (Неклюдовой, на Полтавщине) заведена была в 1875 году (ibid., 17).

[2]) Архив истории труда, III, 149.

[3]) Журн. ман. и торг., 1831, № 10, с. 36—47; Список фабрикантам 1832 г., II, 586—88.

[4]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

[5]) См. Тверитинов, 122; ibid., таблица № 13.

[6]) Таблица составлена на основании данных Списка фабрикантам 1832 года (ч. I—II) и Киевского календаря на 1845 год (с. 36).

За 12 лет число фабрик увеличилось: на Волыни—почти на $^1/_3$ ($29{,}1\%$); в Подолии—в $6^1/_2$ раз. Далее оно продолжало увеличиваться в течение 40-х годов. Во второй половине 40-х годов в Подолии оно достигло крупной цифры — 105 [1]). Важно установить размеры суконного производства. В среднем производство одного предприятия в 1843 году составляло:

	(В руб. сер.).
Волынь	4499,$_8$
Подолия	2761,$_9$ [2]).

Начало быстрого роста числа суконных фабрик на Волыни и Подолии совпадает с изменением таможенной политики Империи в отношении Царства Польского в начале 30-х годов [3]). Указ 11/III 1832 года разрешал суконным фабрикантам, мастерам и рабочим, живущим в Царстве Польском, переселяться в Империю [4]). Более важно то, что тут перед нами продолжение старой промышленной традиции. В начале столетия Волынь и Подолия занимали первые места (первое и второе) по суконному производству на Украине [5]). Количество фабрик растет, производство их увеличивается, и—что интереснее — развиваются, главным образом, не вотчинные предприятия, а фабрики с вольнонаемным трудом, нередко основанные иностранными купцами и фабрикантами [6]). Правда, в этом развитии суконной промышленности в Западной Украине мы можем заметить перебои, связанные с военными событиями того времени и таможенной политикой Империи. Так, после 1815 и особенно 1819 года, когда Правобережная Украина была наводнена сначала прусским, а затем польским сукном, суконное произ-

[1]) Тверитинов, 122. Ведомость 1846 г. (Журн. ман. и торг., 1847, ч. II, с. 459) указывает их 90.

[2]) Данные 1843 г. заимствованы из Киевск. календаря на 1845 г. (с. 36).

[3]) См. I главу настоящей книги.

[4]) II П. С. З., т. VII, № 5224.

[5]) Зябловский, Статистическое описание, ч. V, с. 11.

[6]) См. разд. I настоящей главы.

водство Волыни и Подолии сокращается, часто (в Подолии) замыкаясь в рамках вотчинного хозяйства [1]). С начала 30-х годов, когда доступ польским сукнам в пределы Империи был затруднен, начинается новый рост волынской и подольской суконной промышленности. Много мастеров и ремесленников, преимущественно немецкого происхождения, переселяется на Киевщину, Волынь и, особенно, Подолию из Польши и даже непосредственно из Пруссии [2]). Эта новая волна немецкой промышленной колонизации оказала существенное влияние на фабрично-заводскую промышленность Правобережной Украины, в частности, в области суконного производства. До 30-х годов переселение немецких колонистов на Волынь подвигалось медленно. Всего переселилось около 1 тыс. человек, образовавших 5 поселений (главным образом, во Владимирском и Ровенском уездах). После восстания 1830—31 г. усиливается иммиграция иностранных колонистов в пределы Волыни, преимущественно в Луцкий уезд (а также Ровенский и Житомирский), где в 30-х годах возникает промышленный центр в м. Рожище (суконные фабрики). В период с 1830 по 1860 год в Волынскую губернию переселилось 11424 душ, основавших 139 колоний. Из 13711 иностранных колонистов, числившихся в 1861 году на Волыни,—67,9% были выходцы из Царства Польского; 32,1% — иностранные подданные [3]). Уже в списке суконных фабрикантов Подолии 1832 года находим в м. Дунаевцах 2„фабрикантов“, несомненно, прусских подданных, которых здесь не было в 1828

[1]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика, и главу I настоящей книги.

[2]) Забелин, Военно-статистическое обозрение Волынской губ., 164—66. См. Стат. опис. Киев. губ., I, 263—65, III, 237; Похилевич, Сказания, 140, Памятная книжка Киевской губернии на 1858 год, с. 93.

[3]) Забелин, 163—67. По данным Забелина с. 166), рост иностранной колонизации на Волыни представляется в следующем виде:

	Поселений.	Душ.
С 1787 по 1800	1	245
„ 1800 „ 1830	5	1001
„ 1830 „ 1860	139	11424

В 1843 году на Волыни было: колонистов—2794, иностранцев—609 (Киев. календ. на 1845 г., с. 24).

году [1]). Новые поселенцы ориентируются на старые центры иностранной колонизации. Они обосновываются целыми колониями в Немирове, Дунаевцах и других местечках Подолии (и Волыни) и устраивают там „сукнодельные заведения“ [2]). В 1846 году в Дунаевцах (Ушицкого уезда) было 76 суконных „фабрик“, с производством в 13 тыс. сер. рублей; в Немирове (Брацлавского уезда) было тогда же 17 суконных „фабрик“, с общим производством в 12 тысяч сер. рублей [3]). Весьма интересны позднейшие списки суконных фабрикантов Правобережья. В 1878—79 г. из 41 суконных фабрикантов Волыни—26 были прусские подданные, 1— австрийский, 3 немецких колониста. Из них 25 было в м. Рожище (Луцкого уезда). Из этих 30 фабрик возникло: до 1830 года—2; в 1830-х г. — 6 (из них 5 с 1830 года); в 1840-х годах—5; в 1850-х годах—12. Остальные 5 фабрик возникли в 1860-х годах. Тогда же в числе 60 суконных фабрикантов Подолии было 42 прусских подданных (41—в Дунаевцах и 1—в Немирове) и 1 австрийский (в Дунаевцах). В Киевской губернии из 15 суконных фабрикантов—12 были прусские подданные (их фабрики—в Коростышеве, Радомысльского уезда,— возникли, главным образом, в 60 — 70-х годах; только 3 фабрики старше реформы 1861 года) [4]). Бесспорно, этот процесс начался еще в первой половине столетия, особенно после 1830 года. В 40-х годах эти „фабрики“ выделывали, главным образом, низшие сорта сукна, рассчитанные на широкий сбыт. Впрочем, некоторые фабрики изготовляли и более тонкие сукна. Эти изделия расходились на местном рынке и отправлялись в Киевскую и Волынскую губернии,

[1]) Список фабрикантам 1832 г., II, 587. Ср. Труды Киевского вспомогательного комитета 1882 г., с. 235. См. Журн. ман. и торг., 1831, № 10, с. 37—48.

[2]) Обзор разл. отр., I, 180. В Подолии в 1843 году числилось: колонистов—5317, иностранцев—1496 (Киев. календ. 1845 г., 24).

[3]) Тверитинов, 122. В 1859 году в Дунаевцах числилось 56 „сукнодельных заведений“; в Немирове—5 (Обзор разл. отраслей, I, 180).

[4]) Труды Киевского вспомогательного комитета, с. 231—36. См. Орлов, Указатель, с. 7, 12—13, 17; Забелин, 294; Похилевич, Уезды Киевский и Радомысльский, 169. В 1843 году в Киевской губ. было: колонистов—215, иностранцев—987 (Киев. кал. 1845 г., 24).

а также в Бессарабию [1]). Само собою разумеется, перед нами предприятия кустарного типа [2]). Арсеньев, побывавший в Дунаевцах в 1845 году, сообщает о „значительной фабрикации сукон, выделываемых по домам обывателей“ [3]). Весьма интересные сведения о суконном и полотняном производстве в м. Коростышеве сообщает Статистическое описание Киевской губернии. „Лет двадцать тому, несколько семейств иностранцев, выходцев из Царства Польского, поселились в этом местечке и занялись почти исключительно выделкою сукна и полотна. Неизвестно, от них ли переняли коростышевские жители это мастерство, или еще прежде занимались им; только в настоящее время считается там 16 мастерских этого рода, из числа которых в десяти приготовляют пряжу и ткут, в двух красят, в двух ткут холст, а иногда и шерсть, и в двух стригут и ворсуют сукно; хозяева двух последних мастерств сами разводят ворсильные шишки. Во всех этих мастерских действует следующее число машин: прядильных—15, ворсовальных—17, постригальных—2, волчков—17, ткацких станков: для сукна—18 и для полотна—26; из последних—6 принадлежат иностранцам, все прочие—местным жителям. Каждая штука сукна выделывается соединенными силами нескольких фабрикантов и переходит из одних рук в другие до окончательной отделки. Шерсть, краски и другие материалы покупаются в Бердичеве или получаются от купцов в обмен на сукно. Выделывается ежегодно до 320 штук сукна, на сумму до 2600 р. сер. Многие из значительных статей расхода, свойственных большим суконным фабрикам, как-то: на жалованье и содержание мастеров, рабочих и оффициалистов, на многие материалы, нужные для выделки высших сортов, на доставку этих материалов, на проценты с огромных вкладочных капиталов и тому подобное—все эти статьи не существуют в малой фабрика-

---

[1]) Тверитинов, 122, 129. Сукна изготовлялись ценою от 75 к. до 2 р. аршин (ibid., 122. От 70 к. до 1 р. 50 к.,—Обзор разл. отр., I, 180).

[2]) В 1859 году из 65 „сукнодельных заведений“ имели: 16 стан.—1; 8 ст.—1; 3—4 ст.—14; 1—2 ст.—43; 6 заведений занимались лишь отделкою сукон (Обзор разл. отр., I, 180).

[3]) Журн. мин. вн. дел, 1845, ч. XII, с. 100.

ции коростышевских сукон, и весь ее расход не превышает половины выручки, т. е. в чистый доход фабрикантам остается около 1300 р. сер., что составит, средним числом, до 80 р. сер. на семейство, не считая прибыли от выделки полотна. Высшая цена выделываемых ими сукон до 2 р. сер. за аршин; но такого сорта делают очень мало, а обыкновенно ценою в 1 р. 50 к. и в 1 р. 30 к. сер. аршин. Если оказывается надобность в высшем сорте, то для окраски и окончательной отделки таких штук посылают их на хабенскую суконную фабрику" [1]). Такой же характер носила выделка полотен в меннонитских колониях в Бердичевском уезде [2]).

Изменения в таможенной политике Империи 50-х годов по отношению к Царству Польскому должны были оказать влияние на фабрично-заводскую промышленность Пра-

[1]) Стат. опис. Киевск. губерн., III, 237—38. 11/XI 1833 года коростышевские „Фабриканты" Шульц и Лейбнер просили допустить их в 1834 году к поставке в Комиссариат 15 тысяч выработанного ими сукна. В своем заявлении они писали: „имев свое жительство Царства Польского, Ленчицкого повета, в г. Скирше, производили мы выделку разных сукон на собственных своих фабриках; по открытии же мятежа, оный город подверся совершенному разорению от военных действий, и мы лишились всего нашего достояния". Они переселились в Коростышев, „где, устроив свои мастерства, открили уже промысл свой, делая первоначально сукны нижшего достоинства. Но как мы встречаем отяготительные, по нынешнему нашему состоянию, препятствия в сбыте наших произведений и при том подвергаемся прихотливым условиям от покупщиков, на которые принуждены соглашаться по бедности нашей и неимения способов к поддержанию своих фабрик,—то мы решились делать сукны по образцам для императорских войск установленные". Местная администрация подлержала это ходатайство, но министерство финансов, по формальным соображениям, отказало (Киевский Центрархив, генерал-губернаторский архив, хозяйственное отделение, 1833 год, № 424).

[2]) Стат. опис. Киевск. губ., II, 529—30; III, 237—38. „Доход, получаемый менонистами, вдвое более дохода, какой получают помещики с земли своих имений". Это происходило от содержания улучшенной породы скота и от ткачества (ibid., II, 531). Эта колония поселена в конце XVIII века Протом Потоцким (о колонии—Стат. опис. Киев. губ., II, 522—34. См. Оглоблин, Крепостная фабрика). См. Журн. мин. гос. им., 1847, ч. XXIV, отд. 1, с. 73, 72 (Сквира).

Домашнее производство сукна и полотна было развито также в немецких колониях Екатеринославщины (см. Журн. ман. и торг., 1829, № 7 с. 65—6).

вобережной Украины. Широкий доступ в Империю изделий польской текстильной промышленности неблагоприятно отразился на украинской индустрии. Мы видим в течение 50-х годов сокращение числа суконных фабрик Правобережной Украины, особенно заметное на Волыни и Подолии.

	1843 г.	1846 г.	1852 г.
Волынь	71	73	56
Киевщина. . .	13	11	8
Подолия	84	90	46 [1]).
Всего . .	168	174	110

Однако, польская текстильная промышленность в 30—40-х годах сосредоточила свое внимание, главным образом, на хлопчатобумажном производстве. Общие условия ее развития в то время лишили ее возможности сразу воспользоваться открытием для нее украинского рынка [2]). Ввоз сукна из Царства в Империю в 50-х годах рос сравнительно медленно. Неудивительно, что суконная промышленность Правобережной Украины скоро оправилась от первого сильного впечатления. К тому же самая организация ее (на Волыни и Подолии) давала ей возможность выдерживать некоторое время конкуренцию польских фабрик. Число суконных фабрик растет.

Годы.	Волынь.	Подолия.
1852 . . .	56	46
1854 . . .	34	48
1859 . . .	42	65 [3]).
1863 . . .	43	61

[1]) Таблица составлена на основании данных Киевского календаря на 1845 г. (с. 36) и Журн. ман. и торг., 1847, ч. II, с. 459; 1853, ч. IV, с. 325.

[2]) Янжул, op. cit., 43.

[3]) Таблица составлена на основании данных: Журн. ман. и торг., 1853, ч. IV, с. 325 и 1855, ч. IV, с. 353; Обзора разл. отр., I, с. 169, таблица литера *Б;* Сборн. мин. фин., 1865, т. II, с. 394.

Губернии.	В среднем производство одного предприятия (в руб.)			В среднем на одну фабрику раб.		В средн. на одн. рабоч. производ. (в руб.)	
	1843	1859	1863	1859	1863	1859	1863
Волынская . . .	4499,8	7785,7	8666,1	16	14	480,9	609,9
Киевская. . . .	50097,7	6662,5	85635,8	187	238	355,3	358,6
Подольская. . .	2761,9	5846,2	2278,7	12	6	463,4	372,1

Таким образом, за 1843 — 1859 г.г. в положении суконной промышленности Правобережья произошли следующие перемены:

	Число предпр. % %	Сумма произв. % %
Волынь . . .	— 40,9	+ 73
Киевщина . .	— 38,5	+ 32,9
Подолия . . .	— 22,6	+ 111,7 [1]).

Это развитие кустарной суконной промышленности в Правобережной Украине в деталях своих очень напоминает историю польской суконной промышленности в эпоху конгрессового королевства [2]). Развитие кустарной промышленности подрывало соответствующие отрасли крепостной промышленности. „Сукнодельные заведения“, как их иногда осторожно называли современники [2]), были серьезным и опасным конкурентом помещичьей фабрики. Природа кустарного предприятия была экономически более мощной, практически более гибкой, нежели крепостная организация вотчинной фабрики. Капиталистическая сущность кустарного производства делала „сукнодельные заведения“ Волыни и Подолии устойчивою и прогрессивною формою крупной промышленности. Заметно выделяющее Волынь и Подолию повышение производительности труда в 50-х го-

[1]) Таблицы составлены на основании данных: Киев. кал. на 1845 год, с. 36), Обз. разл. отр. (т. I, таблица лит. *Б* к стр. 169) и Сборн. мин. фин. (1865, т. II, с. 373, 381, 394).

[2]) См. Воблый, ч. II, гл. 2—3.

[3]) Обзор разл. отр., I, 180.

дах [1]) в значительной степени обязано новой промышленной организации. Исключительная ориентация на рынок (притом местный) ставила иностранные предприятия суконной промышленности Западной Украины в весьма выгодные условия. Учитывая потребности рынка, ловко и оборотливо приспособляясь к его запросам, новая промышленность сумела обжиться с ним, легко и незаметно стать ему необходимой, вытеснив вотчинную фабрику. Она не ограничивается далее только губернским рынком, выглядывает и на соседние рынки (Киевщина, Волынь, Подолия, Левобережье), даже в Бессарабию [2]). Уже самый факт развития новой промышленности намечал ликвидацию вотчинной суконной фабрики в Подолии и на Волыни. Выход помещичьего хозяйства во второй половине 40-х годов из аграрного кризиса указывал практическое разрешение вопроса. Неудивительно, что в Подолии дворянская суконная фабрика исчезает задолго до реформы [3]). На Волыни ее положение было несколько устойчивее. Связь местных суконных фабрик с казенными поставками, требовавшими более крупных размеров предприятий, и отчасти индивидуальные особенности некоторых предприятий несколько задержали здесь ликвидацию вотчинной фабрики. Но прекращение казенной поставки [4]) подрывало последние дворянские предприятия суконной промышленности. Ко времени реформы здесь уцелели только 2 крепостных фабрики (суконных) [5]), из которых одна (славутская) находилась в особо благоприятных условиях [6]).

---

[1]) См. главу I настоящей книги, разд. 5.

[2]) Аксаков, 180; Стат. опис. Киев. губ., III, 562—63; Тверитинов, 129.

[3]) См. Архив истории труда, III, 149; ср. Обз. разл. отр., I, 180.

[4]) Арсеньев в 1845 году упоминает о переводе комиссариатской комиссии из Дубно в Брест (см. Журн. мин. вн. дел, 1845, ч. XII, с. 94), в 1840 г., что было, вероятно, в связи с прекращением казенной поставки сукон волынскими фабриками. См. II П. С. З., т. XV[1], № 13405.

[5]) Архив истории труда, III, 148. Это были—славутская фабрика кн. Сангушко (Заслав. уезд), основанная в 1817 году, и берестечская фабрика помещика Витославского (Дубен. уезд), возникшая в 1840 году (см. Труды Киевского комитета, 231—32; Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 77).

[6]) Tęgoborski, II, 389.

Зато на Киевщине, и чем восточнее—тем сильнее, вотчинная суконная фабрика удерживается, но лишь там, где купеческая суконная фабрика почти или вовсе отсутствовала (Полтавщина, Харьковщина), и там, где дворянская фабрика (особенно, крупные предприятия) сумела приспособиться к новым хозяйственным условиям и закрепить свое положение на рынке (Киевщина) [1]). Вот почему дворянская суконная фабрика на Киевщине просуществовала до реформы и даже пережила ее. Зато на Черниговщине, с сильно развитой капиталистической промышленностью (суконной), вотчинная фабрика если и дожила до реформы, то, во всяком случае, не пережила ее. Интересные наблюдения над иностранными ремесленниками на Левобережьи (Полтавщина) в 1836 году сообщает Шмальц. Другую колонию (немецкую)... нашел я близ Полтавы [2]); она состоит из суконщиков и ткачей, которые незадолго прибыли из Саксонии, именно—большею частию из фабричного городка Криммичай (Криммитау?). Но добрые саксонцы, кажется, несколько ошиблись в своих расчетах: судя по обстоятельствам и по капиталам их, они не могут соперничествовать с большими фабриками, не будучи в состоянии употреблять ни дорогих машин, ни многих других пособий, введенных богатыми фабрикантами; потому и изделия их не могут равняться с изделиями последних ни дешевизною, ни чистотою отработки, и они по необходимости принуждены ограничиваться выделкою простых солдатских сукон, фланелей, грубых шерстяных одеял и т. п. Но для выгодного сбыта солдатских сукон нужно

---

[1]) Ibid.; см. Журн. мин. вн. дел, 1837, ч. XXV, с. 495—98.

[2]) Речь идет, повидимому, о колонистах (ремесленниках), вышедших в Полтавщину в 1809 году из Богемии, Моравии и Саксонии и поселенных в Полтаве, Кременчуге и Константинограде. Весьма интересные сведения о немецких колонистах-„фабрикантах“ в Полтавской губернии в 1810 году сообщает кн. И. М. Долгорукий (Чт. Моск. Общ. Истории и Древностей, 1869, кн. II, отд. 2, с. 82—4, 95). См. 1 раздел настоящей главы. В 40-х годах они занимались выделкой сукна и фланели (Аврандаренко, II, 75). В 1850 году в Полтавской губернии числилось „иностранных фабрикантов“ 483 д. об. п.; из них в Константиноградском уезде было 225 д., в Полтавском—258 д. (Н. Маркевич, О народонаселении Полтавской губернии, таблицы, №№ 2, 5,—Труды комиссии для описания губерний киевского учебного округа, т. III, Киев, 1855).

вступать в подряды; а для сего потребны капиталы, которых у них нет. Таким образом, товары часто скопляются, небольшой капитал лежит мертвым, и они не в состоянии иногда бывают купить даже сырых произведений, чтобы маленькие свои фабрики не оставлять в бездействии. На родине своей получали они работу от больших фабрик; им давали пряжу, из которой они ткали сукно и возвращали его в грубом состоянии фабриканту, за хорошую плату; этим способом выигрывал фабрикант, потому что мог содержать меньшее число подмастерьев и получал работу лучшего качества; семейство же суконщика добывало хотя небольшое, однакож достаточное пропитание. Вероятно, ожидали они совсем иного в окрестностях Полтавы; они хотели сделаться здесь самостоятельными фабрикантами... Товары, которые я здесь видел, хороши и весьма прочны. Недостает отделки, но это неудивительно; они нуждаются во многих машинах“ [1]). Неудача саксонских суконщиков здесь об'яснялась не только устойчивым положением местной дворянской фабрики. Необходимо принять в расчет положение левобережного суконного рынка, захваченного, с одной стороны—польской и правобережно-украинской, а с другой стороны—русской промышленностью.

Тяжелое положение дворянской суконной фабрики осложнилось в середине столетия еще тем, что помещичьи предприятия уже не могли скрываться, в неблагоприятные для

[1]) Журн. мин. вн. дел., 1837, ч. XXV, с. 257—59. В 40-х годах положение некоторых иностранных колонистов-ремесленников на Полтавщине было значительно лучше: в колонии близ Полтавы в середине 40-х годов было 40 станов и 159 рабочих; выделывалось в год ок. 32 тыс. аршин солдатского сукна, вероятно, поставлявшегося в Комиссариат (см. II П. С, З., т. XVI², № 14995; кроме того, более 40 тыс. аршин фланели и до 1600 фланелевых одеял „превосходного качества“ (Аранцаренко, III, с. 8). Зато в Константиноградском уезде „поселенные здесь колонисты сукнодельцы, производя фабричное сукно для солдатской одежды, состоянием своим не выказывают значительных от своего изделия выгод, не приносят фабрикации края пользы доставлением для фабрик мастеров и не принимают никакого участия ни к устройству, ни к промышленности города“ (Аранцаренко, III, 257). Этот отзыв был повторен в начале 60-х годов в официальном издании Материалов для составления предположений об улучшении общественного управления в городах. (Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г.—Спб., 1863, ч. II, Полтавская губерния, с. 6, примечание).

себя годы, за казенной поставкой [1]). К середине столетия мы замечаем на Украине сильное сокращение дворянской поставки солдатских сукон. В 1832 году мы можем насчитать 17 дворянских фабрик [2]), занятых этой поставкой. На 1859 год суконную поставку взяло на себя 6 фабрик [3]). Общие размеры этой поставки в 1859 году составили 71925 аршин сукна, что составляло менее 4% всей поставки Империи [4]). Таким образом, в 1859 году лишь $^1/_5$ часть (20,7%) всех помещичьих суконных фабрик [5]) участвовала в поставке сукон, причем все фабрики (кроме одной), поставлявшие в казну, были на Левобережьи [6]). Дворянская фабрика теряла последнего своего союзника.

---

[1]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

[2]) Это были суконные фабрики (1832 г.): гр. Плятера, кн. Сангушко (5), гр. Потоцкой—в Волынск. губ.; Брискорн—в Екатериносл. губ.; кн. Сангушко, Челищева—в Киевск. губ.; кн. Юсупова—в Полт. губ.; кн. Голицына, Маркова—в Слободско-Украинск. губ.; кн. Разумовского, гр. Румянцева, Самойловича и Уваровой—в Черниговск. губ Указанный подсчет сделан на основании сопоставления данных 1828 года (Журн. ман. и торг., 1829, № 7; 1831. №№ 2, 4, 11) и 1832 года (Список фабрикантам 1832 г., I—II. Относительно батуринской фабрики кн. Разумовского—см. Журн. ман. и торг., 1853, ч. IV, с. 212—13).

[3]) Это были фабрики: Струкова—в Екатериносл. губ.; Муравьева-Апостола, гр. Строганова, кн. Юсупова—в Полтавской губ.; кн. Голицына—в Харьковской губ.; кн. Урусовой—в Черниг. губ. (Журн. ман. и торг., 1859, т. V, отд. 7, с. 8, 17, 23, 25, 27). В 1860 году подряд взяли фабрики—Голицына, Строганова, Струкова, Урусовой, Юсупова и фабрика Маркова (в Харьковской губ.) (Журн. ман. и торг., 1860, т. IX, приложение, с. 10, 19, 28, 29, 32).

[4]) Журн. ман. и торг., 1859, т. V, отд. 7, с. 1—28. В 1860 году общее количество поставки несколько повысилось (до 83500 арш.), но отношение ее ко всей поставке Империи не изменилось (см. Журн. ман. и торг., 1860, т. IX, приложение, с. 1—32).

[5]) Архив истории труда, III, 148—50 (цыфры относятся к 1861 году но они едва ли отличаются от цыфр 1860 года; мы добавили только фабрику Струкова в Екатериносл. губ., несомненно существовавшую в 1860 году и не указанную в ведомости 1861 года).

[6]) Из общего числа 29 фабрик—19 были на Левобережьи. Из них поставляли сукна в казну около $^1/_3$ (31,6%). Весьма характерно, что из недворянских суконных фабрик в 1859—60 г.г. поставляли сукно в казну только заведения полтавских и константиноградских колонистов. В 1859 году эта поставка составляла 9660 аршин; в 1860 году—только 8 тысяч аршин (Журн. ман. и торг., 1859, т. V, отд. 7, с. 19; 1860, т. IX, приложение, с. 23). См. Павловский, Полтава, 116.

VII.

Расширение сферы влияния торгового капитала в области дореформенной промышленности создавало новые экономические формы, новые хозяйственные отношения. То обстоятельство, что преимущественное внимание торгового капитала направилось в сторону суконного и свеклосахарного производства, наиболее близких для вотчинного хозяйства, наиболее интересных для него отраслей промышленности, не могло не воздействовать на весь уклад крепостного хозяйства, в первую очередь на вотчинную фабрику. Взаимоотношения крепостного хозяйства и предкапиталистической фабрики были довольно сложны, запутаны чрезмерной индивидуализацией места, времени и производства, не оставались неизменными, а непрерывно изменялись. Дилемма: сельское хозяйство—„фабричность" была, в сущности, только внешней, теоретической оболочкой, скрывавшей подлинную суть интересного экономического конфликта. Необходимо сначала установить статическое (в известных условиях) взаимоотношение двух экономических форм, а затем уже проследить их динамическую борьбу. Купеческая фабрика—наиболее общее выражение капиталистического дореформенного предприятия—была прежде всего конкуренткой дворянской (крепостной) фабрики на рынке. Правда, основательность и острота этой конкуренции зависели от целого ряда местных условий, иногда почти совершенно устранявших промышленную конкуренцию. Противоположность тех устоев, на которых покоилась та и другая форма, ставила их иногда в такие условия, при которых эта конкуренция принимала вовсе отвлеченный характер; отдельные группы предприятий вели свою работу изолированно друг от друга. Нередко купеческая и дворянская фабрики размежевывали свои интересы на рынке. Суконная промышленность северной Черниговщины, где ярко представлена была купеческая фабрика, долгое время интересовалась только дальними рынками, русскими и заграничными (Китай). На украинских ярмарках, даже в середине столетия, мы почти не встречаем ее изделий. Когда же далекие рынки сбыта стали для нее недоступ-

ными, она специализирует свое внимание и работу на выделке известных сортов сукна (средние сорта) и отчасти некоторых видов шерстяных изделий (чулки). Дворянская суконная фабрика Черниговщины обслуживала, главным образом, казенные нужды, изготовляя солдатские сукна (и вообще низшие сорта), или же занимала совершенно независимое место на рынке, представляя высшие сорта сукна и некоторых шерстяных тканей. Расширяя масштаб нашего рассмотрения, мы можем заметить противоречие практических интересов купеческой и дворянской фабрики в области суконной промышленности, в известные моменты их деятельности. Иногда мы находим это также в пределах одного и того же промышленного района: на Волыни в 20—30-х годах несомненна конкуренция купечества и дворянства в области суконной промышленности, причем не трудно заметить возможные перспективы этой конкуренции [1]). Когда сталкивались враждебные промышленные интересы купеческой и дворянской фабрики, исход этого столкновения мог быть только один. Вся тяжесть вопроса заключалась в том, когда это произойдет, и этот то промежуток, эта передышка для крепостной фабрики и составляет одну из характернейших черт понятия предкапиталистической фабрики. И в первом и во втором случае, при отсутствии указанной конкуренции и при наличности ее, крепостная фабрика располагала этой передышкой, более продолжительной и спокойной—в одном случае, и более короткой и напряженной—в другом. Перед нами разные количественные признаки одного и того же экономического качества — крепостного хозяйства при крепостном праве. Гораздо более существенным и острым было столкновение фабрики с вольнонаемным трудом (купеческой) с общими интересами крепостного (вотчинного) хозяйства. Вопрос о рабочей силе тут имел особенную вескость. Если в северной Украине (северная Черниговщина, киевское и волынское Полесье), при господстве чиншевого хозяйства, купеческая фабрика могла быть обеспечена вольнонаемной рабочей силой (здесь сталкивались противоположные инте-

---

[1]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

ресы внутри самого вотчинного хозяйства), то на юге (например, южная Киевщина), при господствующей системе панщинного хозяйства, вопрос о рабочих руках приобретал особенную резкость. Отвлечение рабочих рук от сельского хозяйства тут было нежелательно, в известные моменты жизни помещичьего хозяйства — определенно вредно. Противоположные интересы внутри вотчинного хозяйства еще более ослабляли позицию вотчинной фабрики. На севере (например, Черниговщина) эта противоположность была совершенно проста. Помещичье хозяйство, заинтересованное в повышении чинша, могло ужиться с развивавшейся купеческой промышленностью. Вотчинная фабрика часто оказывалась здесь совершенно изолированной и выжить не могла. На юге дело было несколько сложнее. Там трудно общей формулой выразить взаимоотношения помещичьего хозяйства, фабрики дворянской и фабрики купеческой. В известные моменты вотчинная фабрика пользуется решительной поддержкой крепостного хозяйства; однако, для закрепления своего положения во всякое время, ей надо было перейти на „коммерческий расчет“, т. е. к вольнонаемному труду и обособлению от вотчины, чего не могла сделать северно-украинская вотчинная фабрика. Совершенно ясно, что купеческая фабрика на севере крепостного района оказывалась в более устойчивом положении, нежели на юге. Но устойчивость вотчинной фабрики на юге вовсе не означала устойчивости крепостного хозяйства. Наоборот, переход ее к вольнонаемному труду был крупной брешью в стенах крепостного хозяйства, вводя в него новые, капиталистические отношения. Вотчинная фабрика, действовавшая вольнонаемным трудом,—один из классических примеров предкапиталистической фабрики.

Применение вольнонаемного труда в крепостной промышленности пережило несколько стадий и выработало несколько различных форм. Наиболее ранняя, весьма простая и довольно распространенная,—вознаграждение крепостных крестьян, работавших на помещичьей фабрике. Это денежное или натуральное вознаграждение, оплата труда крепостных рабочих,—в сущности, обычная принадлежность

вотчинной фабрики, характерная только для более крупных предприятий. Чистый тип вотчинной фабрики, где работа производилась в порядке панщинной повинности, был очень редок и встречался преимущественно на мелких вотчинных предприятиях. Да и то, даже в таких случаях, нам нельзя установить, вовсе ли отсутствовала та или иная форма оплаты труда: натуральное довольствие было почти повсеместным. Самая природа промышленного предприятия, выходившего далеко за рамки сельского—крестьянского и помещичьего—хозяйства, неизбежно требовала этого. Необходимость непрерывной работы многих предприятий отрывала то или иное количество крепостных от их обычных хозяйственных занятий и нелегко могла быть уложена в общие рамки панщинной повинности. Нельзя забывать, впрочем, что фабричные работы разделялись на две основных группы: работы, требовавшие специальных технических навыков, и работы вспомогательные, доступные большему количеству людей. Первая группа работ требовала квалифицированного работника, была постоянной и индивидуализированной. Вторая группа сгоняла массу крестьян на временную работу [1]). Если вторая группа могла сравнительно удобно вместиться в рамках панщинных обязанностей крепостных, то первая почти обязательно требовала известного индивидуального вознаграждения. Самая история украинской фабрики, возникшей и развившейся не из вотчинных (крепостных) отношений, не создавала благоприятной традиции для чистого панщинного труда на фабрике. Украинская фабрика XVIII столетия—и левобережная и отчасти правобережная — достаточно привыкла к оплате труда своих рабочих, даже больше—почти до конца столетия—нередко была фабрикой с вольнонаемным трудом, только деформированным общими условиями крепостного хозяйства [2]). Разве самые небольшие предприятия (например, ков-

---

[1]) На ревовской суконной фабрике (Киевщина) было постоянных рабочих 23 человека, из крепостных помещика; „они получают задельную плату от пуда и от штуки. Сверх того, употребляются на фабричные работы, не требующие искусства, крестьяне за барщину“ (Стат. опис. Киев. губ., III, 146).

[2]) См. Оглоблин, Мануфактура в Гетманщине и Крепостная фабрика.

ровые фабрики), обслуживавшие преимущественно панское хозяйство и мало чем отличавшиеся от крепостного ремесла, составляли несколько особую группу, хотя и тут иногда существовало вознаграждение за труд. Центр тяжести лежит не здесь, а в той оригинальной трактовке этого вознаграждения, какая создана была крепостными отношениями. Таким образом, вознаграждение за труд, в форме натурального (чаще) или денежного (или смешанного) довольствия, общее или частичное, было обычным институтом вотчинной фабрики [1]). Однако, это создавало возможность перехода к иным, новым условиям организации труда, делало иногда вотчинную фабрику сравнительно гибкой промышленной организацией. В первой половине XIX столетия мы часто встречаем на вотчинных предприятиях вознаграждение за труд [2]). Целый ряд вотчинных фабрик возник для того, чтобы доставлять „более удобства рабочим к снисканию себе безнужного содержания полезною работою“, в чем, конечно, были заинтересованы помещики. В 1828 году крестьяне, работавшие на суконной фабрике помещика Подгородинского в м. Деражном (Волынь), получали заработную плату „единственно для уплаты казенных податей“ [3]). Помещик имел основание заботиться о том, чтобы крестьянин был исправен в платеже податей. То же мы встречаем на многих вотчинных фабриках Подолии [4]), Киевщины [5]), Черниговщины [6]) и, вероятно, других губерний. На суконной фабрике князя Любомирского в Подолии (Могилевский уезд) в 1828 году работали крестьяне по-

---

[1]) См. Туган-Барановский, Фабрика, 107. Современники иногда распространительно толковали понятие найма и заработной платы. „Крепостное состояние, будучи обязано известными работами помещику и получая за это, вместо денежной платы, землю и другие пособия, производит эти работы в некотором отношении как бы по найму“—писал управляющий инспекциею сельского хозяйства Южной России Струков в официальном донесении 1851 года (Журн. мин. гос. имущ., 1852, ч. XLIV, отд. 1, с. 124). Ср. Струве, Крепостное хозяйство, 104, 111.

[2]) См. Журн. мин. гос. имущ., 1847, ч. XXIV, отд. 1, с. 45—46 (Киевщина).

[3]) Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 76, 82.

[4]) Ibid., № 10, с. 39, 41—42, 47.

[5]) Ibid., № 2, с. 9.

[6]) Описание выставки 1829 г., 135. См. Черн. губ. вед., 1852, №№ 14—18.

мещика, „коим за работу поденно и с весу платится по уговору“ [1]). Журнал мануфактур и торговли писал в 1837 году: „почти везде уничтожена возможность подвергать людей исполнению какого бы то ни было мануфактурного дела, по одному праву владения ими; благодаря Бога, владельцы сами оставляют эту систему, обоюдно невыгодную, и постановляют плату, более или менее высокую, за труды всякого рода“ [2]). Само собой разумеется, это вознаграждение за труд вовсе не было еще заработной (задельной) платой. Даже наличие в некоторых случаях уговора не изменяет общего положения. Журнал мануфактур и торговли в 1832 году, характеризуя две формы использования труда крепостных на вотчинных фабриках— без платы и за плату,—отмечал, что „в обоих случаях повиновение мастеровых помещику полное, беспрекословное: он распоряжается ими по своей воле; ленивых, неисправных, непослушных наказывает на праве помещичьем; и самая даже плата зависит от собственного его произвола: он властен уменьшить ее и даже прекратить совершенно, и они не в праве на то жаловаться“ [3]). Это же отмечает через два десятка лет Статистическое описание Киевской губернии, характеризуя „рабочий класс“ Киевщины [4]). На одной и той же суконной фабрике крепостные рабочие получали в месяц от 1 руб. 25 коп. до 7 руб.; вольнонаемные—от 7 до 13 руб. [5]). Современники отлично понимали значение этой оплаты крепостного труда. „Незначительное годичное пожертвование в пользу рабочих есть не только новый шаг к улучшению производимости, но и верное ручательство за всегда возрастающие выгоды“ [6]). Конечно, перед нами еще слишком рудиментарная форма наемного труда, где не было самого главного—вольного найма.

---

[1]) Журн. ман. и торг., 1831, № 10, с. 47.

[2]) Журн. ман. и торг., 1837, ч. IV, отд. 5, с. 16 („О состоянии рабочих в России“).

[3]) Журн. ман. и торг., 1832, № 6.

[4]) Стат. опис. Киев. губ., III, 294.

[5]) Ibid. III, 142.

[6]) Журн. ман. и торг., 1837, ч. IV, отд. 5, с. 17.

Следующим этапом на пути к вольнонаемному труду был дополнительный наем рабочих на помещичьих фабриках. Не всегда и не везде можно было обойтись силами крепостных рабочих. В целом ряде производств и в некоторых местностях вольный наем был совершенно неустраним. Крепостные рабочие составляли главный контингент трудящихся на вотчинных фабриках. Однако, целый ряд работ требовал специальных технических навыков и знаний, более квалифицированного труда. Во многих случаях вотчинное хозяйство умело практически разрешать этот вопрос, создавая кадры специально обученных крепостных мастеровых и ремесленников. Однако, это было не всем доступно, а, главное, не всегда, не во всех случаях удобно и практично. Тогда довольно распространенной оказывается форма комбинации труда крепостного—для массовых работ и вольнонаемного—для специальных работ. Рассмотрим соотношение этих видов труда в некоторых, наиболее интересных отраслях промышленности. Такие производства, как поташное, стеклянное, металлургическое и т. п., старые отрасли украинской промышленности, в значительных размерах применяли вольнонаемный труд. На Волыни в 1828 году соотношение крепостного и вольнонаемного труда в указанных производствах представляется в следующем виде:

Производство.	Рабочие. Крепостн. %	Вольнонаемн. %
поташное	60,6	39,4
стеклянное	60,1	39,9

Несколько иное положение замечаем на Киевщине в том же году.

стеклянное	48,2	51,8
медное	79,2	20,8
железоделательное и чугуноплавильное	59,5	40,5 [1])

[1]) Таблицы составлены на основании данных Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 99—103, 105—109, и № 2, с. 21—27, 38—44, 44—48. О по-

Нередко на одном и том же вотчинном предприятии этих производств мы находим соединение крепостного и вольнонаемного труда. Бесспорно, это связано было с особенностями техники этих производств. Значительно реже мы встречаем такое соединение на суконных фабриках [1]). Позже это соединение встречается чаще, причем характерные формы оно приобретает в Южной Украине. Так, на винокуренном заводе в крупном имении помещиков Варвациев (в Ростовском уезде, Екатеринославской губернии) в 1847 году работа производилась „своими крестьянами в счет барщины; но некоторые из них сверх того нанимаются с платою от 50 до 70 руб. асс.“ (с 1/X по день Тройцы). В том же имении, на кирпичном заводе работали исключительно наемные рабочие, украинцы и русские [2]). Характерно более широкое применение вольнонаемного труда (в соединении с крепостным) на суконных фабриках. В первой четверти столетия дворянская (суконная) промышленность почти не знала вольнонаемного труда. Там по вольному найму работали только мастера (преимущественно иностранцы). Исключения (см. выше) были редки. Зато во второй четверти столетия дополнительный наем — не редкость. На стеблевской фабрике Головинского, одной из крупнейших фабрик Киевщины, из 422 рабочих — 79 (18,7%) были вольнонаемные (в том числе 9 мастеров-

ложении крепостного и вольного труда в железоделательной промышленности Волыни и Киевщины в середине столетия—Бунге, Исследования о железной промышленности в губерниях киевского учебного округа (Труды комиссии для описания губерний киевского учебного округа, т. III—Киев, 1855).

[1]) Журн. ман. и торг., 1831, № 10, с. 38 (фабрика гр. Пшездецкого в Подолии).

[2]) Журн. мин. гос. имущ., 1847, ч. XXV, отд. 2, с. 9—10. Имение Комнено-Варвациев в м. Лакедомоновке представляло собой крупное и благоустроенное хозяйство. Имение находилось на берегу Азовского моря, в 30 верстах от Таганрога, на большой купеческой дороге между Таганрогом, Мариуполем и Бердянском. Владельцы имения, кроме занятия сельским хозяйством, имели большой кирпичный завод близ Таганрога, и вели крупную заграничную торговлю хлебом, имея свои корабли, и занимались банкирскими операциями, поддерживая корреспонденцию со всеми почти торговыми портами Средиземного моря (ibid., с. 1—15). См. Журн. мин. гос. имущ., 1847, ч. XXIV, отд. 3, с. 136.

иностранцев). На калигорской фабрике Лопухина (Киевщина) из 174 рабочих—105 (60,3%) были вольнонаемные [1]). В середине 40-х годов мы имеем следующее соотношение крепостного и вольнонаемного труда по отдельным производствам Киевщины.

Производство.	Рабочие. Крепостные %%	Вольнонаемные %%
винокуренное	100	—
полотняное	100	—
известковое	100	—
суконное	88,2	11,8
свеклосахарное	74,5	25,5
маслобойное	68,4	31,6
писчебумажное	57,1	42,9
кирпичное	39,1	60,9
стеклянное	32,5	67,5
кожевенное	25,7	74,3
железо- и чугуноделательное, медноплавильное	24,9	75,1
мыльное	22,2	77,8
свечновосковое	11,8	88,2
свечносальное	10,0	90,0
стеариновое	—	100
кафельное	—	100
глиняной посуды	—	100
фаянсовое	—	100
салотопенное	—	100
табачное	—	100
разное	—	100

Из общего количества фабрично-заводских мастеровых и рабочих (ок. 21000) крепостных было ок. 16000 (76,2%) и вольнонаемных ок. 5000 (23,8%). Но если отбросить данные, касающиеся винокуренных и свеклосахарных заводов,

---

[1]) Стат. опис. Киевск. губ., III, 142, 145, 147.

то положение фабрики с вольнонаемным трудом окажется более выгодным. Было:

	%%
крепостных рабочих	53,1
вольнонаемных „	46,9 [1])

Усложнение крепостного труда в фабрично-заводской промышленности и развитие вольного найма на вотчинных предприятиях вносили в хозяйственную структуру крепостной фабрики много существенных, коренных изменений. Во второй четверти XIX столетия, особенно в середине его, мы встречаемся с иною формою организации вотчинной фабрики, формою, которая открывала новую страницу в истории дореформенной промышленности. Природа промышленного предприятия, развивавшегося в своеобразных условиях рынка, оказывалась иногда в решительном практическом противоречии со всем укладом помещичьего хозяйства. Тогда неизбежно вставал вопрос об эмансипации промышленного предприятия от вотчины, о переводе его на „коммерческий расчет". Мы рано замечаем это явление на единичных фабриках. Так, несколько обособлена была уже в 40-х годах от вотчинного хозяйства таганчская суконная фабрика Понятовского (Киевщина) [2]). Но только в области свеклосахарного производства (преимущественно Киевщины) эта новая форма приобрела серьезное экономическое значение. Природа свеклосахарной промышленности, тесно связанная с сельским хозяйством [3]), ставила вопрос о применении крепостного или вольного труда по новому. На Левобережьи, в частности на Черниговщине и Полтавщине, самые размеры свеклосахарных заводов давали возможность, особенно в тяжелых условиях местного хлебного хозяй-

[1]) Таблицы составлены на основании данных Стат. опис. Киев. губ., III, 295. „Наемные" мастеровые и рабочие—конечно, вольнонаемные (см. ibid., 294). О распространении вольнонаемного труда на вотчинных фабриках Империи—Туган-Барановский, Фабрика, 91, 109—II.

[2]) Tegoborski, Etudes, II, 389. „Отлично устроенные (суконные фабрики), как, например, значительное заведение Понятовского в Киевской губернии, где с рабочими поступают, как с вольнонаемными" (Журн. мин. гос. имущ., 1846, ч. XX, отд. 1, с. 147—48).

[3]) См. Журн. мин. гос. имущ., 1842, ч. V, отд. 2, с. 227—28, 240—41.

ства—не только во время аграрного кризиса, обходиться крепостной силой [1]). Одна только Харьковщина несколько выделялась в этом отношении, конечно, в связи с более крупными размерами своих заводов. В 1852 году здесь $^1/_3$ рабочих были вольнонаемные [2]). На Правобережьи, особенно на Киевщине, дело обстояло иначе. Огромные размеры свекловичных плантаций, значительное производство заводов, большое число их,—все это ставило довольно остро вопрос о рабочей силе, особенно после прекращения кризиса [3]). Правда, небольшие предприятия и здесь действовали крепостным трудом. Но крупные заводы, и не только купеческие, должны были позаботиться о приискании вольнонаемных рабочих. Огромные смелянские заводы подают в этом отношении пример, нанимая рабочих и из окрестных сел и из более отдаленных округов, беря их в аренду из других губерний, покупая там крестьян и переводя их, с прикреплением к фабричным работам, наконец, используя труд вольных рабочих (государственных крестьян, козаков, бессрочно отпущенных нижних чинов и т. п.) [4]). Свеклосахарная промышленность, по отзыву черкасского дворянства в 1858 году, „ведется на значительные отдельные капиталы многих лиц и дает работу не только местным крестьянам в свободное время от прямых обязанностей, но привлекает к себе тысячами, даже десятками тысяч, рабочих почти из всех смежных и отдаленнейших губерний и труд их вознаграждает с избытком“ [5]). Впрочем, в сере-

---

[1]) Обзор разл. отр., I, 44—46. Впрочем, на некоторых свеклосахарных заводах (вотчинных) Черниговщины в середине 50-х годов применялся вольнонаемный (исключительно) труд (см. Журнал сельского хозяйства, 1856, № 3, отд. 2, с. 198).

[2]) Журн. мин. гос. имущ., 1856, ч. LIX, отд. 2, с. 21.

[3]) Обзор разл. отр., I, 42—44. См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

[4]) Стат. опис. Киев. губ., III, 74—82; Понятовский, Практические замечания о свеклосахарной промышленности в юго-западных губерниях, с. 2—3 (Труды комиссии для описания губерний киевского учебного округа, т. III—Киев, 1855); Обзор разл. отр., I, 43—4.

[5]) Материалы Бунге (см. разд. 9 настоящей главы), т. V. „Выгоды от свеклосахарного производства... гораздо значительнее получаемых от хлебопашества, и потому рабочим производится бо́льшая плата против той, какую они получают при найме для работ по хлебопашеству“ (ibid.)

дине 40-х годов на сахарных заводах Киевщины только одна четверть (25,5%) рабочих были вольнонаемные. Остальные три четверти были крепостные рабочие [1]). Зато в 50-х годах положение значительно изменилось. Укрепление помещичьего хозяйства и рост свеклосахарной промышленности заставляют местных заводчиков переходить на „коммерческий расчет“ и вольнонаемный труд [2]). А. О. Понятовский, один из крупнейших вотчинных фабрикантов и заводчиков Киевщины [3]), в статье о свеклосахарной промышленности Киевщины (1855), проводит ту мысль, что „промышленность эта, по тесной и необходимой связи с хлебопашеством, не столько прибыльна для самих заводчиков, сколько выгодна для рабочего класса“. Он отмечает отличное от сельского хозяйства экономическое положение сахарных заводов. „Чтобы не стеснять имения в хлебопашестве и вообще в экономических работах, сахарные заводы состоят большею частию на коммерческом положении. Все работы, как полевые, так и фабричные, производятся наемными работниками за наличные деньги“ [4]). Понятовский дает интересные сведения о характере этой работы и положении рабочих на сахарных заводах. „Работы при свеклосахарных заводах, не отвлекая крестьян от хлебопашества, доставляют обоему полу, в особенности бедному классу, способы к улучшению своего быта и к уплате податей, приучая вместе с тем к труду за плату. Выгоды, получаемые от свеклосахарных заводов крестьянами, так очевидны и несомненны, что в некоторых поместьях они оставались недовольными,

---

[1]) Стат. опис. Киев. губ., III, 295. Мысль о невыгодности панщинного труда в свеклосахарной промышленности появляется у помещиков еще раньше (особенно в 40-х годах.—См. Струве, Крепостное хозяйство, 161—63).

[2]) Обзор разл. отр. I, 43.

[3]) Понятовским, кроме имений в Каневском уезде, со многими фабрично-заводскими предприятиями, принадлежало (Л. О. Понятовскому) также бородянское имение в Киевском уезде, где в середине столетия были: свеклосахарный (песочный) завод, суконная и полотняная фабрики, паровой винокуренный, пивоваренный, кожевенный, чугунный и медноплавильный заводы и несколько усовершенствованных мельниц (Похилевич, Сказания, 91—95; Журн. мин. гос. имущ., 1850, ч. XXXIV, отд. 4, с. 92).

[4]) См. Журн. мин. гос. имущ., 1842, ч. V, отд. 2, с. 228.

что их владельцы не устраивали подобных заводов, хотя имели к тому средства“ [1]). Вольнонаемные рабочие на свеклосахарных заводах и свекловичных плантациях Правобережья нанимались, главным образом, из местных крестьян. Но особо крупные предприятия, превышавшие силы местного населения, как уже упомянуто, должны были нанимать рабочих или по соседству, или из других губерний, артелями, через особых агентов. Так, заводы Бобринского (и Яхненко) нанимали рабочих (помимо Киевской губернии) главным образом, в Полтавской губернии [2]), выписывали их, по контрактам с помещиками и государственными учреждениями, из белорусских и русских губерний (Могилевской, Витебской, Смоленской, Орловской и др.).[3]) В последнем случае, конечно, вольного найма не было. В 1858 году смелянские заводы наняли в Пензенской губернии более 2-х тысяч татар, за работами которых присматривали муллы. По словам современника, „работою татар граф был более доволен, чем работою белорусских работников“. У крупных сахарозаводчиков (Бобринский, Яхненко) были особые комиссионеры, „постоянно раз'езжающие в разные страны (стороны) для найма людей“. Само собой разумеется, что тут, помимо недостатка местной вольнонаемной рабочей силы [4]), имела большое значение и конкуренция: наемные рабочие из дальних губерний обходились предпринимателям дешевле [5]). Введение вольнонаемного труда, при „коммерческом расчете“ в свеклосахарном производстве, вносило существенные изменения в организацию помещичьей фабрики и вотчинного хозяйства. Вот-

[1]) Понятовский, 2—5. См. Обозрение главнейших отраслей мануф. пром. в России, с. 430—31.

[2]) „Жители Полтавской губернии—эти богатыри в работе“—характеризовали их херсонские помещики (См. Журн. мин. гос. имущ., 1847, ч. XXIV, отд. 5, с. 39).

[3]) См. Стат. опис. Киев. губ., III, 79—81.

[4]) Недостаток рабочих рук в промышленности (чаще всего купеческой) ощущался на Киевщине в середине 40-х годов, ставя в тяжелое положение даже сравнительно небольшие предприятия. См. Стат. опис. Киев. губ., III, 115—16 (ковшиловская писчебумажная фабрика бр. Лычковых).

[5]) Журн. мин. гос. имущ., 1861, ч. LXXVIII, кн. 2, отд. 2, с. 115—20.

чинная фабрика привыкала к вольному найму, который оказывался выгоднее не потому, что был производительнее крепостного, а прежде всего потому, что часто был единственной формой организации фабричного труда, по крайней мере на Правобережьи. Огромные размеры некоторых предприятий (главным образом, свеклосахарного производства), самая техника крупных свеклосахарных (особенно рафинадных) [1]) заводов не могли довольствоваться принудительным трудом. Вместе с тем отношения вольного найма проникали в остальные области помещичьего хозяйства, перестраивали его экономические основания.

Промышленный под'ем середины 50-х годов захватывает и вотчинное хозяйство. Оживление помещичьего предпринимательства началось еще в первой половине десятилетия, но наиболее ярко оно обнаружилось на этом под'еме [2]). Прежде всего мы замечаем возникновение большого числа новых предприятий, особенно в области свеклосахарного производства. Общее число свеклосахарных заводов было: в 1854 г.—201; в 1860/61 г.—258 [3]). При этом строятся преимущественно крупные предприятия, оборудованные согласно последним техническим требованиям, с паровыми двигателями. Построенный в 1858 году кагарлыцкий свеклосахарный завод (Трощинского), для которого были выписаны из Англии паровые машины „новейшего устройства", обошелся в 200 тысяч сер. рублей слишком [4]) и рассчитан был на годовое производство в 66 тысяч пудов песку [5]).

---

[1]) См. ibid., 116—17. Интересны замечания Струве о вольнонаемном и барщинном труде в крепостном хозяйстве (Крепостное хозяйство, 103—12).

[2]) С начала 50-х годов возникает несколько крупных вотчинных фабрик и заводов на Черниговщине (Журн. ман. и торг., 1858, т. II, отд. 3, с. 51—6).

[3]) Журн. ман. и торг., 1855, ч. IV, 353; Обзор разл. отр., I, таблица лит. А к стр. 19. Рафинадные заводы в этот счет не вошли. Подробнее—см. Оглоблин, Крепостная фабрика.

[4]) Журн. ман. и торг., 1859, т. V, отд. 7, с. 30—31.

[5]) Обзор различных отраслей, I, приложения, с. 10—11. Это был по размерам производства третий завод на Киевщине (крупнейшие заводы—городищенский Яхненко и шполянский Абазы—немногим превышали его; см. ibid., с. 6—7, 14—5).

Замечается оживление и в области шерстяной (суконной) промышленности. Отмечая значение Волынской губернии, как одного из главных районов шерстяной промышленности Империи, Журнал мануфактур и торговли писал: „нет сомнения, что с улучшением путей сообщения и с облегчением получения топлива, промышленности этой предстоит в юго-восточных губерниях и в южных огромное развитие. Будь возможность получать топливо сколько нибудь по сходным ценам, будь железная дорога, и Харьковская, Полтавская и Екатеринославская губернии покроются шерстяными фабриками и займут такое же место в обработке шерсти, какое теперь занимают в ее производстве“ [1]). Еще более интересно расширение производства существовавших прежде предприятий. Некоторые помещичьи суконные фабрики сделали большие успехи в 50-х годах. Расширяется крупнейшая суконная фабрика—таганчская. Стеблевская суконная фабрика „в последнее время (1858) расширилась и весьма улучшилась, так что на варшавской выставке изделия ее (сукна, пуховые шляпы, платки, шали) заслужили всеобщее одобрение“ [2]). Со второй половиной 50-х годов связана перестройка большого количества свеклосахарных заводов Украины [3]). Многие огневые заводы перестраиваются на паровые [4]). В большом количестве вводятся паровые двигатели и на других предприятиях (суконные фабрики, винокуренные заводы, паровые мельницы и т. п.). Вводятся также усовершенствованные машины, в частности широко распространяются механические ткацкие станки и т. п. [5]). Помещичье хозяйство весьма интересуется открытием новых видов топлива для промышленных предприятий (каменный уголь, торф, лигнит) [6]). Весьма характерно также,

[1]) Журн. ман. и торг., 1858, т. I, отд. 6, с. 9—10.

[2]) Журн. ман. и торг., 1858, т. II, отд. 6, с. 23—24.

[3]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

[4]) См. Обзор разл. отр., I, приложения, II, ведомость свеклосахарных заводов (даты перестройки); ibid., 18, 21—3.

[5]) См. Журн. ман. и торг., 1851, ч. II, с. 309—12; ч. IV, с. 85—7; 1852, ч. III, 254—55; 1853, ч. IV, с. 116—22; 1854, ч. IV, с. 142—50. Механический ткацкий станок появляется на Украине еще до начала 50-х годов.

[6]) См. Журн. ман. и торг., 1858, т. II, отд. 6, с. 30—31.

что помещичье предпринимательство обращается на новые для него отрасли промышленности. Так, на Черниговщине (Кролевецкий уезд) помещик Савицкий устраивает фаянсовую фабрику (1852) [1]); помещик Лишин задумывает устройство завода стеариновых свеч в Мглинском уезде (1851) [2]). Немногие из этих предприятий были реализованы; они или остались в проекте, или же, захваченные крестьянской реформой, оказались недолговечными. Помещичье хозяйство живо интересуется путями сообщения и принимает участие в соответствующих акционерных обществах [3]). В 50-х годах, особенно во второй половине, совершенствуются изделия ряда помещичьих фабрик и заводов. На варшавской выставке 1857 года некоторые из них получили медали и похвальные отзывы. Это прежде всего надо сказать, конечно, о свеклосахарных заводах. Особенно отмечены были изделия заводов Браницкого, Фундуклея (Киевщина), Потоцкой (Волынь) и славутской суконной фабрики [4]).

Для характеристики промышленного под'ема особенно интересны цыфры, определяющие ввоз различного рода машин и количество новых машиностроительных заводов. Ввезено было машин в Империю:

Пятилетия.	Ежегодно (в тыс. руб.).
1841—45	668
1846—50	1681
1851—55	2103
1856—60	7513

[1]) Домонтович, 359.

[2]) Журн. ман. и торг., 1851, ч. IV, 86—7; 1852, ч. III, 254; 1853, ч. IV, 151. Предприятие, кажется, не удалось. О новых предприятиях на Украине в 1857 году—Журн. ман. и торг., 1858, т. II, отд. 6, с. 28—9, 36—7. Большой интерес представляет крупный кожевенный завод в Александрийском уезде (Херсонщина), основанный в конце 50-х годов „на капиталы помещиков“ уезда (Шмидт, II, 815).

[3]) В 1858 году возникло, с капиталом в 3 мил. рублей, южнорусское общество пароходства, комиссионерства и торговли, „для облегчения способов сообщения по рекам Днепру и Бугу и для содействия к выгоднейшему сбыту произведений Южной России“, учредителями которого были украинские помещики во главе с графом В. Браницким (Журн. ман. и торг., 1858, т. IV, отд. 1, с. 2—18).

[4]) Журн. ман. и торг., 1859, т. V, отд. 2, с. 185—86. См. ibid., 1854, ч. III, отд. 2, с. 25; 1860, т. IX, отд. 7, с. 40.

Особенно заметно этот ввоз повышается с 1856 года [1]).

Годы.	Всего машин	Маш. для фабр.
	(в тыс. руб).	
1856	2873,2	2645,5
1857	4823,1	4280,3
1858	5332,8	4538,7
1859	10711,5	2644,2
1860	6609,2	1408,4 [2])

Ввоз машин быстро возрастает, в одном направлении, до 1858 года. Он резко повышается в 1859 году, но зато сразу видно, в каком направлении идет это повышение. При общем повышении ввоза машин (вдвое), резко (почти вдвое) падает привоз фабрично-заводских машин, хотя, на самом деле, это падение не было столь резким. Это, во всяком случае, характерно для эпохи промышленного кризиса. Но кризис шел глубже, захватывал более глубокие слои хозяйства, и в 1860 году и общий ввоз машин и ввоз фабричных машин падают. Через украинские таможни было привезено сравнительно небольшое количество машин, что, конечно, об'ясняется тем, что машины, предназначенные для Украины, шли и через русские таможни. Привезено машин через украинские таможни:

Годы.	Одесса	Радзивилов	Прочие
	(в тысячах рублей).		
1856	158,3	58,2	—
1857	307,6	65,6	—
1858	—	115,8	6,8
1859	756	54,8	15,3
1860	394,1	134,6	193,8 .

[1]) Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. I, с. 266—67. См. Обзор различных отраслей, II, 10; Историко-статистический обзор, II, гр. IX, с. 91, 93, 95. Ежегодная ценность машин, ввозимых в Империю, была в 1851—53 г.г. в 13 раз больше, чем в 1824—26 г.г. (Бунге, Промышленность и ее ограничения во внешней торговле, статья четвертая, с. 598).

[2]) Таблица составлена на основании данных Обзора разл. отр., II, с. 10, таблицы лит. А и Б. В первом столбце соединены данные, ка-

По пятилетиям годовой ввоз машин и снарядов в Одессу представляется в следующем виде:

Пятилетия.	Ежегодно (в тыс. руб.).
1850—1854	303,8
1856—1860	995,8 [1]).

Таким образом, во второй половине 50-х годов ввоз на Украину машин быстро возрастает; даже кризис конца 50-х годов еще мало отражается на нем. Одновременно с тем увеличивается число машиностроительных заводов на Украине [2]).

Годы.	Количество предприятий.
1846	4 [3])
1854	8 [4])
1863	25 [5])

сающиеся ввоза „машин для фабрик и заводов“ и „машин без означения на какой предмет“. Таким образом, среди последних несомненно могли быть фабричные машины. Иные, более высокие цыфры дает Историко-стат. обзор, II, гр. IX, с. 93 (в общей сложности за 5 лет—36216,3 тыс. руб.). „Прочие“—прочие сухопутные и морские таможни и заставы.

[1]) Таблицы составлены на основании данных Обзора разл. отр., т. II с. 10, табл. лит. А и Б (в расчет приняты и крымские таможни). Семенов, Словарь, III, 596.

[2]) См. Историко-стат. обзор, II, гр. IX, с. 21—31, 93, 98; Оглоблин, Крепостная фабрика. Журн. ман. и торг. писал в начале 1858 года: „еще недавно были во всей России только два или три заведения для приготовления машин, да и те, повидимому, не страдали от большого количества заказов, а теперь (1857) почти каждый месяц открываются новые заводы этого рода. Разумеется, это зависит от увеличившегося употребления машин на наших фабриках“ (Журн. ман. и торг., 1858, т. I, отд. 6, с. 15) См. Обзор разл. отр., II, 62—5, 70—6. Производство машиностроительных заводов Империи, составлявшее в 1850 году—423,3 тыс. р., в 1860 году дошло до 7953,8 тыс. р. (Истор.-стат. обзор, II, гр. IX, с. 93).

[3]) Журн. ман. и торг., 1847, ч. II, с. 459 [в губерниях Екатеринославской (Луганский завод), Подольской, Полтавской, Черниговской].

[4]) Журн. ман. и торг., 1855, ч. IV, с. 353 [в губерниях Волынской, Екатеринославской (Луганский завод), Киевской, Подольской, Полтавской, Одесск. град. (2), Херсонской].

[5]) Сборн. мин. фин., 1865, т. II, с. 374, 377, 381, 389, 392, 394, 407, 408 в губерниях Волынской (2), Екатеринославской (5), Киевской (2), Одесск. град. (3), Подольской (3), Полтавской (2), Харьковской (4), Черниговской (4)].

Интересный пример помещичьего предпринимательства в 50-х годах мы находим на Волыни. Он связан с обширным вотчинным хозяйством кн. Сангушко. В имениях Сангушко еще в первой половине XIX века широко развита была промышленная деятельность. В 1828 году за кн. Евстафием Сангушко числилось в Волынской и Киевской губерниях 6 суконных фабрик, 2 писчебумажных, 1 свечная, 1 поташный завод; кроме того, ему принадлежали доли в корецкой суконной и городницкой фаянсовой фабриках (Чарторыйских). Тогда же он хотел приобрести знаменитую корецкую фарфоро-фаянсовую фабрику [1]). Наследники Е. Сангушко обращают много внимания на свеклосахарное производство. В 1860 году за кн. Сангушко и гр. Потоцкой (ур. Сангушко) числилось на Волыни, Киевщине и Подолии 6 свеклосахарных (5 песочных и 1 рафинадный) заводов [2]). В середине столетия Сангушко расширяют старые предприятия и строят новые. В начале 60-х годов в одном Заславском уезде Сангушко принадлежало несколько фабрично-заводских предприятий, в большинстве устроенных или перестроенных в 50-х годах. Это были: три свеклосахарных завода (кн. Р. Сангушко) и один рафинадный, суконная фабрика, мыловаренный и свечной (свечновосковой и свечносальный), машиностроительный, химический заводы в Славуте [3]); наконец, несомненно участие Сангушко в славутской и михлянской писчебумажных фабриках [4]). Если добавить сюда еще свеклосахарные за-

---

Данных 1863 года для Херсонской губернии в нашем распоряжении не имеется. Вероятно, в Херсонской губернии в 1863 году были машиностроительные заводы (см. Шмидт, II, 454). Производство машиностроительных заводов Украины, составлявшее в 1856 году, 378,4 тыс. р. (Историко-стат. обзор, II, гр. IX, с. 98; в начале десятилетия оно было значительно меньше), увеличилось в 1863 году до 693,8 тыс. р. (Сб. мин. фин., 1865, т. II, № 7), не считая Херсонской губернии.

[1]) Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 77, 86, 87, 96, 97, 99, 110.

[2]) Обзор разл. отр., I, приложения, 12—13, 34—35, 58—9, 68—9.

[3]) Stecki, Wołyń, t. I, str. 296—303. Данные Стецкого, повидимому, относятся к 1859—60 г.г.

[4]) См. Обзор разл. отр., III, 141. Stecki (I,299) ошибочно считает владельцами михлянской фабрики—местных евреев. Это были, вероятно, арендаторы. Ср. Забелин, op. cit., 289.

воды в Киевской и Подольской губерниях и проектированные предприятия (свеклосахарный завод в Белогородке)[1]), то размах промышленной деятельности Сангушко представится весьма внушительным. Общая сумма производства предприятий Сангушко в Заславском уезде (не считая 3 песочных, винокуренных и т. п. заводов) составила в 1860 году ок. 1600 тыс. руб.[2]). Промышленная продукция Заславского уезда в 1860 году достигла крупной цыфры 1800000 рублей, что превысило производство всех остальных уездов Волыни, взятых вместе[3]). Сумма производства всей Волыни в 1860 году, по официальным данным, составляла 2856 тыс. руб.[4]) Таким образом, Заславский уезд давал свыше $^3/_5$ (63%) всего производства губернии. Предприятия Сангушко занимали первое место не только в промышленности Заславского уезда, но и всей Волыни. Они интересны также, как пример крупного и усовершенствованного вотчинно-промышленного хозяйства накануне реформы. Прежде всего славутские фабрики и заводы были оборудованы по последнему слову техники. Все свеклосахарные заводы, суконная и писчебумажные фабрики, машиностроительный и химический заводы были снабжены паровыми двигателями и разными механическими приспособлениями, выписанными из Англии[5]). В создании некоторых фабрик принимали участие иностранные предприниматели. Славутский машиностроительный завод расширяется в конце 50-х годов, благодаря участию англичанина Варда, который стал директором завода и вошел в товарищество с владельцем. Завод был снабжен новыми машинами, выписанными из Англии и Бельгии. Предполагалось изготовлять паровые машины, различные аппараты для свеклосахарных заводов, паровые котлы, всякого рода агрономи-

[1]) Stecki, I, 302—303. О других сангушковских предприятиях—см. Бунге, Исследования о железной промышленности, с. 24.

[2]) Stecki, I, 296—302; Обзор разл. отр., I, приложения, 68—9.

[3]) Stecki, I, 302. В 1861 году производство фабрик и заводов Заславского у. составило 1964794 р. (Семенов, Словарь, II, 259—60).

[4]) Семенов, Словарь, I, 541. По другим данным (Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного, часть II, материалы, с. 330)—2420033 р.

[5]) См. Stecki, I, 296—303.

ческие орудия и машины и т. п. изделия. До 1860 года производство его не превышало 100000 рублей. Завод был рассчитан приблизительно на 600 рабочих. Современники возлагали на него большие надежды. „Теперь—писал Стецкий—это одно из огромнейших предприятий этого рода в крае, устроенное с чисто английской тщательностью и великолепием“ [1]). Однако, эти ожидания осуществились только отчасти [2]). Не менее интересны славутская писчебумажная фабрика и химический завод. Фабрика принадлежала товариществу, в котором, кроме кн. Сангушко, принимали участие иностранцы Лауденбах и Шейтц [3]) Старое предприятие, существовавшее еще с 1818 года [4]), она была перестроена в 50-х годах [5]) и приносила крупный доход владельцам. Она выделывала различные сорта писчей бумаги и особенно сахарную бумагу, которая шла на рафинадные заводы. В 1860 году производство фабрики составило 100000 рублей. Материалы для фабричной обработки (клей, воск, краски и т. п.) доставлялись из за-границы и из Одессы [6]). Изделия славутской фабрики вывозились, главным образом, в Москву, Белоруссию и Литву и, в значительной части, расходились в Правобережной Украине и отчасти Полтавской и Херсонской губерниях. Весьма интересно, что славутская писчебумажная фабрика впервые в Империи стала употреблять, как суррогат тряпья, древесную массу [7]). Химический завод в Барбаровке (близ Славуты) был устроен в 1859 году д-ром Гесселем и Эйхгорном. Выраба-

[1]) Stecki, I, 299—300.

[2]) По данным Обзора различн. отраслей (т. II, 64—5) рабочих на заводе было от 180 до 240. В 1878/79 году славутский машиностроительный завод принадлежал акционерному обществу Лильпоп, Рау и Левенштейн; рабочих было 164; сумма производства—75106 руб. (Труды Киевского вспомогательного комитета, 242; см. Забелин, 298—99).

[3]) Stecki (I, 297) называет владельцами писчебумажной фабрики в Славуте Лауденбаха и Шейтца. Но несомненно, что они владели ею в товариществе с кн. Сангушко (см. Обзор различн. отр., III, 141).

[4]) Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 97; см. Труды Киевского вспомогательного комитета, 238 (1817 г.). Дата Обзора разл. отр. (III, 141)—1854 г.—неточна.

[5]) См. Обзор разл. отр., III, 141.

[6]) Stecki, I, 297—99.

[7]) Обзор разл. отр., III, 141, 148, 159; Stecki, I, 298—99; Историко-стат. обзор, II, гр. VII, № 9, с. 12—3.

тывал он скипидар, уксус, камфин для освещения и т. п. Между прочим камфин (скипидар, очищенный химическим способом) употреблялся для освещения на всех славутских фабриках и широко расходился в окрестности [1]). Суконная фабрика в Славуте также была расширена и усовершенствована новейшими механическими приспособлениями. Она приготовляла различных сортов сукна, корды, фланели, одеяла и др. шерстяные изделия. В 1860 году продано было изделий фабрики на сумму около 300000 сер. рублей. Одного сукна было продано свыше 130 тыс. аршин [2]). Свеклосахарные заводы имели также крупные размеры, особенно в масштабе волынской сахарной промышленности. На трех заводах выделывалось 80—100 тысяч пудов песку [3]) (на всех остальных заводах Волыни ежегодная продукция в 1860 году составила около 18 тыс. пудов) [4]). Шепетовский рафинадный завод переработал в 1860 году свыше 156 тыс. пудов песку, что дало 140 тыс. пудов рафинаду, на сумму свыше 1 миллиона рублей [5]). Современники (Крашевский, Стецкий), побывавшие в конце 50-х годов в центре сангушковского имения—м. Славуте, славословят „хозяйственную мудрость“ владельца и благосостояние местного населения. Сангушковское хозяйство было поставлено согласно новым требованиям земледельческой и промышленной техники. Введена была плодопеременная система; развивалось правильное лесное хозяйство; крестьяне были освобождены от панщины и переведены на чинш. Стецкий об'ясняет зажиточность местного населения промышленным развитием местности. „Устроенные там фабрики также немало содействовали благосостоянию селянства; тысячи рук работают на них за вполне достаточное вознаграждение. Огромные плантации свекловицы, доставка леса к фабрикам,—

---

[1]) Обзор разл. отр., II, 441; Stecki, I, 296. В Трудах Киевского вспомог. ком. (с. 8) указан 1857 год, как дата основания завода.

[2]) Stecki, I, 296—97.

[3]) Обзор разл. отр., I, прил., 58—59 (в 1860 г.—ок. 80 тыс. пуд.); Stecki, I, 300—301.

[4]) Обз. разл. отр., I, прил., 58—59. См. Stecki, I, 26—7.

[5]) Обз. разл. отр., I, прил., 68—69. Stecki (I, 302) считает около 200 тыс. пудов песку. См. Stecki, I, 361.

все это, оплаченное добросовестно и аккуратно, доставив заработок, обеспечило зажиточное и привольное существование населения не только местного, но и соседних помещичьих имений". Тот же Стецкий дает интересное описание Славуты, представлявшей настоящий фабричный поселок. „Дальше (за рынком) поднимаются огромные здания фабрик, над которыми непрестанно клубится дым, и стук колес и молотов громко разносится по улицам... Но несмотря на стук фабричных молотов и колес, несмотря на говор чужого языка многочисленных иностранцев, собранных здесь на фабриках, все это наше, свое, родное; чувствуешь на каждом шагу, что находишься на родной земле, где везде тебя окружает какой то дух, не чужой, испорченный, а свой, славянский, сердечный и честный" [1]).

Указанные явления в жизни помещичьей промышленности конца 50-х годов особенно интересны в связи с несомненными данными, имеющимися в нашем распоряжении, относительно повышения производительности труда на многих вотчинных фабриках в середине столетия. Так, на Черниговщине приходилось производства на одного рабочего:

	1851 г.	1860 г.
	(в рублях).	
дворянская (суконная) фабрика .	106,7	264,8
купеческая „ „ .	415	406,2

Все же разница оставалась значительной. Даже крупные вотчинные предприятия, сравнительно удачные в техническом отношении, рассчитанные на широкий рынок, и те далеко отставали от купеческой фабрики. На понуровской фабрике Миклашевского на одного рабочего приходилось 171,1 руб.—в 1851 году и 218,1 р.—в 1860 году [2]). Ясно, что повышение производительности труда было жизненным вопросом для вотчинной фабрики. Иначе она не могла дальше соперничать с капиталистической фабрикой

[1]) Stecki, I, 303, 348—50. О промышленном характере Славуты в конце XIX столетия—Теодорович, Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии, т. III (Почаев, 1893), с. 669—71.

[2]) Вычисления произведены на основании данных Гутмана (Черн. губ. вед., 1852, с. 179, 188—91, 195) и Домонтовича (с. 270—72). Необходимо отметить, что в общем итоге у Домонтовича цыфра количества рабочих на понуровской фабрике, может быть, неточна (ср. с. 262).

на рынке. Предпринимаются крупные технические улучшения. Но это дорого стоило, и хотя выручало иногда отдельные предприятия, но общей массе вотчинных фабрик было недоступно, а, главное, не разрешало основного вопроса, не изменяло еще организации крепостной фабрики. Зато оно указывало выход: сокращение общего числа рабочих и интенсификация труда отдельных рабочих неизбежно приводили к отрицанию крепостных отношений на практике.

VIII.

Положение дворянской промышленности накануне реформы весьма непохоже на положение ее в первой трети XIX века. Мы видели в частных случаях несомненное вымирание вотчинной фабрики. Общая картина составится именно из таких частностей. Всего в 1861 году числилось в помещичьих имениях 92 вотчинных фабрик и заводов с 7161 крепостных рабочих. Данные 1861 года, конечно, неполны. Они дают представление только о предприятиях „чисто промышленных или мануфактурных“ [1]). Следовательно, сюда не вошла весьма влиятельная в помещичьем хозяйстве группа свеклосахарных, винокуренных, пивоваренных, медоваренных, кирпичных, селитренных, дегтярных и т. п.

---

[1]) Архив истории труда, III, 148—150. Данные 1861 года это—„ведомость фабрик и заводов в помещичьих имениях (разрядка издателя) с указанием числа крепостных людей, работавших на этих предприятиях за задельную плату или в виде барщины“, из архива Государственного Совета (дела Главного Комитета по крестьянскому делу, 1858—1862 г.г.), опубликованная в 3-й книге Архива истории труда в России. Она составлена на основании данных министерства финансов, и составление ее, конечно, находилось в связи с так называемыми дополнительными правилами о крестьянах, отбывающих работы на помещичьих фабриках. Необходимо только подчеркнуть, что в эту ведомость, повидимому, включены только вотчинные предприятия, а не все заводы и фабрики (даже тех отраслей производства, которые названы в ведомости), находившиеся в дворянских имениях. Так, например, сопоставляя данные этой ведомости по Волынской губернии с аналогичными материалами волынского губернского комитета 1858 г. (Материалы Бунге, т. V — см. 9 раздел настоящей главы), видим значительное несходство. Общее число помещичьих предприятий соответственных производств по данным 1861 года—29; по данным 1858 года—201 (по отдельным производствам разница весьма значительна; суконных фабрик: в 1861 г.—2, в 1858 г.—39;

заводов [1]). Зато можно думать, что другая группа определена более или менее точно, конечно, в числе предприятий *определенных производств* [2]); число рабочих, вероятно, приблизительно [3]). Здесь представлены производства: суконное, ковровое, полотняное, салфеточное, писчебумажное, кожевенное, мыловаренное, свечносальное, табачное, железоделательное, чугуноплавильное, медноплавильное, механическое (механических изделий), стеклянное, фарфоровое, фаянсовое, экипажное [4]). Все крепостные предприятия этих производств распределялись по отдельным местностям так:

Губернии.	Число ф.-з. предприятий (%%)	Число рабочих (%%)
Волынская	31,5	20,4
Киевская	13,0	18,1
Подольская	1,1	0,4
Полтавская	14,1	16,9
Харьковская. . . .	10,9	20,7
Херсонская	1,1	0,9
Черниговская	28,3	22,6
	100	100 [5]).

кожевенных заводов: 1861 г.—5, 1858 г.—77 и т. д.). Само собою разумеется, за столь короткий срок не могло так резко сократиться число промышленных предприятий (ср. еще с данными 1863 г.—242 предприятия тех же производств,—Сб. мин. фин., 1865, т. II, с. 373—74), и, таким образом, данные 1858 г. определяют общее число промышленных предприятий, находившихся на помещичьих землях, безразлично, кому бы они не принадлежали. Тогда значение данных 1861 г. становится совершенно ясным.

[1]) См. раздел 9 настоящей главы.

[2]) Повидимому, пропущена только Екатеринославщина, где во время реформы несомненно существовала и работала вотчинная суконная фабрика Струкова (см. Павлович, 205—206). В некоторых губерниях исчислены предприятия производств, не упомянутых по другим губерниям, но несомненно там существовавших.

[3]) Так, нам кажется подозрительным число рабочих на помещичьих кожевенных заводах Волыни (853 раб. на 5 заводах). В 1863 году на всех 133 кожевенных заводах Волыни было 310 рабочих (Сб. мин. фин., 1865, т. II, с. 374).

[4]) В Полтавской губернии отмечены еще маслобойные заводы (Арх. ист. труда, III, 149).

[5]) Таблица составлена по данным Архива ист. труда, III, 148—50 Екатеринославщина сюда не включена, за неимением точных данных.

Общее число фабрично-заводских предприятий в 1861 году составило 1576 [1]); число рабочих, занятых в этих производствах в 1861 году, превысило 25½ тысяч (25716) [2]). Если принять в расчет также данные по Ека-

---

[1]) Эта цыфра установлена нами следующим путем. Мы взяли общие данные 1863 года для всех украинских губерний (кроме Херсонщины, для которой имеются данные 1861 года), на основании сведений Сборн. мин. фин., 1865, т. II, № 7. Сюда мы прибавили: крепостные предприятия, которые несомненно существовали в 1861 г. (Архив ист. труда, III, 148—50), но к 1863 г. были уже ликвидированы; далее, табачные фабрики, почти исключительно (кроме одной) находившиеся в недворянских руках, по данным 1861 г. (Обзор разл. отр., II, 328—29). Зато мы исключили все предприятия селитренного, поташного, смолевого, гончарного, кирпичного, каменного, известкового, спичечного (новое—после реформы—производство на Черниговщине) производств и 2 фаянсовых фабрики, вновь заведенные в 1863 году на Харьковщине. Первая группа исключена потому, что в ней принимало участие и помещичье предпринимательство; между тем для 1861 года мы не имеем точных сведений о крепостных предприятиях соответствующих производств. Конечно, в общий итог не вошли заводы свеклосахарные, винокуренные, пиво- и медоваренные и т. п. Таким образом, мы получили условные общие данные 1861 года по интересующей нас в этом случае группе производств.

[2]) Эта цыфра получена так. За основу были взяты данные 1863 года (см. предыдущее пр.). К ним, за исключением производств поташного, селитренного, гончарного, кирпичного, известкового, каменного, спичечного, мы прибавляли число крепостных рабочих в 1861 году, в тех случаях, когда бесспорно было или уничтожение, или сокращение соответствующих крепостных предприятий. Так, по Волынской губернии прибавлены были к числу рабочих 1863 года (2985)—разница между числом рабочих в 1861 и 1863 г. г. на кожевенных (513) и чугунных (56) заводах. По Екатеринославской губернии к данным 1863 года (1903) мы добавили число рабочих на фабрике Струкова (356), указанное (для 1861 г.) Павловичем (с. 206). По Киевской губернии к числу 1863 года (2470) мы прибавили число рабочих на полотняной и салфеточной фабриках (40). По Подольской губернии мы прибавили к числу 1863 года (1094) разницу между числами рабочих 1861 и 1863 г. г. на писчебумажной фабрике (7). По Полтавской губернии мы обязаны были к числу 1863 года (1392) добавить разницу между числами 1861 и 1863 г.г. относительно суконных фабрик (955) и число рабочих на ковровых (21) и полотняной (60) фабриках. По Харьковской губернии к числу 1863 года (4348) мы добавили разницу относительно суконных (594) и писчебумажных (17) фабрики число рабочих на ковровой (23) и полотняной (15) фабриках. По Херсонской губернии мы имеем точные данные 1861 года (4359). Наконец, по Черниговской губернии к числу 1863 года (5768) мы добавили число

териславской губернии [1]), не вошедшие в ведомость 1861 года, то окажется, что крепостные рабочие составляли несколько более четверти (29,2%) указанного числа рабочих. Если учесть то, что помещичье предпринимательство накануне реформы ушло преимущественно в область свеклосахарной промышленности, и что видное место в вотчинном хозяйстве занимала винокуренная промышленность, нам придется несколько повысить процент крепостных рабочих для левобережных губерний; зато правобережные губернии дадут понижение процента крепостных рабочих, так как там свеклосахарная промышленность действовала в значительной части, при помощи вольнонаемного труда.

Сопоставляя данные 1861 и 1828 годов, видим, большие изменения в положении крепостной фабрики.

	1828 г. %	1861 г. %
фабрик крепостных (помещичьих). .	53,8	5,8
„ с вольнонаемн. трудом. . .	46,2	94,2
рабочих крепостных.	74,4	26,3
„ вольнонаемных.	25,6	73,7 [2])

рабочих на 3-х дворянских суконных фабриках (253), кроме машевской, по данным 1860 г. (они почти не отличаются от данных 1861 г.) у Домонтовича (с. 270—72) и разницу относительно фарфоровых (106) и писчебумажных (46) фабрик. Кроме того, мы добавили число рабочих на табачных фабриках по данным 1861 г. (Обз. разл. отр., II, 328—29). Выводы все же остаются приблизительными. Только в некоторых случаях мы имели возможность проверить наши вычисления другими современными данными. Разница, впрочем, оказалась ничтожной.

[1]) Число рабочих на вотчинной суконной фабрике Струкова (Павлович, 205—206).

[2]) Таблица составлена по данным Журн. ман. и торг., 1829, № 7; 1831, №№ 2, 3, 4, 10, 11 (для 1828 г.) и Архива истории труда, III, 148—50 (для 1861 г.). При этом данные 1828 года, в отношении социальной природы предприятий, сверялись с данными 1832 г. (Список фабрикантам 1832 г., I—II). Фабрики, принадлежавшие казне и церковным институциям, зачислены в группу крепостных; фабрики беспоместного дворянства (обычно находившиеся в городских поселениях)—в группу вольных. Для Черниговской губернии и Таганрогского градоначальства, за отсутствием данных 1828 года, взяты соответственные данные 1832 года (Список фабрикантам 1832 г., II), определяющие число предприятий. Число ра-

Но при вычислениях 1828 года приняты были в расчет селитренные и поташные заводы, обычные предприятия вотчинной промышленности некоторых губерний. Исключая эти производства из данных 1828 года, находим:

Губернии	Число крепост. предпр. (в %%)		Число крепост. рабоч. (в %%)	
	1828	1861	1828	1861
Волынская	65,9	8,6	71,3	49,9
Екатеринославская (с Таганрогским град.)	5,6	0,6	63,6	17,5
Киевская	60,8	7,9	91,8	54,5
Подольская	48,6	0,4	59,9	2,6
Полтавская	25,8	17,1	77,8	69,7
Харьковская	24,5	6,9	90,9	37,5
Херсонская (с Одесским град.)	5,5	0,4	31,6	1,3
Черниговская (1832—1861)	29,4	13,1	?	26,3

Среднее для всей Украины оказывается:

	1828 г. %%	1861 г. %%
фабрик крепостных (помещичьих)	29,1	5,8
„ с вольнонаемным трудом	70,9	94,2
рабочих крепостных	77,5	29,2
„ вольнонаемных	22,5	70,8 [1])

бочих в этих двух местностях (для первой четверти столетия) не принято в расчет. См. также—Оглоблин, Крепостная фабрика. Для 1861 года мы взяли за основу данные 1863 года (Сб. мин. фин., 1865, т. II, № 7), с изменениями, указанными в прим. 1 и 2 на стр. 206. Если считать поташные и селитренные заводы в 1861 году, то процент крепостных предприятий составит 5,6%.

[1]) Таблицы составлены на основании данных, указанных в предыдущем примечании, с изменениями, предусмотренными примечаниями 1 и 2 на стр. 206. При этом мы исключили из данных 1828 года все поташные и селитренные заводы. Однако, значительная часть рабочих этих производств в 1828 году были вольнонаемные. Исключая только данные о крепостных рабочих, получим для 1828 г.: рабочих крепостных—72,9%, вольнонаемных—27,1%.

Остановимся на этих таблицах. Общее вымирание крепостной фабрики бесспорно. В 1828 году она занимала более половины всех предприятий (если считать поташные и селитренные заводы) и $^3/_4$ всех фабрично-заводских рабочих. Фактически ее влияние было более значительным, ввиду того, что она господствовала в важнейших отраслях промышленности. В 1828 году 83,2% всех рабочих, занятых в суконном производстве, работали крепостным трудом [1]). Кроме того, мы в наших таблицах не учитывали для 1828 года данных относительно рабочих Черниговщины (и Таганрогского градоначальства), которые едва ли понижают процент крепостной фабрики на Украине в этом году; в то же время для 1861 года данные относительно этих местностей вошли в общий расчет. В 1861 году крепостная фабрика, в соответствующих производствах, представляла только $^1/_{17}$ общего числа предприятий и немногим более $^1/_4$ всех рабочих. Таким образом, в середине столетия, во всяком случае до реформы, крепостная фабрика уступает свое место фабрике с вольнонаемным трудом. При этом сразу бросается в глаза несоответствие в соотношении числа предприятий и числа рабочих.

	1828 г.	1861 г.
на одну крепостную фабрику рабочих . . .	47	82
на одну вольнонаем. фабрику рабочих . . .	9	12
на одну фабрику рабочих	26	16 [2]).

Сопоставление этих цыфр дает нам возможность установить и общее направление развития фабрично-заводской промышленности Украины и тенденции развития крепостной фабрики. Перед реформой дворянская фабрика проявляет заметную тенденцию к увеличению своих размеров. До 1861 года дожили или очень крупные вотчинные предприятия (главным образом, суконные фабрики), или же незначительные предприятия, прятавшиеся за рамки вотчинного хозяйства. Общее уменьшение количества рабочих

[1]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

[2]) См. прим. 2 на стр. 207 и 11 на стр. 208. На одну вотчинную фабрику крепостных рабочих в 1828 году приходилось 44.

на одном предприятии (за 30 лет—на 38,5%) указывает на то, что руководящая роль перешла уже к фабрике с вольнонаемным трудом. Крепостную фабрику подтачивало, главным образом, капиталистическое—купеческое или мещанское—предприятие кустарного типа. Весьма интересно положение крепостной фабрики по отдельным местностям Украины. В градоначальствах Одесском и (может быть) Таганрогском, где крепостной фабрики не было и в 1828 году, нельзя ожидать ее появления в 1861 году. Интереснее почти полное исчезновение крепостной фабрики в Екатеринославщине. Правда, она не играла там влиятельной роли и в 1828 году [1]); к тому же ничтожное число помещичьих предприятий перед 1861 годом (из суконных фабрик—краснокутская фабрика Папкова давно уже не существовала; а верхнетарасовская фабрика Струкова в 1861 году „дышала на ладан“) [2]) уменьшает значение этого факта. Вполне понятно положение крепостной фабрики на Херсонщине. Из 4 вотчинных суконных фабрик 1828 года в 1861 году оставалась только одна (это, повидимому, фабрика Скаржинского в Бобринецком уезде) [3]). Зато безусловно крупным экономическим фактом надо признать уничтожение крепостной фабрики в Подолии. В 1828 году она представляла половину предприятий губернии. Фактически (по размерам предприятий и видам производства) ее влияние было еще более значительным [4]). В 1861 году ей принадлежит только 0,4% местной промышленности. Из всех помещичьих предприятий здесь уцелела только одна писчебумажная фабрика (помещика Маковецкого в с. Про-

---

[1]) Журн. ман. и торг., 1829, № 7, с. 67—68, 72—73.

[2]) Павлович, 197—98, 205—206; Оглоблин, Крепостная фабрика. „Еще не очень давно было их (суконных фабрик) 4; но по недостатку выгод, приносимых владельцам, действия на них или приостановлены, или же они вовсе упразднены“ (Павлович, 205). Это, кроме фабрик Папкова и Струкова, 2 фабрики в Новомосковском уезде (Павлович, 197).

[3]) Журн. ман. и торг., 1831, № 3, с. 88, 90—93. В 1832 году их числилось здесь 7 (Список фабрикантам, II, 804). О мигейской фабрике Скаржинского—Журн. мин. гос. им., 1846, ч. XX, отд. 3, с. 145. В 1857 году их было 4 (Шмидт, II, 432).

[4]) Журн. ман. и торг., 1831, № 10, с. 33—58. См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

скуровке, Ушицкого уезда) с 25 рабочими [1]). Следующее место по силе вымирания крепостной фабрики принадлежит Харьковщине и Киевщине. Однако, на Киевщине за нею все же остается больше половины всех рабочих, при $^1/_{12}$ общего числа предприятий. В данном случае эти 50% характеризуют, конечно, только помещичью суконную промышленность, которая имела здесь крупные размеры, была технически и организационно усовершенствована и связана с украинским и русским рынками [2]). Устойчива крепостная фабрика на Волыни (если только данные 1861 года относительно Волыни точны). Бесспорно, эта устойчивость связана с крупными помещичьими предприятиями конца 50-х годов (особенно в имениях кн. Сангушко). Относительно Черниговщины нельзя сделать определенного заключения, по отсутствию данных для 1828 года. Повидимому, здесь процесс шел более нормально: характерно, что только Черниговщина (и отчасти Харьковщина) дают более нормальный процент крепостных рабочих в 1861 году. Впрочем, нельзя забывать развития купеческой фабрики в северной Черниговщине. Если принять во внимание хозяйственные особенности дворянской индустрии на Киевщине в середине столетия, то следует на первом месте поставить промышленность Полтавщины, устойчиво сохранявшую свой крепостной характер. Изменения среднего числа рабочих на 1 предприятии по отдельным губерниям весьма интересны. (См. табл. на 212 стр.).

Указанная таблица представляет значительную пестроту. Бесспорный интерес имеют данные, касающиеся Харьковщины и Киевщины — с одной стороны, Волыни и Подолии — с другой. Для первых мы видим уменьшение среднего числа рабочих на одном предприятии, увеличение среднего числа рабочих на вотчинной фабрике и увеличение же среднего числа рабочих на недворянской фабрике. Зато на Волыни и Подолии, при сильном сокращении общего среднего числа рабочих, мы находим увеличение сред-

---

[1]) Архив истории труда, III, 149. См. Труды Киевского вспомогательного комитета 1882 г., с. 239; Обзор разл. отраслей, III, 143.

[2]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

него числа крепостных рабочих (на Волыни; в Подолии оно остается почти неизменным) и уменьшение среднего числа рабочих на недворянской фабрике.

Губернии	Число рабочих					
	На 1 предприятии		На 1 дворян. предприятии		На 1 недвор. предприятии	
	1828	1861	1828	1861	1828	1861
Волынская	30	9	30	50	29	5
Екатеринославская	11	12	102	(356)	4	10
Таганрогское град.	?	13	?	—	?	13
Киевская	29	16	48	108	4	8
Подольская	18	4	27	(25)	9	4
Полтавская	63	23	215	94	10	8
Харьковская	31	28	128	148	4	19
Херсонская (с Одесским град.)	9	22	39	(70)	7	22
Черниговская	?	31	?	62	?	26 [1]

Остановимся теперь на некоторых отраслях вотчинной промышленности перед реформой. Почти во всех производствах, охваченных ведомостью 1861 года, мы видим заметную деградацию вотчинной фабрики. В одних случаях это связано было с усилением влияния купеческого капитала; в других—означало упадок соответствующего производства. Характерный пример первого отмечаем в области суконной промышленности; второго—отчасти в полотняном производстве (здесь, скорее, смешение двух случаев) и, особенно, в металлургической промышленности. Если вотчинная фабрика в области суконного производства продолжала существовать в некоторых губерниях, это об'яснялось несомненно тем, что дворянская фабрика располагала даровым или дешевым трудом крепостных. Немалое значение имело и то обстоятельство, что дворянская и купеческая фабрика имела не один и тот же рынок сбыта. Рассмотрим положение дворянской фабрики на Черниговщине. Купече-

[1]) Таблица составлена на основании исчислений, указанных в примечаниях 1 и 2 на стр. 206, 2 на стр. 207 и 1 на стр. 208. В скобках указано число рабочих на 1 дворянской фабрике в тех губерниях, где в 1861 году находилось только одно вотчинное предприятие (соотв. произв.).

ские фабрики здесь обслуживали запросы широкого рынка, местного и дальнего (русского и отчасти китайского); дворянские фабрики—преимущественно Комиссариат и, конечно, панское хозяйство. Вотчинные фабрики, выделывавшие тонкие и средние сорта сукон, должны были выдерживать конкуренцию купеческих предприятий и потому были редки. В 1832 году, когда купеческая фабрика еще только появлялась на Черниговщине, из 7 помещичьих фабрик губернии только две выделывали более ценные сорта сукна[1]). Впоследствии, когда развилась клинцовская суконная промышленность, дворянская фабрика или прекращает свою деятельность, или же переходит на выделку только определенных видов суконных изделий, чаще всего солдатских сукон. Из указанных выше двух фабрик 1832 года к середине столетия осталась только понуровская фабрика, причем главное внимание ее было обращено на выделку твина, фланели и одеял[2]). Почеповская суконная фабрика гр. Клейнмихеля, устроенная в начале 30-х годов для выделки средних сортов сукна из шпанской шерсти, в 1845 году переходит на простые сукна из черкасской шерсти. Мелкие предприятия попросту закрывались[3]). Понуровской фабрике приходилось вводить технические улучшения, и это, при крепостном труде, помогло ей продержаться до реформы[4]). Сравним положение купеческой и дворянской фабрики (суконного производства) на Черниговщине в середине столетия. Преобладание купеческой фабрики несомненно.

	1851 г.	1860 г.
общее число фабрик	21	18
купеческих фабрик.	11	14
общее число рабочих	4151	4233
на купеческ. фабриках.	2289	3492
общее количество изделий (в тыс. арш.)	635,$_1$	1073,$_8$
на купеческ. фабриках. „ „	410,$_1$	839,$_2$
общая сумма производства (в тыс. руб.)	1148,$_7$	1630,$_5$
на купеч. фабриках „ „	950,$_0$	1418,$_4$

[1]) Список фабрикантам, II, 813—814. См. Черн. губ. вед., 1852, с. 189.
[2]) Черн. губ. вед., 1852, с. 190.
[3]) Ibid. с. 190—91.
[4]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

Положение купеческой и дворянской суконной фабрики 1851 и 1860 годов представляется следующим:

	1851		1860	
	% %			
	куп.	двор.	куп.	двор.
число предприятий	52,4	47,6	77,8	22,2
число рабочих	55,1	44,9	82,5	17,5
количество изделий	64,6	35,4	78,2	21,8
стоимость изделий	82,6	17,4	86,9	13,1 [1]

Купеческая суконная фабрика Черниговщины, занимавшая весьма видное место в начале 50-х годов, к концу десятилетия делает заметные успехи. Накануне крестьянской реформы в купеческих руках находилось свыше $^3/_4$ суконных фабрик губернии, где занято было свыше $^4/_5$ общего числа рабочих рук. Из 10 вотчинных фабрик, работавших в 1851 году, к концу 50-х годов прекратили существование 7 (в том числе также батуринская фабрика) [2]; вновь возникла небольшая суконная фабрика кн. Голицыной в Суражском уезде [3]. Сокращение числа дворянских фабрик освобождало большое количество крепостных рук: естественно повышение процента вольнонаемных рабочих при почти неизменном общем количестве рабочих. Значительно больший интерес представляют цыфры продукции. Здесь положение дворянской фабрики кажется более устойчивым, а, следовательно, успехи купеческой — менее заметными. Если процент количественной продукции купеческой фабрики повысился довольно заметно (на 13,6%), то отношение качественной продукции осталось почти прежним (повыш. на 4,3%). Зато доля одного рабочего в крепостном производстве, составлявшая в 1851 году 106,7 руб-

[1]) Приведенные таблицы составлены на основании данных: для 1851 г.—Гутмана (Черн. губ. вед., 1852, с. 173—79, 185—91) и Домонтовича (261—73), с некоторыми поправками; для 1860 года—Домонтовича (270—72). Количество изделий и сумма производства на купеческих фабриках вычислены приблизительно (взяты круглые цыфры).

[2]) Она прекратила свою работу в 1855 году (Домонтович, 261).

[3]) Черн. губ. вед., 1852, с. 188—91; Домонтович, 268—69.

лей, в 1860 году повысилась до 264,8 р. Впрочем, устойчивость дворянской фабрики в 1860 году—только кажущаяся. Правда, закрытие целого ряда мелких вотчинных фабрик усиливало позицию оставшихся; с другой стороны, развитие капиталистических отношений заставляло помещиков-фабрикантов подтягиваться, вводя крупные технические улучшения (паровые двигатели, механические станки) и сильно сокращая число рабочих. Но стóит только ближе познакомиться с дворянскими предприятиями суконной промышленности в 1860 году,—и положение дворянской суконной фабрики станет для нас ясным. Обе фабрики Голицыных (в Суражском и Нежинском уездах), по их незначительности, можно не принимать в расчет. Остальные две (понуровская Миклашевского и машевская Головиной) были в неодинаковых условиях. Первая изготовляла преимущественно средние сорта сукон и обслуживала широкий рынок; вторая выделывала почти исключительно солдатские сукна, поставляя их в Комиссариат. Продукция первой в 1860 году оставалась на одном уровне с 1851 годом. Зато продукция машевской фабрики удвоилась (увеличилась со 100 тысяч до 200 тысяч аршин)[1]). Ясно, что успехи дворянской фабрики в 1860 году были, в сущности, успехами машевской фабрики и отчасти об'яснялись увеличением казенной поставки. Зато понуровская фабрика, обслуживавшая тот же рынок, что и купеческие фабрики Черниговщины, несколько сокращает свое производство, несмотря на технические усовершенствования[2]). Вполне понятно, что дворянская суконная фабрика здесь не пережила реформы. К 80-м годам из всех дворянских предприятий этого рода уцелела только сократившая свое производство (армейские сукна) до ничтожных размеров машевская фабрика, да и та находилась в купеческой аренде[3]).

---

[1]) Затрудняемся разрешить серьезное противоречие между сообщениями Домонтовича (с. 262, 270) о количестве суконной поставки машевской фабрики в 1860 году – и официальными данными (Журн. ман. и торг., 1860, т. IX, прилож., с. 29). Приходится допустить, что продукция этой фабрики шла не только в казну.

[2]) Черн. губ. вед., 1852, с. 188—91; Домонтович, 262—63, 268—72. См. Оглоблин, Крепостная фабрика.

[3]) Оценка недвижимых имуществ, ч. III, с. 95; Орлов, Указатель, 21.

Полотняных дворянских фабрик было в 1832 году на Украине 8 [1]), в 1861 году—4 [2]). По отдельным губерниям эта разница становится более заметной при сравнении данных 40-х и 50-х годов. Так, на Киевщине мы имеем их (полотняных и салфеточных фабрик) в 1843 году 8, в 1846 году—5 [3]), в 1861 году—2 [4]). В Полтавской губернии в 1846 году было 7 полотняных („замечательнейших") и парусных фабрик [5]); в 1861 году—1 [6]). Зато в Харьковщине, где в 1832 году их вовсе не было, в 1846 и 1852 годах мы находим их 2 [7]); в 1861 году—1 [8]). На Волыни и Подолии числилось полотняных фабрик в 1852 г. 4 (по 2 в каждой губернии); в 1861 году там не оставалось ни одной [9]). В 1847 году в Подолии числилось 5 салфеточных фабрик [10]). Нельзя связывать упадок полотняной промышленности на Украине с общим кризисом полотняного производства Империи, хотя, конечно, этот кризис не мог не сказаться на украинской промышленности [11]). Не следует забывать, что парусно-полотняное производство, одна из старинных отраслей украинской фабричной промышленности, было слабо развито в начале XIX столетия. Еще в 1828 году Журнал мануфактур и торговли сокрушался об отсутствии полотняных фабрик на Волыни. „Что истинно достойно сожаления, то это совершенный недостаток полотняных фабрик, которые могли бы там процве-

---

[1]) Список фабрикантам 1832 года, ч. I, с. 123, 241—42; ч. II, с. 600—601, 822—23.

[2]) Архив истории труда, III, 148—150.

[3]) Стат. опис. Киев. губ., III, 4—5.

[4]) Архив ист. труда, III, 148.

[5]) Арандаренко, II, 337. Изделия парусинной фабрики Паульсона отправлялись также в Одессу для продажи на флот (ibid., III, 183).

[6]) Архив ист. труда, III, 149.

[7]) См. Список фабрикантам, II, 710—30; Журн. ман. и торг., 1847, ч. II 459; Журн. мин. гос. имущ., 1856, ч. LIX, отд. 2, с. 20.

[8]) См. Арх. ист. тр., III, 150.

[9]) Журн. ман. и торг., 1853, ч. IV, с. 325. См. Арх. ист. тр., III, 148—49.

[10]) Тверитинов, 123.

[11]) Туган-Барановский, Фабрика, 68—73. См. Журн. ман. и торг., 1831 № 2, с. 18.

тать, по изобилию в том краю льна и пеньки“ [1]). Следующая таблица, представляющая общее число полотняных фабрик—и дворянских и купеческих,—может несколько уяснить ход развития этой промышленности.

Годы.	Фабрики.
1806	9
1832	10
1846	19
1852	15
1861	11 [2]).

Совершенно ясно, что полотняная промышленность не развивается в первой четверти столетия. Начало ее развития—это 30-е годы, время кризиса этой промышленности в России. В Полтавской губернии в 1828 году была 1 полотняная фабрика; в 1832 году их было уже 4 [3]). Нетрудно видеть, что это увеличение связано было с успехами вотчинной промышленности в пору аграрного кризиса. Перелом начинается (напр., на Киевщине) с середины 40-х годов, после окончания кризиса. В 1843 году на Киевщине было 8 полотняных фабрик; в 1846 году—5. То же сокращение находим и в других губерниях. Особенно важно то, что резко сокращалось число дворянских предприятий. В 1832 году—они составляли 80% в 1846 г.—68,4%; в 1861 году—только 45,5%. Перед нами, главным образом, упадок вотчинной фабрики в области полотняной промышленности. Тот же процесс совершался и в остальных производствах, захваченных помещичьим предпринимательством. Особенно заметны его результаты в области металлурги-

[1]) Журн. ман. и торг., 1831, № 11, с. 72.

[2]) Таблица составлена на основании данных: для 1806 (?) года—Голицына (Статистические таблицы, таблица № 3); 1832 г.—Списка фабрикантам 1832 года (ч. I—II); 1846 и 1852 г. г.—Журн. ман. и торг. (1847, ч. II, 459; 1853, ч. IV, с. 325; к данным 1852 года добавлены 2 полотняные фабрики, несомненно существовавшие тогда в Харьковщине (См. Журн. мин. гос. имущ., 1856, ч. LIX, отд. 2, с. 20); 1861 г.—Архива истории труда (III, с. 148—50), сопоставленных с данными 1863 года (Сб. мин. фин., 1865, т. II, № 7) и Домонтовича (с. 353—54; к 6 купеческим фабрикам мы добавили еще полотняную фабрику Миклашевского).

[3]) Журн. ман. и торг., 1831, № 2, с. 51; Список 1832 г., II, 600—601.

ческой промышленности, где вотчинная фабрика в первой четверти столетия занимала почти исключительное положение [1]). Иную картину находим в тех отраслях промышленности, которые были неразрывно связаны с сельским хозяйством. Там положение дворянской фабрики было значительно более устойчивым. Но эта устойчивость совершенно понятна. Имея в своих руках основу этих промышленных отраслей—сельское хозяйство, дворянство сохраняло здесь свои позиции только при условии или перехода на „коммерческий расчет“ (крупные свеклосахарные заводы)—или же полного слияния с местным земледельческим хозяйством (незначительные свеклосахарные заводы, винокуренные, кирпичные и т. п. заводы). В первом случае дворянская фабрика немедленно сливалась с общей массой фабрично-заводской промышленности, отказывалась от основного своего признака —крепостного труда и связи с сельским хозяйством. Во втором—она уступала поле сражения купеческой фабрике, уходила под защиту сельского хозяйства, утрачивала свой промышленный характер. И в том и другом случае крепостная фабрика отмирала. Но вымирала не просто крепостная фабрика, вымирала дворянская (вотчинная) фабрика [2]).

IX.

Отражение интересов крепостной промышленности в конце 50-х годов мы находим в деятельности губернских

[1]) См. Оглоблин, Крепостная фабрика; Бунге, Исследования о железной промышленности. В другой своей статье (середины 50-х годов) Бунге писал: „в губернии Волынской основание заводов (железоделательных) на коммерческом основании едва ли возможно. Где найдут предприниматели достаточное число вольных работников, если-б даже и были все благоприятные материальные условия: хорошая руда, леса, достаточный капитал для затраты и оборотов?.. Они (горные промыслы) требуют более привыкших к делу, приготовленных работников. Поэтому теперь они могут быть основаны только владельцами огромных имений (располагающих большою барщиною) и то в небольших размерах“ (Бунге, Промышленность и ее ограничения во внешней торговле, статья 4, с. 594, прим.). В данном случае Бунге несколько недооценивал общего упадка металлургической промышленности Правобережья, в тяжелых условиях конкуренции русского и отчасти польского железа.

[2]) Ср. Струве, Крепостное хозяйство 79.

дворянских комитетов об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян (1858—59 г.г.). Промышленное оживление середины 50-х годов, захватившее и дворянское предпринимательство, слишком тесно связало интересы многих помещичьих хозяйств с положением вотчинных фабрик и заводов. Губернские комитеты начинали свою деятельность тогда, когда еще не обнаружился во всей своей широте хозяйственный кризис конца 50-х годов. Бесспорно, грозные признаки надвигающегося кризиса, обнаружившиеся на рубеже 1858 и 1859 годов, должны были встревожить дворянскую „промышленную группу“ и повлиять на деятельность губернских комитетов. Конечно, при этом необходимо иметь в виду, что промышленный под'ем не с одинаковой силой захватил различные местности Украины. Кризис конца 50-х годов, тяжело отразившийся на капиталистической промышленности, ставил вотчинную фабрику в особенно трудное положение, загоняя ее в тупик крепостного труда, т. е. фактически, в тех условиях, уничтожая ее. Но под'ем помещичьего предпринимательства, вызвавший много новых и дорого стоивших предприятий, связал поместное дворянство необходимостью хотя бы временного сохранения этих предприятий, т. е. продлением обязательных отношений между помещиками и крестьянами. Именно влияние этого начала кризиса, который еще не развернулся вполне, мы и находим в отношении губернских комитетов к вопросу о крепостной фабрике. Само собою разумеется, в губернских комитетах тех местностей, где крепостная (вотчинная) фабрика почти исчезла до реформы или же в большей части перешла к вольнонаемному труду (Киевщина), этот вопрос или не имел никакого практического значения, или же решался в интересах более скорой ликвидации крепостных отношений. Зато комитеты тех губерний, где вотчинная фабрика существовала на старых экономических основаниях (Черниговщина, Полтавщина), заняли твердую и совершенно определенную позицию в данном вопросе [1]). В этом отношении большой интерес

[1]) См. Труды черниговской архивной комиссии, вып. IX, с. 305—308. Вот почему нельзя согласиться со слишком общим мнением М. Балабанова, который в своей книге „Очерки по истории рабочего класса в

представляют выступления в черниговском губернском комитете 1858—59 г.г. представителей дворянской индустрии. Выразителем дворянских настроений и опасений явился кролевецкий помещик Савицкий, владелец нескольких заводов (в частности, свеклосахарного) и фаянсовой фабрики [1]). Он несколько раз выступал в комитете по поводу „мастеровых крестьян при заводах". Его выступления носили не только личный характер. Через него выступали по данному вопросу „от лица всех заводчиков" представители уездов Стародубовского, Глуховского, Конотопского, Борзенского, Сосницкого и Кролевецкого, т. е. уездов, где сосре-

---

России", затрагивающей, по старой привычке русской историографии, и украинское хозяйство, утверждает, что „сохранять его (крепостной труд на помещичьих фабриках), хотя бы временно, не представляло надобности" (op. cit., ч. II, с. 23). Наоборот, эта отсрочка, в условиях еще не развернувшегося в полной мере кризиса, имела большое значение для дворянской индустрии, особенно некоторых губерний. Что помещики несколько не уясняли себе практической стороны сохранения „обязательных отношений" в вотчинной промышленности— это бесспорно. Но сохранение этих отношений тогда, в первый период реформы, казалось многим из них жизненной необходимостью. Ср. Струве, Крепостное хозяйство, 138—58.

Материалы деятельности отдельных губернских комитетов использованы нами по сборнику „Материалы для истории отмены крепостного права в России", находящемуся в коллекции Бунге (№ 372), в Библиотеке Киевского Университета (в ссылках—Материалы Бунге). Н. Х. Бунге, профессор и ректор Киевского Университета, был членом-экспертом редакционных комиссий (Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, I, 265).

[1]) А. Л. Савицкий (1811—84) был далеко незаурядным членом комитета. По окончании нежинского лицея, он служил в Петербурге, где занимал видное место в министерстве государственных имуществ; по выходе в отставку, управлял имениями кн. Воронцова в Крыму. В 50-х годах занялся своим хозяйством в им. Ушивке (Кролевецкого уезда) и промышленными предприятиями. После ликвидации их, в начале 60-х годов переехал в Петербург, где занялся журналистикой и адвокатурой; ему принадлежит ряд статей по хозяйственным вопросам. Последние годы жизни провел в Чернигове, занимаясь литературно-философскими трудами и изданием их (Модзалевский, Родословник, IV, 426—27; Русский Биографический Словарь, том Сабанеев—Смыслов, с. 32). О промышленных предприятиях Савицкого—Домонтович, 303, 322, 334, 359. О Савицком— интересные сообщения его сочлена по комитету А. И. Покорского-Жоравко (Труды черниговской архивной комиссии, в. XI, 92, 94).

доточена была бóльшая часть дворянских промышленных предприятий [1]). Интересы помещичьей индустрии были представлены в черниговском комитете довольно сильно. Кроме Савицкого, здесь были владелец понуровской суконной фабрики И. М. Миклашевский, 11 свеклосахарных заводчиков (одна треть членов комитета) и т. д. Наконец, почти все члены комитета были винокуренными заводчиками [2]). Это обстоятельство делало выступления Савицкого и „промышленной группы" особенно вескими и обеспечивало им верный успех. Основная мысль всех этих заявлений несколько двоится. С одной стороны, владельцы фабрик и заводов озабочены тем, что, с прекращением обязательных отношений между помещиками и крестьянами, их предприятия могут остаться без квалифицированных рабочих. С другой—владельцы человеческой рабочей силы хотели, и это с их точки зрения было вполне логично, получить выкуп за крепостные души, обученные ими различным мастерствам, прикрывая это желание необходимостью вернуть значительные издержки, понесенные ими при организации промышленных предприятий и подготовке крепостных мастеров. „Не обрекается ли вся заводская промышленность чрез такой быстрый переход от хозяйственного к коммерческому устройству (т. е. от крепостного хозяйства к капиталистическому — *А. О.*), при недостатке капиталов, на верную жертву монополии того самого ремесленного класса, которого образование стоило заводчикам не только значительных издержек, но и неизбежной потери времени, с понесением убытков при недостатке их опытности. Откуда мы возьмем других мастеров, если приученные

---

[1]) Труды черниговской архивной комиссии, IX, 307.

[2]) Списки заводчиков и фабрикантов Черниговской губернии—у Домонтовича, 261—365. Список членов комитета (и кандидатов к ним): первоначальный—Журн. мин. вн. дел., 1858, ч. XXXI, отд. 1, с. 243—45; окончательный—Труды черн. арх. ком., IX, 35—36. Среди кандидатов также было несколько свеклосахарных заводчиков. Списки членов других губернских комитетов и киевской общей комиссии—Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, т. I, с. 281—82 284—85, 288—89, 305—306, 306—308, 317—18, 322—24, 324—25, 325—27 332 — 33. Состав редакционных комиссий — ibid., с. 263 — 67. Сроки деятельности губернских комитетов—ibid., с. 272—73.

нами откажутся служить за задельную плату". Указанное опасение, конечно, было призрачным, и это хорошо сознавали те же помещики. Но они также хорошо знали, что „каждый из владельцев, предпринимая устройство какого-либо завода или фабрики, должен был жертвовать значительною частью своего капитала на первоначальные опыты сих производств, при которых без иностранцев нельзя было обойтись, рискуя часто всем состоянием в случае неудачного выбора". Жаль было затраченных средств, еще не окупивших себя, и ясно было, что у помещиков нет капиталов для перехода на новые экономические рельсы. Боязнь „посторонних спекуляторских посягательств на труд" [1]), призрак торжествующего купца, капиталиста, которому вольный рабочий продает свой труд, не делясь своим заработком с помещиком,—был страшилищем для заводчиков не только средней руки. Выход оставался один: надо было как можно дольше протянуть состояние обязательных отношений между помещиками и крепостными рабочими. „Как же мы хотим лишить себя добровольно—писал тот же Савицкий—льготного переходного периода, когда правительство, не допуская до крайности сих производств, в главе VI программы предоставило определить службу крестьян, обученных попечением помещиков для разных ремесл и хозяйственных должностей, степень вознаграждения их за излишние рабочие дни и срок их службы? Лишить этого права владельцев, заводчиков, которые на устройство своих заводов и на приучение мастеровых затратили безвозвратно значительные капиталы, большею частию в долг, составляющий для них ничем не вознаградимое бремя? Если не по уважению к сему, то ради общественной пользы, получаемой всем населением от промышленных заведений, без которых Черниговская губерния должна понесть огромную потерю в общей сложности частного и государственного дохода, мы обязаны сохранить за собой преимущества льгот-

[1]) См. Материалы Бунге, т. V (особое мнение члена от Подольской губернии Бернатовича по §§ 154, 155, 156 и 157 гл. VI проекта положения Общей комиссии). То же опасение сквозит в рассуждениях членов других губернских комитетов (ibid.).

ного периода, с высшею предусмотрительностью дарованные правительством, чтобы не нарушить хозяйственного устройства имений". Савицкий, в сущности, ломился в открытую дверь. Когда „промышленная группа" обратилась в комитет с просьбой, подкрепленной ссылкой на Ремесленный Устав и угрозой закрытия заводов,—внести в Положение параграф, предусматривающий право помещиков на обязательный труд мастеровых крестьян „сверх следующей за надельную землю повинности, в течение трех лет", эта статья была без изменений внесена в проект Положения [1]). Таким образом, в черниговском комитете представители дворянской индустрии весьма ловко связали вопрос об использовании труда бывших крепостных на фабриках и заводах—с вопросом о праве помещика на дополнительное вознаграждение со стороны тех крепостных, которые были обучены за счет помещика разным ремеслам [2]). Проект Положения черниговского комитета, при 12-летнем сроке переходного периода (§ 24) и затрудненном переходе с натуральной повинности на денежную (гл. VI, отд. 2), предусматривал, сверх общей повинности за надел, обязательную постоянную службу в течение трех лет „крестьян, обученных попечением помещика мастерами для заводских и фабричных производств", „с производством им от помещика содержания и жалованья" (§§ 145—146). Мало того. „Ученики из крестьян, обучаемые на счет помещика заводским ремеслам, остаются в обучении на иждивении же помещика", с обязательством, по окончании его, „отслужить ему (помещику) три года в качестве подмастерьев", но не дальше конца срочно-обязанного периода (12 лет,—§ 147) [3]). Дворянская индустрия хотела застраховать себя и на будущее. Вопрос о крепостном труде на фабриках и заводах

---

[1]) Труды черн. арх. комиссии, IX, 194—96, 305—308, 345; см. ibid., с. 176, 212—14, 361. Некоторые члены комитета предлагали установить общий срок отработки крепостных работников и мастеровых в 10 лет (ibid., 366). См. также Материалы Бунге, т. VIII.

[2]) Первое издание материалов редакционных комиссий, ч. VI, доклад хозяйствен. отделения № 18, с. 4. Срок (2 года) указан ошибочно (ibid.).

[3]) Материалы Бунге, т. VIII, проект положения об улучшении быта помещичьих крестьян Черниговской губернии.

был поставлен и в полтавском комитете. Меньшинство полагало, что „работы на заводах и фабриках особенно тяжки для крестьян и не должны быть допускаемы обязательно при устанавляемых новых отношениях между помещиками и крестьянами". Большинство комитета, конечно, не согласилось с этим, указывая, что „в помещичьих имениях Полтавской губернии нет заводов и фабрик, требующих от работника особенного изнурительного труда: заводы в Полтавской губернии все почти хозяйственные, обрабатывающие собственные продукты земледелия. Некоторые из них и без того действуют на коммерческом основании; а если употребляют и обязательный труд, то с особенным вознаграждением". Ввиду этого „ограничение права помещика обращать на заводы труд, который крестьянин даст ему взамен денежного оброка, расстроило бы в самом начале многие хозяйства, обратилось бы в некоторых случаях во вред самим крестьянам и повело бы к неприятным столкновениям, тяжбам и беспорядкам". Помещики Полтавщины просто боялись остаться без дешевой рабочей силы, в виде обязательного крестьянского труда, который выгодно было, при нелегкости сбыта продуктов сельского хозяйства, обращать на фабрично-заводские работы. Доводы большинства, конечно, рассчитаны были на классовое чутье своих неразумных собратий и на запугивание правительства и администрации. Едва ли помещичьи опасения за благополучие самих крестьян, не лишенных права самостоятельно, без участия помещика, распоряжаться своим трудом, могли бы убедить их (крестьян) отказаться от этого права. Неудивительно, что в проекте полтавского комитета „порядок отправления повинностей применен к ныне (1858 г.) существующему" (см. § 88 и урочное положение). Так как в полтавском проекте срочно-обязанный период устанавливался в 12 лет (со дня опубликования положения, — § 18), причем первая половина (6 лет) его обязательно связана была, полностью или частично, натуральной повинностью (§§ 84—85), то помещичья промышленность на довольно долгий срок была обеспечена дешевой рабочей силой [1]).

[1]) Материалы Бунге, т. VIII, проект положения об улучшении быта помещичьих крестьян Полтавской губернии и обзор оснований проекта.

Харьковский комитет не ставит специально вопроса о праве помещика на фабрично-заводской труд крестьян. Но общие тенденции харьковского комитета, весьма интересные для хозяйственного развития Харьковщины в середине XIX столетия и его промышленного характера, несомненно ясны. Отказ от дополнительного вознаграждения помещиков за крестьян, „обученных попечением помещика разным мастерствам и искусствам“ (§ 99), конечно, предполагал соответствующее разрешение вопроса о фабрично-заводских работах крестьян. С другой стороны, трехлетний срок переходного периода, с возможным уменьшением, в случае выкупной операции, до одного года (§ 13), и допущение замены натуральных повинностей денежным оброком, по усмотрению крестьян (§ 89), исключали принудительный труд крестьян на фабриках и заводах. В перечне натуральных повинностей мы не встречаем фабричных работ [1]). Таким образом, хотя в проекте харьковского комитета и не оговорено соответствующего положения (см. § 96, ст. 9), но общая позиция харьковского дворянства в данном вопросе совершенно ясна [2]).

В Южной Украине мы находим более умеренное ограничение права помещика на обязательный фабрично-заводской труд крестьян. Так, екатеринославский комитет, подчеркивая, что „крестьяне противу их воли не могут быть... употребляемы в работы на помещичьих фабриках, заводах и ремесленных заведениях в тех имениях, где исполнение крестьянами повинностей в пользу помещика установлено платою (оброком), а не работою“ (§ 4, „б“), все же предполагал обязательный труд крестьян на помещичьих фабриках и заводах (§ 172), в частности, устанавливал уроки работ на винокуренных, кирпичных и т. п. заводах (урочное положение, § 6, №№ 11, 12, 17, 18, 19). Обязательность натуральных повинностей в течение первых

См. Первое издание материалов ред. ком., ч. VI, доклад хоз. отделения № 18, с. 3—4.

[1]) Материалы Бунге, т. VIII, положение об улучшении быта помещичьих крестьян Харьковской губернии; см. приложения к положению.

[2]) Первое издание материалов редакционных комиссий, ч. VI, доклад хозяйственного отделения № 18, с. 2.

8 лет (§ 142) срочно-обязанного положения еще более подчеркивала это [1]). Херсонский комитет обошел вопрос о работах крестьян на помещичьих фабриках и заводах молчанием. Но устанавливая обязательную смешанную (за пользование полевыми участками—работою; за пользование усадьбами—деньгами) повинность крестьян (§§ 126—27) и не оговаривая запрещения употреблять крестьян на фабрично-заводские работы (см. также §§ 141—44), он несомненно оставлял за помещиком соответствующее право в течение 8 лет переходного срока (§ 21); впрочем, урочное положение не упоминает о фабрично-заводских работах [2]). Таврический комитет, сохраняя общий 12-летний срок переходного состояния (впрочем, допуская возможность прекращения его, по соглашению с крестьянами) [3]) (§§ 19—20), не устанавливал для общей массы крестьян обязательности натуральной повинности (§ 87). В урочном положении таврического комитета мы и не встречаем упоминания о работах на фабриках и заводах [4]): для таврического хозяй-

---

[1]) Материалы Бунге, т. IV, положение об улучшении быта помещичьих крестьян Екатеринославской губернии. См. Первое издание материалов редакционных комиссий, ч. VI, доклад хозяйственного отделения № 18, с. 3. Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор граф Строганов считал „весьма полезным" в интересах самих же помещиков сократить этот срок (12 лет) „по крайней мере наполовину" (Материалы Бунге, т. IV).

[2]) Материалы Бунге, т. IV, положение об улучшении быта помещичьих крестьян Херсонской губернии. Хозяйственное отделение редакционных комиссий истолковывало это умолчание в урочном положении, как отказ херсонского комитета от фабричных и заводских повинностей крестьян (Первое издание материалов ред. ком., ч. VI, доклад хоз. отд. № 18, с. 2). Комитет, впрочем, в своем проекте не отказывался формально от них (см. Материалы Бунге, т. IV). Треть членов херсонского комитета, представители южных уездов, настаивала на сокращении переходного срока до 4 лет (Материалы Бунге, т. IV).

[3]) В „обзоре оснований" таврическое дворянство выразило „свое искреннее убеждение", что переходное состояние может быть прекращено в Таврической губернии ранее положенного срока (ibid.).

[4]) Материалы Бунге, т. IV, проект положения об улучшении быта помещичьих крестьян Таврической губернии. См. Первое издание материалов редакционных комиссий, ч. VI, доклад хозяйственного отделения № 18, с. 2. Мы останавливаемся здесь на таврическом проекте, как дополняющем точку зрения дворянских комитетов Южной Украины на интересующий нас вопрос.

ства этот вопрос почти не имел практического значения. Комитеты трех правобережных губерний несколько неясно формулируют свое отношение к данному вопросу. Киевский комитет, при 9-летнем сроке переходного периода и необязательности натуральной повинности (она становилась обязательной только в случае неуплаты в срок денежного чинша,—§§ 154—58), предполагал, что „крестьяне, кроме полевых работ, могут быть употребляемы, по усмотрению вотчинного управления, на винокуренных заводах, находящихся в той же или смежной с нею деревне“ (§ 164; см. § 165, § 170, примечание)[1]). Волынский комитет, устанавливая 12-летний срок переходного периода (§ 20) и обязательность панщины в течение 9 лет (§ 117), не отрицал возможности обращения ее на фабрично-заводскую работу (§ 128)[2]). Подольский комитет, при 12-летнем сроке срочно-обязанного положения (§ 25) и обязательности натуральной повинности (с частичной заменой ее чиншем) „на все время обязанного состояния“ (§ 109), устанавливал, что крестьяне, „кроме полевых и урочных работ, могут быть также по усмотрению помещика употребляемы на фабрики и заводы, находящиеся в той самой или смежной деревне, где имеют жительство“. При расстоянии свыше 5 верст, „они освобождаются от урочных работ в вышепоказанном размере, и тогда время, нужное для перехода, включается им в счет работы“ (§ 135)[3]). Общая комиссия Киевской, Подольской и Волынской губерний, в сущности, скомбинировала положения губернских комитетов по данному вопросу, несколько детализировав их. Установив 9-летний срок временно-обязанного положения и преимущественный денежный чинш (§ 151), с предостав-

---

[1]) Материалы Бунге, т. V, положение об улучшении быта помещичьих крестьян Киевской губернии. „Чинш комитет признал преимущественным выражением повинности крестьян к помещику и совершенно устранил принужденную работу, в видах надлежащего развития индивидуальной свободы и независимости труда“ (обзор оснований киевского комитета).

[2]) Материалы Бунге, т. V, проект положения волынского губернского дворянского комитета об улучшении быта помещичьих крестьян.

[3]) Материалы Бунге, т. V, проект общего положения об улучшении быта помещичьих крестьян Подольской губернии.

лением крестьянам права заменять его натуральной повинностью (§ 156), Общая комиссия постановила, что „крестьяне, кроме полевых работ, могут быть употреблены, по усмотрению вотчинного управления, на винокуренных и других сельских заводах, находящихся в той же или смежной деревне“, причем один день такой работы в зимнее время (с 1/X по 10/III) должен считаться за $1^1/_2$ рабочих дня (§§ 164, 169, примеч. 1)[1]).

В редакционных комиссиях и Главном Комитете этот вопрос рассматривался уже тогда, когда кризис обнаружился во всей силе, когда выяснились его причины и безнадежность положения крепостной фабрики. Редакционные комиссии поставили этот вопрос в рамки общеимперских дворянских интересов и разрешили его в общем направлении реформы. Связав вопрос о фабричных повинностях с вопросом о наделе, редакционные комиссии столкнулись с

---

[1]) Материалы Бунге, т. V, проект положения Общей комиссии. См. Первое издание материалов ред. комиссий, ч. VI, доклад хозяйственного отделения № 18, с. 24. Член от Подольской губернии Бернатович остался при особом мнении, утверждая, что „обязательный труд... мог бы быть первоначально (с некоторым уменьшением) удержан и впредь на некоторое время“. „Требование за отданную в пользование крестьян землю—писал он—денежного единообразного оброка, без уважения на местности, есть тем же самым крепостным налогом на стоимость труда,—причем жертвуются общие земледельческие интересы в пользу промышленного направления труда—полезного исключительным лицам и предприятиям“. Члены от Подольской губернин Бернатович и Собанский настаивали на предоставлении помещику права выбора чинша или работ в продолжение 9 лет (Материалы Бунге, т. V). Интересные материалы для истории деятельности правобережных комитетов и киевской комиссии—Pamiętniki Bobrowskiego, II, 92—340. Понятие „сельских заводов“ было крайне неопределенно. Хозяйственное отделение редакц. комиссий считало, что „заводы винокуренные, свеклосахарные, селитряные, кирпичные, дегтярные и т. п.“ состоят „в ближайшей связи с сельским хозяйством“ и отличаются от тех, „кои... составляют чисто мануфактурную производительность“. Комитеты предусмотрительно не проводили этого различия [см. Первое издание материалов ред. ком., ч. XIV, журнал общего присутствия № 136, об'яснительная записка к проектам дополн. правил..., с. 1 (несколько неясная формулировка), 8]. Мнения некоторых членов губернских комитетов и редакционных комиссий по вопросу о фабрично-заводском труде крестьян—см. Скребицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, том III, passim.

целым рядом практических трудностей, которые все покрывались одним общим и весьма убедительным соображением: „при значительно уже развившейся у нас мануфактурной деятельности, основанной на экономических началах свободного труда, всякое производство, вставленное в рамы обязательных отношений, не выдержит соперничества с вольным трудом“. Острота момента уже прошла, а для редакционных комиссий интересы крупной дворянской индустрии Правобережья и общие „виды правительства“ были, конечно, убедительнее доводов черниговского или полтавского промышленного дворянства. Ясно, что, по мнению комиссий, „как заводской, так и всякой фабричной деятельности, по самому существу своему, и согласно с мнением многих губернских комитетов, должен предстоять переход на вольный труд, как единственное экономическое основание для производительности такого рода“ [1]). Хозяйственное отделение редакционных комиссий в своем докладе (№ 18) в общее присутствие (6/III 1860) разграничивало крестьян, „исполняющих ныне натуральные повинности помещику постоянной работой на прочих (кроме горных и соляных) разного рода заводах, мануфактурах и фабриках и имеющих притом усадьбы и земельный надел“, и „крепостных заводских и фабричных людей, не имеющих ни земельных наделов, ни своей усадебной оседлости и живущих в помещичьих при фабрике или заводе строениях“. Первых оно полагало необходимым подчинить „общим правилам об устройстве усадебном и поземельном за причитающуюся помещику повинность“ и сохранить для них двухлетний срок обязательной работы, после чего они переводятся на оброк. Вторую группу хозяйственное отделение причисляло к дворовым и подчиняло соответствующим правилам [2]). Это была несомненная уступка представителям дворянской индустрии, „дабы не поставить разом владельцев фабрик в затруднительное положение и дать им время перевесть постепенно свое производство от крепостного труда к воль-

---

[1]) Первое издание материалов ред. ком., ч. VI, доклад хоз. отделения № 18, с. 73.

[2]) Ibid., с. 73—81.

ному“ [1]). Проект положения, составленный редакционными комиссиями, различал две группы (для Украины) вотчинных промышленных предприятий. Первая группа—„помещичьи заводы, учрежденные до обнародования сего положения и притом состоящие в ближайшей связи с сельским хозяйством, как то: винокуренные, пивоваренные, свеклосахарные, селитренные, дегтярные, кирпичные и тому подобные, не принадлежащие к предприятиям чисто промышленным или мануфактурным“. На этих заводах „крестьяне могут быть употребляемы для работ“, „в счет определенных положением рабочих дней“ (отд. VI, § 239), обязательно до введения уставной грамоты (9 месяцев) и допустимо в течение двух лет (срок окончательного введения в действие уставных грамот). Вторая группа—„помещичьи фабрики, заводы и вообще мануфактуры“—была поставлена в несколько особое положение. Фабричные и заводские крестьяне, работавшие на этих предприятиях, „переводятся на денежный, в пользу помещика, оброк“ немедленно по составлении уставной грамоты и, „во всяком случае, не позже, как через два года по утверждении положений о крестьянах“ (проект дополнительных правил о крестьянах, отбывающих работы на помещичьих фабриках,—§ 2), причем этот оброк, „в течение первых двух лет со времени действительного перевода“ на денежную повинность, они могли вносить вперед за месяц (вместо шести, установленных для всей крестьянской массы) (§ 3). До введения уставной грамоты (9 месяцев) они, в отношении к отбыванию повинностей, „остаются при том порядке, какой ныне в каждом имении существует“ (§ 11). В случае несоставления уставной грамоты в течение 9 месяцев, число обязательных работ (дней) сокращается для них на одну треть (§ 12). Дворовые, приписанные к помещичьим фабрикам и заводам этой группы, в общем порядке обязаны отправлять бар-

---

[1]) Первое издание мат. ред. ком., ч. XIV, журнал общего присутствия № 136, об'яснительная записка, с. 37; см. ibid., журнал, с. 1—4. Несколько неточно у М. Балабанова (op. cit., ч. II, с. 25).

щину в течение 2 лет (§ 13)[1]). Эти предположения почти без изменений были утверждены Главным Комитетом и Государственным Советом[2]).

Помещичьи опасения не были напрасны. В выступлениях дворянской „промышленной группы“ (в частности, в черниговском и полтавском комитетах)—не беспричинный страх перед реформой, не дворянский консерватизм, пугавшийся „коммерческого расчета“, а ясное понимание природы вотчинной фабрики и положения ее перед реформой. Они не ошиблись. Реформа, даже продлив крепостные отношения, уничтожила вотчинную фабрику, которая держалась только крепостным трудом—при крепостном праве[3]).

---

[1]) Первое издание материалов ред. комиссий, ч. XVIII, с. 270—71 405—406, 602—603, 708, 847—854. Проекты общего и местных положений сделали вполне возможным, в течение известного периода, обязательный труд крестьян на помещичьих фабриках (см. ibid., с. 7—8, 377—78, 589—91, 690—95).

[2]) II П. С. З., т. XXXVI, отд. 1, №№ 36657, 36662—64, 36669. См. Лященко, Очерки аграрной эволюции России, ч. II, с. 412—13.

[3]) В 1862—63 году Савицкий ликвидировал свои фабрики и заводы в Ушивке и уплатил долги по ним продажей леса на 25 тысяч (Модзалевский, Родословник, IV, 427). Суконная фабрика Струкова в Екатеринославской губернии, старый (с 1811 г.) поставщик солдатских сукон в казну, крупное предприятие (357 маст. и раб.; св. 50000 арш. сукна; от 5 до 10 тыс. чистого дохода в год), снабженное паровым двигателем и усовершенствованными машинами, работала еще в 1861—62 г., пользуясь трудом бывших крепостных. Но дни ее были сочтены. Павлович пишет: „нам известно... что эта фабрика будет закрыта по окончательном уничтожении крепостного права“ (Павлович, 205—206). Интересные сообщения о фабрике Струкова в это время—Афанасьев-Чужбинский, Поездка в Южную Россию, ч. I, с. 157—58. Труд временно-обязанных употреблялся, частью за панщину, на известковых и каменоломных заводах Новгород-северского уезда (Памятная книжка Черниг. губ., издан. 1862, с. 122, 125). См. Киев. Стар., 1901, IV, 31, 33—4. В Полтавской губернии число вотчинных фабрик быстро сокращается после реформы (см. Бодянский, Памятная книжка Полтавской губернии за 1865 г., отд. 2, с. 81—90; Богданович, Сборник сведений о Полтавской губ., 68—70). В подобном положении находилось немало помещичьих предприятий (напр., волокитинская фарфоровая фабрика Миклашевского, где в 1861 г. работали временно-обязанные „на вольной плате“, дала уже в 1860 г. убыток в 2 тысячи руб., при приходе в $11^1/_2$ тысяч, и Миклашевский в 1861 г. публиковал о желании сдать фабрику в аренду.—Памятная книжка Черниговской губ., с. 106—107, 109, 116, 118; см. Оглоблин, Крепостная фабрика).

„Одно только полное право распоряжаться крепостным трудом—писало в своем докладе хозяйственное отделение редакционных комиссий—могло установлять такие уроки и такую задельную плату, которые, даже при относительно меньшей производительности принудительного труда, выдерживали до некоторой степени совместничество фабрик свободных“ [1]).

---

[1]) Первое изд. материалов ред. ком., ч. VI, доклад хоз. отдел. № 18, с. 73; см. ibid., с. 75.

Оглавление.

Глава I. Общие условия развития фабрично-заводской промышленности в первой половине XIX века.

I. Историографические заметки. 11
II. Борьба польского и русского капитала из-за украинского рынка. 19
III. Русский капитализм и Украина. 39
IV. Условия экономического развития Украины в середине XIX века. Крымская война. Промышленный под'ем и кризис конца 50-х годов. 53
V. Рост промышленного капитализма в последнее крепостное десятилетие. 73
VI. Статистика фабрично-заводской промышленности в первой половине XIX века. 82

Глава II. Фабрика с вольнонаемным трудом.

I. Иностранная промышленная колонизация в первой четверти XIX века. 93
II. Торговый капитал и фабрично-заводская промышленность. I. . 102
III. Торговый капитал и фабрично-заводская промышленность. II. . 113
IV. Клинцовская суконная промышленность. 134
V. Фирма бр. Яхненко и Симиренко. 148
VI. Борьба купеческой и дворянской фабрики во второй четверти XIX века. 167
VII. Изменения в организации вотчинной фабрики в середине XIX века. 181
VIII. Дворянская фабрика накануне крестьянской реформы. 204
XI. Вопрос о вотчинной промышленности в губернских дворянских комитетах 1858—59 г. г. 218

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
15	24 сверху	дальне	дальне-
24	1 снизу	возростающем	возрастающем
26	8 „	частью	частию
34	10 сверху	14000	1400
38	15 „	большей	большой
47	13 сверху (таблица)	3_3,	$3_{,3}$
54	1 сверху	на	на
61	17 снизу (таблица)	9479 [1])	9479
„	5 снизу	[3])	[2])
„	8 „	[2])	[1])
65	26 сверху	это мвремени	этом времени
70	13, 14, 16, 17, 19 сверху	траты	тратты
71	11 „	вс его	всего
76	8 снизу	тем проста	темп роста
86	1 сверху	пиво	пиво-
„	7 „	важной	важны.
92	4 „	185 – 160	1851—60
97	7 снизу	guberni	gubernii
101	2 „	VXIII	XVIII
122	11 „	правительсто	правительство
128	4 „	1848 49	1848/49
130	17 „	в 1858	(в 1858
133	11 „	поселян	поселян“
142	10 „	Есимонтовски, II.	Есимонтовский, II,
156	3—4 сверху	(крах фирмы,	(крах фирмы)
„	15 снизу	т. III	(т. III
166	12 „	неудачная	неудачна
171	8 „	с. 166)	(с. 166)
176	таблица, 2 столбец	6662,5	66625
„	14 снизу	[2])	[3])
„	4—5 „	1845 год, с. 36)	1845 год (с. 36)
178	15 сверху	Другую	„Другую
179	12 снизу	№ 14995;	№ 14995);
188	5 „	Таганрога, и	Таганрога,
190	6 „	109—II	109—11
198	2 „	в губерниях	[в губерниях
199	11 „	году,	году
„	5 „	Wolyń	Wołyń
205	16 „	не	ни
206	4 „	фабрики	фабрик и
207	13 сверху	видим,	видим
209	2 снизу	11	1
211	1 сверху	Следующе	Следующее
„	17 „	дают	дает
213	2 снизу	Lbid.	Ibid.,
217	6 „	Харьковщине (См.	Харьковщине,—см.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ

ЭКОНОМИКА.

Балабанов М. История рабочего класса в России Ч. I. Стр. 177 . . . . . 1 р. 20 к.

Борхардт Ю. История хозяйственного быта Германии Ч. I. Стр. 144 . . . . . 80 к.

Жигалко П. Очередные вопросы промышленности. Стр. 43 . . . . . 17 к.

Жигалко П. Железная промышленность С. С. С. Р. Стр. 191 . . . . . 1 р. 75 к.

Кечеджи-Шаповалов, проф. Организация промышленности и торговли. Стр. 215 . . . . . 1 р. 25 к.

Качинский В. Очерки аграрной революции на Украине.
Вып. I. Уравнительный раздел земли. Стр. 108 . 50 к.
Вып. II. Обобществление сельского хоз. Стр. 112 . 50 к.

Нейрат О. История античного хозяйства . . . . . 75 к.

Павлович М. и **Рафаил.** Очерки современной Румынии. Стр. 162 . . . . . 90 к.

Промышленный план Украины. История, экономические основания, методология и анализ. Составлен по программе и под ред. председателя В. С. Н. Х У. С. С. Р. *К. Г. Максимова.* Стр. 140+CXXIV. . . . . 2 р. 50 к.

Перцович Н. Советские тресты и синдикаты. Организация крупной промышленности С. С. С. Р. . . . 1 р. 10 к.

Сальвиоли Г. Капитализм в античном мире. Этюд по истории хозяйственного быта. Стр. 187 . . . . 1 р. 50 к.

Слабченко. Организация хозяйства Украины, т. I . . 1 р. 25 к.

Слабченко. Организация хозяйства Украины, т. II . . 1 р. 25 к.

Слабченко. Организация хозяйства Украины, т. III . . 1 р. 50 к.

Турченко-Тур. Труд в сахарной промышленности. Стр. 97. . . . . 55 к.

Фомин П., проф. Экономика горной промышленности. Конспект-справочник. Стр. 47. . . . . 30 к.

Его-же. Каменноугольная и антрацитовая промышленность Донецкого бассейна. Стр. 240. . . . . 1 р. 45 к.

Л'Эспаньоль Пьер. Мировая война за нефть. Стр. 100. . 60 к.

Янжул И. Организация торговой к-ры Запада. Вып. I. Продажа. Закупка. Стр. 129 . . . . . 80 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ

ТРУДЫ того же автора

ВЫШЛИ В СВЕТ:

Очерки истории украинской фабрики. Мануфактура в Гетманщине.

Содержание: **Введение.** 1. Библиографическая справка. 2. Терминологические заметки. **Глава I.** История мануфактуры в Гетманщине. 1. Общие условия развития крупной промышленности в Гетманщине в первой половине XVII века. 2. Почеповская парусино-полотняная мануфактура. 3. Шептаковская парусино-полотняная мануфактура. 4. Топальская парусино-полотняная мануфактура. 5. Путивльская суконная мануфактура. 6. Рясковская суконная мануфактура. 7. Ахтырская табачная фабрика 8. Шостенский пороховой завод. 9. Различные предприятия крупной промышленности в Левобережной Украине XVII века. Купеческая фабрика в Гетманщине. 10. Эпоха „национальных строений" 11. Промышленная политика Румянцева. 12. Вотчинная фабрика в Гетманщине. **Глава II.** Организация мануфактуры в Гетманщине. 1. Управление мануфактурами. 2. Организация мануфактуры. 3. Хозяйство мануфактуры. 4. Условия работы мануфатуры. 5. Рабочие мануфактур. 6. Мануфактура и украинское общество. **Приложения.**

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Очерки истории украинской фабрики. Крепостная фабрика.

Содержание: Введение. **Глава I.** Мануфактура второй половины XVIII века в Правобережной Украине. I. Изменения в экономической жизни Правобережной Украины в последней четверти XVIII века. II. Главные течения польской экономической мысли эпохи разделов. III. Правобережная мануфактура. История и организация ее. **Глава II.** Вотчинная фабрика первой половины XIX века. I. Вотчинная фабрика в области суконной промышленности (первая треть XIX века). II. Вотчинная фабрика в области свеклосахарной промышленности (вторая треть XIX века). III. Размеры вотчинных предприятий. Крупные вотчинные предприятия. **Глава III.** Казенная фабрика. I. Казенные предприятия в первой половине XIX века. Донецкая промышленность. II. Киево-Межигорская фаянсовая фабрика.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Очерки истории украинской фабрики. Организация дореформенной фабрики.

Очерки истории украинской фабрики. Капиталистическая фабрика. Вып. I—II.

КНИГОЗБІРНЯ „СТУДІОН" У ЛЬВОВІ

8,10 (1986)

4459

Цена 1 р. 55 к.
№ 19456

Рл 4459

А. Оглоблин

Очерки истории укр. фабрики